Михаил ЕЛИСЕЕВ

БОЙНЫ СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

БОЙНЫ СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

Annotation

Войны ростово-суздальских и владимирских князей в XII веке — важнейшая и драматическая страница в истории Древней Руси. Именно эти войны оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу всего русского государства. После них Киев перестал быть главным политическим центром русских земель. Некогда единая страна разделилась на несколько частей: Русь Северо-Восточную, Русь Юго-западную и Русь Южную. Войны и походы Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо привели к тому, что именно Владимиро-Суздальское княжество становится самым могущественным на территории некогда единой Руси. С этого времени начинает проходить глобальный разлом между Русью Южной и Русью Северо-Восточной. Разлом, последствия которого ощущаются и в наши дни.

Об этом тревожном и трагическом времени рассказывает очередная книга серии.

- М.Б. Елисеев
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - I. ПРАВДА ОЛЕГА ГОРИСЛАВИЧА
    - 1. Усобица
    - 2. Крестник против крестного
    - 3. Травля волка
  - II. КАК КНЯЗЬ ЮРИЙ ТЯНУЛ РУКИ К КИЕВУ
    - 1. Проба сил (1120–1139 годы)
    - 2. Русь в огне (1139–1149 голы)
    - 3. На лезвии бритвы (1148–1149 годы)
    - 4. Непризнанный победитель (1150 год)
    - 5. Днепровский рубеж (май 1151 года)
    - 6. Сражение на Лыбеди (май 1151 года)
    - 7. Битва на Руте (июнь 1151 года)
    - 8. Походы на Чернигов и Рязань (осень 1152 — лето 1154 года)
    - 9. Последний поход на Киев (зима 1154 — весна 1155 года)
  - III. ПОХОДЫ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО
    - 1. Первые победы (1157–1164 год)
    - 2. Падение Киева (1165–1169 год)
    - 3. Битва суздальиев с новгородцами (25 февраля 1170 года)
    - 4. Вышгородская конфузия (1173 год)
  - IV. РАТНЫЕ ДЕЛА ВЕЛИКОГО ВСЕВОЛОДА
    - 1. Битва на Болоховом поле (15 июня 1176 года)
    - 2. Битва на Липице (27 июня 1177 года)
    - 3. Сражение на реке Колокше (20 февраля 1177 года)
    - 4. Поход на Торжок (1178 год)
    - 5. Стояние на реке Влене (зима 1181 года)

- 6. На восточном рубеже (1183–1186 годы)
- 7. Рязанская эпопея (1186–1210 годы)
- СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

М.Б. Елисеев

ВОЙНЫ СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Войны ростово-суздальских, а затем владимирских князей в XII веке являются важнейшим этапом в истории России. Именно они оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу Древней Руси. После этих войн роль Киева как главного политического центра русских земель окончательно сошла на нет. Некогда единая страна четко разделилась на несколько частей: Русь Северо-восточную, Русь Юго-Западную и Русь Южную. Наиболее мощным государственным образованием стало Ростово-Суздальское княжество, впоследствии Владимиро-Суздальское.

Если рассматривать сферу стратегических интересов суздальских князей, то мы увидим, что у них было три направления для проведения активной внешней политики. Это борьба за влияние в Южной Руси, подчинение Новгорода и противостояние с Волжской Болгарией. Примечательно, что эти приоритеты иногда менялись местами, в зависимости от обстоятельств. Если Юрий Долгорукий все силы приложил к тому, чтобы закрепиться на Юге и овладеть Киевом, то его сын Андрей Боголюбский ведет себя совершенно иначе. Ему не нужен киевский стол, у него наибольший интерес вызывают Великий Новгород и Волжская Болгария. В борьбе за Киев он, в отличие от отца, участвует не потому, что хочет жить в городе на Днепре, а чтобы изгнать оттуда враждебно настроенного к Суздалю князя и посадить на престол лояльного Залесской Руси правителя. Если для Юрия Долгорукого Северо-восточная Русь является лишь базой для борьбы за Киев, то его сын главное внимание уделяет именно укреплению и развитию Владимиро-Суздальского княжества. Походы на юг при Боголюбском происходят лишь в случае крайней необходимости. Во время правления Всеволода Большое Гнездо ситуация вновь меняется. Этот князь вообще не испытывает желания воевать за Киев. Младший сын Юрия Долгорукого предпочитает лишь оказывать поддержку нужным ему кандидатам на златой киевский стол, не ввязываясь при этом лично в военные авантюры на юге. Его устремления касаются Рязанского княжества. Волжской Болгарии и Новгорода. Достается от него в какой-то мере и черниговским князьям.

Все эти военные мероприятия требовали значительных затрат, но экономика княжества успешно справилась с вставшими перед ней проблемами. Ведь именно на ней базировалась военное превосходство суздальцев над князьями других земель. На крепком фундаменте, заложенном Юрием Долгоруким, его сыновья возвели здание Владимиро-Суздальской Руси, сильнейшего государства Восточной Европы.

В данной работе главное внимание уделяется военным предприятиям, сначала ростово-суздальских, а затем и владимиро-суздальских князей. Вопросы социально-экономического и внутриполитического развития не затрагиваются и не рассматриваются. То же самое касается и княжеских междоусобиц в Южной Руси, они разобраны лишь в контексте участия в них князей Руси Залесской.

Войны и походы Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо привели к тому, что именно Владимиро-Суздальское княжество становится самым могущественным на территории некогда единой Руси. Но для нас принципиально важен другой момент. Именно с этого времени начинает проходить глобальный разлом между Русью Южной и Русью Северо-Восточной. Разлом, последствия которого ощущаются и в наши дни.

Однако в популярной литературе данная тема не является достаточно освещенной, поскольку в основном внимание исследователей привлекает эпоха становления Древнерусского государства. На мой взгляд, это совершенно неправильно, поскольку именно Владимиро-Суздальская Русь стала той основой, на которой построена современная Россия.

I. ПРАВДА ОЛЕГА ГОРИСЛАВИЧА

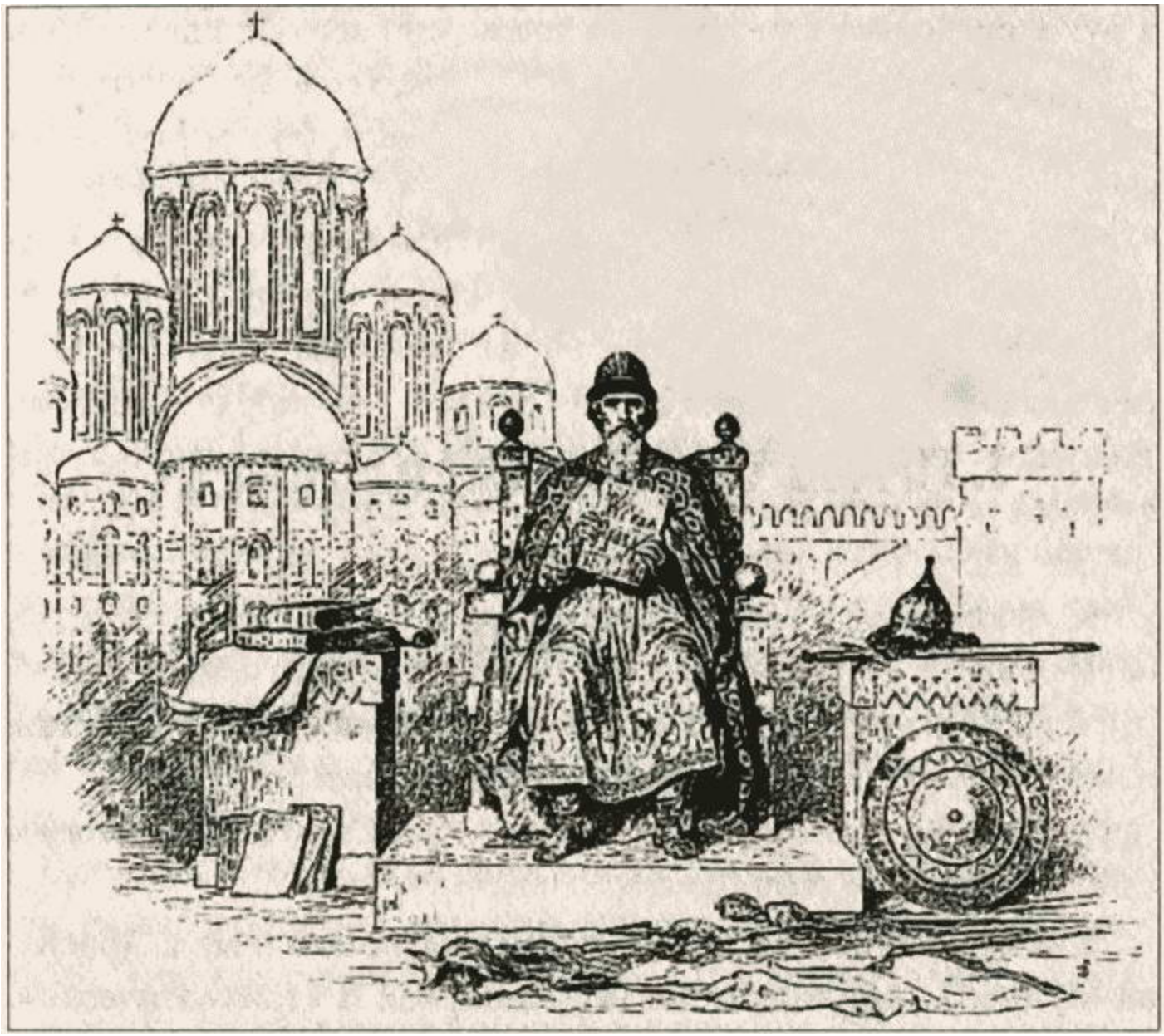
1. Усобица

Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрелы по земли сеяше.

Слово о полку Игореве

Князь Олег, сын киевского князя Святослава и внук Ярослава Мудрого, был личностью неординарной и харизматической. Сложись его судьба несколько иначе, и вполне возможно, что не один Владимир Мономах остался бы в памяти потомков как радетель и защитник Русской земли. Но Олегу была суждена иная участь.

Людская память довольно избирательна. Никто бы и не помнил в наши дни новгород-северского князя Игоря Святославича, внука Олега, совершившего неудачный поход против половцев, если бы этот горе-воевода не был увековечен гением автора «Слова о полку Игореве». Более достойные имена были забыты, а этот остался на слуху. Примерно то же самое случилось и с Олегом, который был заклеймен в «Слове» как главный крамольник и зачинатель усобиц на Руси: *«Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял».* Дальше автор снова поминает Олега, и снова не добрым словом: *«Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и прорастало усобицами, гибло достояние Даждь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу».* Уже само прозвище Гориславич частенько трактуется в том духе, что поскольку принес сей князь много горя Руси, то и получил такое прозвание от народа. Только вот всё дело в том, что доподлинно неизвестно, кто же наградил таким прозвищем Олега — народ или неизвестный автор «Слова»? Да и на саму проблему можно посмотреть с другой стороны: может, так князя прозвали потому, что доля у него была горькой? Дело в том, что у Олега была очень непростая судьба, и ему часто приходилось, как это не покажется странным, бороться за восстановление справедливости по отношению к себе лично. У князя были все шансы оказаться на положении изгоя и окончить свою жизнь либо за пределами Русской земли, либо в каком-нибудь захолустном городке. Хотя по закону и праву он мог претендовать на гораздо большее. Вот Олег и боролся за свои права с мечом в руке, поскольку к разумным словам уши его обидчиков были невосприимчивы. Гориславич был свирепым волком, но и остальные князья, с которыми он намертво сцепился, были такими же матерыми хищниками.



В. Верещагин. Князь Ярослав Мудрый

И ещё один момент. Дело в том, что противники Олега всегда относились к нему с уважением. И не важно, находился при этом Гориславич на вершине успеха или же был загнан в угол. Далеко не с каждым побежденным противником так обходились на Руси, подобное отношение надо было заслужить. Даже пролитая кровь родичей не меняла отношения к князю со стороны врагов.

Вот как раз Олег Святославич и оказался главным действующим лицом в тех масштабных боевых действиях, которые развернулись на территории Северо-Восточной Руси, на землях суздальских, ростовских и рязанских. Впервые княжеские дружины и городские ополчения сошлись здесь в жестоких и кровопролитных битвах, впервые здесь русские бились против русских. Это был своеобразный пролог грядущих событий.

* * *

У Ярослава Мудрого было шесть сыновей. Старший, новгородский князь Владимир, умер за год до смерти отца, и сын его, Ростислав, автоматически лишился не только прав на Киев, но вообще какого-либо удела на Руси. В итоге Ростислав с трудом сумел закрепиться в Тьмутаракани, но и там долго не прокняжил, будучи отравлен своими соседями — византийцами. Между оставшимися сыновьями Ярослав и разделил свое государство. Говорить о том, насколько такой шаг был разумен и не изменила ли в данный момент Ярославу его хваленая мудрость, смысла нет. Кто, как не он, должен был знать, к чему приводят подобные дележи! Его дед Святослав разделил Русь — и после смерти князя-воина сыновья сцепились в схватке за власть. Отец Ярослава, Владимир, победил в этой борьбе, но затем сам же разделил государство по уделам для многочисленных отпрысков. Поэтому после смерти Крестителя страна захлебнулась в крови междоусобиц. И по большому счету, именно Ярослав выступил в роли провокатора в этой войне. Поэтому знал старый князь, к чему приведет разделение страны, но тем не менее всех детей уделами наделил.

Старший сын Изяслав получил Киев. Второй, Святослав, — Чернигов. Третий сын, Всеволод, стал княжить в Переяславле, Вячеслав — в Смоленске, Игорь — на Волыни. Новгород остался в сфере влияния Киева, и там сидел сын Изяслава Мстислав. Но Ярослав все же был мудр, а потому закрепил за своими сыновьями окраинные и наиболее отдаленные земли. В «Приложении втором» к Новгородской I летописи младшего извода есть сведения о том, кто и что получил: *«А Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суждаль, Белоозеро, Поволожье»*.

Вячеслав умрет в 1057 году, Игорь в 1060-м, и всеми делами на Руси начинают заправлять три старших брата. И всё было хорошо до тех пор, пока в 1068 году на Русскую землю впервые не пришли половцы. Объединенное войско Ярославичей было разгромлено на реке Альте, и когда Изяслав прибежал в Киев, в городе вспыхнуло народное восстание. Старшего сына Ярослава Мудрого просто выгнали из столицы. В Киеве царила смута, половцы грабили и разоряли страну, но положение спас Святослав Черниговский. В битве на реке Сновь он с 3000 воинов наголову разгромил двенадцатитысячную половецкую орду и пленил хана Шарукана. Нашествие схлынуло обратно в степи, а в Киев с иноземными войсками явился Изяслав и снова уселся на златой престол.

Казалось, что в стране наступит тишина, но не тут-то было. Святослав оказался не только умелым полководцем и бесстрашным воином, но и опытным интриганом. События 1068 года наглядно показали ему, насколько непрочна в Киеве власть его старшего брата. И Святослав мысленно представил на киевском столе себя. Эта мысль ему настолько понравилась, что энергичный князь начал действовать в обход закона и права. Обратившись к младшему брату Всеволоду, он восстановил его против Изяслава и в 1073 году заговорщики в очередной раз выгнали старшего брата из Киева. Великим князем стал Святослав, а Всеволод перебрался из Переяславля в

Чернигов. Что же касается Олега (тогда ещё не Гориславича), то он по воле отца обосновался на Волыни.

Примечательно, что в данном вопросе расходятся мнения двух великих российских историков — Н.М. Карамзина и В.Н. Татищева. Николай Михайлович пишет о том, что Олег правил во Владимире-Волынском, а Василий Никитич — в Ростове. И здесь, несомненно, прав Карамзин, поскольку в своем «Поучении» Владимир Мономах прямо пишет о том, что его двоюродный брат был впоследствии выведен из Владимира-Волынского. С другой стороны, в 1076 году Олег и смоленский князь Владимир Мономах ходили походом на чешского князя Братислава. Вести дружину из Ростова в поход на чехов, по меньшей мере, глупо, зато для волынского князя подобный рейд вполне логичен и объясним, поскольку враг, можно сказать, под боком.

Вообще же в это время отношения между Владимиром и Олегом складываются очень хорошо, можно даже предположить, что они были друзьями. Недаром Олег Святославич стал крестным отцом у сыновей Мономаха Изяслава и Мстислава. Но всё резко изменилось, когда в том же 1076 году умирает киевский князь Святослав, отец Олега. Всеволод Ярославич оказался перед выбором — либо вступить в борьбу со старшим братом за Киев, либо оставить всё как есть и пропустить Изяслава в столицу. Изяслава поддерживали ляхи, но не это, скорее всего, остановило Всеволода, а то, что в данном случае он действовал не по закону и праву. Как ни поверни, а вернувшийся изгнанник был старшим братом, и в случае продолжения борьбы за киевский стол Всеволод в глазах всей Руси выглядел бы узурпатором. Младшему Ярославичу был чужд авантюризм брата Святослава, он был человеком прагматичным. Просчитав все последствия любого из своих решений, Всеволод решил пойти с Изяславом на мировую. Братья-соперники встретились на Волыни, куда вышел Всеволод с полками, и заключили мир. Изяслав получил Киев, Всеволод удержал за собой Чернигов, а его сын Владимир Мономах так и остался смоленским князем. Но пока Всеволод оставался на Волыни, в оставленном им Чернигове произошли очень интересные события.

Сын князя Вячеслава Ярославича Борис 4 мая 1077 года неожиданно объявился под городом и с ходу захватил его. Причина для такой авантюры могла быть только одна: князь оказался без удела и таким образом пытался восстановить попранную справедливость. Но не задалось, Чернигов Бориса не принял, и, прокняжив там всего восемь дней, он покинул город. Всеволод спокойно вернулся домой. Но не один, а вместе с племянником Олегом, который был лишен княжения во Владимире-Волынском в пользу сына Изяслава. На Руси начиналось очередное перераспределение княжеских столов, и дети Святослава оказываются практически на положении изгоев, поскольку их выводят из уделов. Старшему сыну Святослава Давыду ещё повезло, и он оказался на княжении в Муроме. Для Олега же полоса везения закончилось…

В 1077 году, по сообщению Воскресенской и других летописей, Олег жил у своего дяди Всеволода в Чернигове. Трудно сказать, в качестве кого находился

Святославич при своем дяде, может, даже в качестве заложника, поскольку Всеволод был очень хитер. Но в одном можно не сомневаться — видя, как во дворце его отца, где прошла вся жизнь Олега и который он привык считать своим, распоряжаются чужие люди, молодого князя охватывала ярость. Но он пока ничего не предпринимал, а просто сидел и ждал, когда же у дядьев проснется совесть и они выделят ему какой-либо удел, согласно закону и праву. Однако совесть не проснулась, и Олег понял, что за своё место под солнцем ему придется бороться.

Но был ещё один момент, который не мог не пугать даже такого мужественного человека, как Святославич. Дело в том, что Олег опасался, что с него могут спросить за дела отца. Он не сомневался, что его дяде Изяславу хорошо известно, кто же был истинным виновником его изгнания, так же как и в том, что Всеволод постарается как можно больше очернить Святослава, чтобы снять с себя часть вины. В итоге терпение Олега лопнуло. Прождав практически год, когда же старшие родственники выделят ему волость, он в апреле 1078 года побежал туда, куда в последнее время бежали из Русской земли изгои-князья. В Тьмутаракань.

* * *

Не один Олег Святославич оказался обижен алчными дядьями. В Тьмутаракани уже был его брат Роман. Там же был и двоюродный брат Борис Вячеславич, тот самый, который захватывал Чернигов. Борис, так же как и Олег, был человеком деятельным и решительным, поэтому они довольно быстро нашли общий язык. Оба прекрасно понимали две вещи: что с ними поступили несправедливо, не по закону и праву, и что если они сами о себе не позаботятся, то за них это никто не сделает. Но своих возможностей у двоюродных братьев было явно недостаточно, чтобы эту самую справедливость восстановить, и поэтому они обратились за помощью к третьей силе — половцам. Понимал ли Олег, что он делает, когда договаривался с извечными врагами Руси о военной помощи против родственников? Конечно, понимал, не мог не понимать. Но с другой стороны, у него и выхода другого не было, князь был буквально загнан в угол своими беспринципными и алчными родичами. У него был конкретный выбор — либо всю жизнь прожить в захолустье и скитаться в поисках куска хлеба и крова над головой, либо попытаться вернуть себе то, что было положено ему по праву. Поэтому не надо осуждать только одного Олега за то, что случилось в дальнейшем, его родственники виноваты в этом не меньше. Да и сентенции летописца по поводу того, что Олег с Борисом *«земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет Бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские»* (Повесть временных лет), явно не соответствуют действительности. Поскольку те, кто довел молодых князей до такого положения дел, остались за кадром. Изяслав и Всеволод Ярославичи — вот главные виновники разразившейся усобицы, именно они своими корыстными и непродуманными действиями не оставили племянникам выбора. Преступив древний

закон и лишив сыновей брата уделов, Изяслав и Всеволод сами спровоцировали эту войну.

Олег и Борис поступили грамотно, выбрав своей целью именно Чернигов. В прошлом году горожане не приняли Бориса, поскольку он был для них чужаком, зато ситуация с Олегом была совершенно противоположной. Он в этом городе родился, вырос, многие жители знали молодого князя лично. Однозначно, что он пользовался в городе куда большей популярностью, чем выходец из Переяславля Всеволод Ярославич. Все это было учтено, когда двоюродные братья выступили в поход. 25 августа половецкая орда, которую вели Олег и Борис, разгромила дружину Всеволода, и Чернигов открыл ворота перед своим князем.

Побитый же Всеволод побежал к брату в Киев. Изяслав был человеком добродушным и зла долго не помнил, иначе мог бы выставить младшему брату солидный счет за все свои беды и обиды. Но он вместо этого стал собирать полки, чтобы поставить на место зарвавшихся, по его мнению, племянников. Помимо киевлян в поход пошла дружина сына Изяслава Ярополка, а также смоленская рать Владимира Мономаха. Великокняжеское войско подошло к Чернигову, но горожане горой встали за своего князя Олега, не пустили Всеволода и приготовились к обороне. Сам Святославич вместе с Борисом в этот момент в городе отсутствовал, было очевидно, что вражеское вторжение застало их врасплох. Они стали спешно стягивать в один кулак свои войска, но пока двоюродные братья готовились к предстоящей схватке, начался приступ Чернигова. Горожане бились отчаянно и, когда враг прорвался сквозь первую линию укреплений, затворились в Детинце. Но в этот момент Изяслав узнал, что на помощь осажденному городу идут Олег с Борисом, а потому велел снимать осаду и идти навстречу племянникам. Противники встретились 3 октября у села Нежатина Нива.

В. Верещагин. Князь Изяслав Ярославич

Будучи реалистом, Олег довольно взвешенно подошел к оценке вражеских сил: *«И сказал Олег Борису: “Не пойдем против них, не можем мы противостоять четырем князьям, но пошлем с смирением к дядьям своим“»* (Повесть временных лет). И действительно, хотя в данный момент перевес был на стороне врага, Святославич вполне резонно рассудил, что дядья могут и не захотеть лить кровь. Да и Владимир Мономах, известный своим здравомыслием, мог очень сильно посодействовать мирному решению вопроса. *«Смотри, я готов и стану против всех»* — так заявил Борис своему родственнику. Сражение стало неизбежным.

Битва на Нежатиной Ниве закончилась сокрушительным поражением мятежных князей. Борис погиб во время первой же атаки, а Олег сражался до тех пор, пока его зажатые со всех сторон войска не обратились в бегство. Но и противник понес тяжелые потери, а самым главным было то, что в битве погиб киевский князь Изяслав. В итоге получалось, что в очередной раз в выигрыше оказался Всеволод.

Одним разом он избавился и от смутьянов, и от старшего брата, заняв по закону и праву киевский стол. Мономах, соответственно, получал Чернигов, и шансы на то, что Олег сумеет туда вернуться в ближайшее время, развеялись как дым.

Тем временем Святославич вновь бежал в Тьмутаракань. На следующий год его брат Роман снова повел половцев против Всеволода, но хитрый князь просто подкупил степняков, и те убили Романа. А вскоре киевский князь добрался и до Олега. Правда, марать руки кровью родственника не стал, а действовал хитро, в чисто византийском стиле. В Тьмутаракани Олега схватили хазары и отправили в Константинополь. Будучи через свою первую жену родственником византийских базилевсов, Всеволод легко договорился о том, чтобы имперские чиновники отослали куда-либо подальше не в меру прыткого племянника. Так Святославич оказался в ссылке на острове Родос. А в Тьмутаракани объявился посадник Всеволода Ратибор и привел город под власть киевского князя. Казалось, что для Олега всё кончено.

В. Верещагин. Князь Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах

Но князь-изгой сдаваться не собирался. Женившись на знатной гречанке Феофании Музалон, он с помощью её влиятельных родственников получил возможность в 1083 году вернуться в Тьмутаракань. К этому времени ситуация в городе вновь изменилась и вместо посадника Ратибора там правили два очередных изгоя — Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич. Один был сыном Игоря Ярославича, другой — отравленного византийцами князя Ростислава. Олег родичей из Тьмутаракани турнул, а хазар, которые выдали его Византии, велел порубить.

В этот раз князь задержался в Тьмутаракани надолго, до 1094 года. Понимал, что приди он сейчас на Русь, и его там просто раздавят Всеволод с Мономахом при полной поддержке сыновей Изяслава. Потому и выжидал, как хищник в засаде. И дождался — в 1093 году умер Всеволод Ярославич, и у Олега появляется пусть небольшая, но надежда на лучшее. И основана она была прежде всего на том, что Владимир Мономах и Святополк Изяславич будут бороться за киевский стол. Но Мономах, как когда-то и его отец, поступил мудро, решив действовать по закону и уступить Святополку Изяславичу Киев: *«Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца»* (Повесть временных лет). За собой Владимир удержал Чернигов, второй по значимости город на юге Руси, а младшего брата Ростислава отправил в Переяславль.

Шансы Олега на восстановление справедливости вновь свелись к нулю, но тут случилось то, чего не мог предвидеть ни он сам, ни дальновидный Мономах, — на Русскую землю вновь вторглась половецкая орда. В битве у Треполя дружины киевского князя Святополка, Ростислава Переяславского и Владимира Мономаха были разбиты наголову, причем во время бегства младший брат Мономаха утонул в реке.

Вот он, тот шанс, который годами ждал Олег!

Святославич прекрасно понимал, что если он сейчас не воротит себе Чернигов, то он не вернет его себе никогда. Дружина Мономаха разгромлена, и помощь ему ниоткуда не придёт, поскольку брат Ростислав погиб, а киевского князя Святополка со всех сторон обкладывают степняки. В 1094 году Олег с половецкой ордой подошел к Чернигову и взял город в осаду. Половцы рассыпались по окрестностям, жгли монастыри и грабили деревни, а Святославич был вынужден созерцать, как подвергается разорению его земля. Бои за Чернигов продолжались восемь дней, и, исчерпав все возможности к сопротивлению, Мономах был вынужден вступить с Олегом в переговоры. Тот не потребовал от двоюродного брата ничего унизительного, а просто предложил оставить Чернигов и уйти в Переяславль — город, который являлся родовым уделом отца Мономаха. Владимир Всеволодович уехал в свою вотчину, а Олег сел на столе своего отца. Казалось, пора бы и тишине наступить на Руси, но не тут-то было!

В 1095 году в Переяславле по прямому приказу Владимира Мономаха были подло убиты пришедшие на переговоры половецкие ханы Итларь и Китан. После этого Владимир Всеволодович и Святополк Изяславич пошли с дружинами в степь, разгромили половецкие становища и вернулись с большой добычей. Но перед самым

походом они посылали к Олегу, велев ему вместе с дружиной присоединиться к походу. Однако черниговский князь им отказал. В итоге, когда двоюродные братья вернулись из рейда, они направили в Чернигов гневное послание: *«Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле»* (Повесть временных лет).

Почему Олег отказался от похода? Причина проста: во-первых, он ещё не успел как следует укрепиться на Руси и в Чернигове в частности. Кто его знает, что может произойти, если он покинет город? Во-вторых, половцы были его союзниками, которые дважды оказывали Святославичу помощь. Пусть и не безвозмездно, но тем не менее. Однако самым главным было то, что Олег совершенно не верил своим родственникам: *«ибо он по своему злостному нраву думал, что Святополк за изгнание отца его от отца Олегова и за убийство его, а Владимир за собственное изгнание из Чернигова мстить будут»* (В.Н. Татищев). И надо признать, что опасения черниговского князя не были беспочвенны. Потому что пройдет несколько лет и в похожей ситуации по приказу Святополка и при прямом содействии Давыда Игоревича будет схвачен и ослеплен теребовльский князь Василько Ростиславич.

Что же касается выдачи или убийства сына половецкого хана Итларя, который нашел убежище в Чернигове, то Олег считал ниже своего достоинства строить своё благополучие за счет человека, оказавшегося в беде. Черниговский князь понимал, что играет с огнем и родственники ему отказа не простят, но не мог предать того, кто попросил его о помощи. У Олега были свои понятия о чести. В итоге усобица вышла на новый виток и захлестнула Северо-Восточную Русь — землю Ростовскую и Муромскую.

*** * ***

Первым князем в Ростовской земле, чьё имя упоминается в летописях, был Ярослав, которого потомки назовут Мудрый. В Повести временных лет под 988 годом прописано, как Владимир Святославич распределил уделы между сыновьями: *«И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове,* **а Ярослава в Ростове**». Правил он там достаточно долгий срок, вплоть до 1010 года. Регион был очень обширный, и князю не приходилось сидеть сложа руки. Именно с именем Ярослава местные предания связывают основание города Ярославля. Но затем князь Владимир произвел перераспределение столов: *«Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава,* **а Бориса в Ростове**, *а Глеба в Муроме».* Как видим, Ростов снова не остался без князя, но обратим внимание на такой момент — свой князь появляется и в Муроме. Таким образом, Владимир старается как можно крепче привязать северо-восток страны к Киеву. Можно даже предположить, что, когда князь Борис уедет к отцу в столицу, именно его брат Глеб останется наместником в этом далеком регионе и будет заниматься делами не только Муромского княжества, но и Ростовского. Но после гибели Глеба в сентябре 1015 года

ситуация вновь поменяется и в Муроме будет всеми делами вершить наместник великого князя. Однако в 1024 году после битвы при Листвине, когда киевский князь Ярослав будет разбит своим братом Мстиславом Черниговским, Муром войдёт в состав Черниговского княжества, и теперь уже наместник из Чернигова, а не из Киева будет вершить все дела в древнем городе.

Что же касается Ростовской земли, то, скорее всего, она тоже окажется в сфере черниговского влияния, поскольку иначе трудно объяснить тот факт, что воевода черниговского князя Святослава Ярославича, Ян Вышатич будет собирать там дань в 1071 году. И хоть речь идет о событиях в районе Белоозера, ещё В.Н. Татищев отмечал, что *«Белоозеро присовокуплено тогда к княжению Ростовскому».* Пресекая разбой шайки пришедших из Ярославля волхвов, воевода будет действовать от имени своего князя, да и сами смутьяны в итоге заговорят о суде Святослава Ярославича. Вряд ли Ян Вышатич стал бы заниматься поборами и творить самоуправство в землях другого князя.

Ситуация радикально поменяется после того, как великим князем Киевским станет Всеволод Ярославич Переяславский и Ростовская земля перейдет в его владение. Это признают все. Недаром Олег Гориславич в 1097 году скажет сыну Владимира Мономаха Изяславу: «**Иди в волость отца своего к Ростову**» (Повесть временных лет). Переяславские князья к этому времени закрепят за собой огромные территории на северо-востоке Руси. Но это в дальнейшем. Дело в том, что когда Переяславль уже потеряет статус третьего по значению города на Руси, то правители Суздальской земли, потомки Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, будут смотреть на него как свое наследственное владение. И отстаивать свои права на этот город с оружием в руках.

Однако, оказавшись под рукой Всеволода, Ростовское княжество до поры до времени не испытывало каких-либо изменений в своем внутреннем устройстве. Судя по всему, постоянного князя в Ростовской, или, как её ещё называли, Залесской, земле не было, хотя Владимир Мономах и ездил туда по поручению отца. *«Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец»* — так расскажет об этом Владимир Всеволодович в своем «Поучении». Всего легендарный князь посетит Северо-Восточную Русь четыре раза, это он напишет в том же «Поучении»: *«И потом снова ходили к Ростову на зиму, и 3 зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов».* Затем Мономах снова отметит: *«И потом пошел к Ростову».*

Что же касается Всеволода Ярославича, то он так и не появится в своих дальних владениях. С князьями в Ростове в этот период вообще будет туго, что и подтверждают слова Владимира Мономаха, сказанные своему двоюродному брату Святополку в 1095 году. Речь шла о том, что черниговские князья *«видя землю Ростовскую и Суздальскую без князя, много от оной забирают»* (В.Н. Татищев).

С другой стороны, похожая ситуация сложилась и в Муромской земле, поскольку отсутствие в ней князя сказывалось самым негативным образом. Недаром волжские болгары извещали младшего брата Олега, Ярослава Святославича, о том, что по Оке и Волге резко увеличилось количество разбоев, и просили князя навести в своих землях

порядок. Судя по всему, Ярослав никак не отреагировал, и тогда болгары решили проблему радикально — захватили и разграбили Муром, а все окрестные села пожгли.

В целом же можно говорить о том, что на северо-востоке страны произошло своеобразное разделение сфер влияния — в Ростовском княжестве закрепились переяславские князья, а Муром за собой удержали представители черниговского княжеского дома. И вот при таком положении дел на северо-востоке разразилась первая княжеская усобица.

2. Крестник против крестного

Того же лета бысть бой Ольгу со Изяславом, и убиен бысть Изяслав, сын Володимер, внук Всеволож, сентября 6.

Пискаревский летописец

Олегу дорого обошелся его отказ подчиниться двоюродным братьям. Черниговский князь прекрасно понимал, чем ему это грозит, но тем не менее не выдал родственникам сына хана Итларя и войска на половцев не повел. Тень новой междоусобицы упала на Русь. Мономах запланировал против Олега большую военную кампанию и начал к ней основательно подготавливается. Он решил атаковать двоюродного брата не только в Чернигове, но и на северо-востоке Руси и для этого предпринял соответствующие меры. Именно к этому времени и относится знаменательный разговор Владимира с киевским князем Святополком по поводу Ростовской земли, о котором нам сообщает В.Н. Татищев: *«Владимир представлял Святополку, что Олег с братьями, видя землю Ростовскую и Суздальскую без князя, много от оной забирают и, надеясь на силу свою, их уничтожают».* Последствием этого диалога стало то, что сын Владимира Всеволодовича, Мстислав, был выведен из Смоленска и отправлен князем в Ростов.

Сам Мстислав Владимирович, старший сын Мономаха, был личностью весьма примечательной и был известен в Европе под именем Гаральда. Дело в том, что по линии своей матери, принцессы Гиты, он приходился внуком храброму английскому королю Гарольду Годвинсону, павшему в сражении с нормандцами Вильгельма Ублюдка. После смерти отца в битве при Гастингсе Гита вместе с уцелевшими родственниками бежала в Данию, к королю Свену, который приходился ей дядей. Вот он-то и посодействовал её браку с русским князем Владимиром. Мстислав был хорошо образован, выдержан в общении, храбр в бою и неплохо разбирался в ратном деле. Вот все эти его таланты и могли быть востребованы в Ростово-Суздальской земле, которую надо было обустраивать, охраняя при этом её рубежи с мечом в руке.

В Смоленске тем временем стал княжить другой сын Владимира Всеволодовича, Изяслав. Казалось, что теперь на Руси установится тишина, но, увы, этого не произошло, поскольку события стали нарастать как снежный ком. Неожиданно в Смоленске объявился старший брат Олега Давыд: его прогнали с берегов Волхова новгородцы, и он решил возвратиться в тот город, из которого когда-то отправился княжить в Новгород. Давыд вежливо попросил родственника покинуть Смоленск. Очевидно, что Изяслав не имел возможности в данный момент оказать сопротивление, а потому он ушел в Курск, где решил накопить сил и выбить Давыда из Смоленска. Судя по всему, сам Мономах в эту распрю пока не вмешивался, а просто следил за развитием событий.

Дело в том, что из Новгорода к нему явилось посольство, которое попросило на княжение сына Мстислава, который в это время правил в Ростове. Владимир Всеволодович быстро сориентировался в ситуации и велел Мстиславу срочно ехать в Новгород, а затем и сам отправился на берега Волхова. Мономах мыслил гораздо шире, чем все его политические оппоненты, вместе взятые. Хитрый князь решил использовать сложившуюся ситуацию в своих целях и удержать Новгород за собой и своим родом. Он обязал новгородцев поклясться на кресте в верности Мстиславу, а заодно женил сына на дочери посадника, закрепившись в вольнолюбивом городе через родственные связи. И лишь покончив с новгородскими делами, Владимир Всеволодович решил, что настало время нанести решающий удар по Олегу. Мономах отправил гонца к сыну Изяславу в Курск и велел оставить Давыда и Смоленск в покое, а самому идти походом на Муром.

Вот здесь мы наблюдаем очень интересный момент. Дело в том, что за Мономахом закрепилась слава радетеля за единство Русской земли и борца с княжескими междоусобицами. И надо сказать, что произошло это вполне заслуженно. Однако в данной ситуации усобицу разжигает именно он, что четко видно, если сопоставить данные источников. Цель подобной хитроумной многоходовой комбинации определить нетрудно, это, конечно же, Чернигов, который Владимир Всеволодович хочет вернуть себе. Поэтому и обкладывает Олега со всех сторон, отправляя Изяслава занять принадлежавший сыновьям Святослава Муром, а сам собирается вести полки на Чернигов. Беда в том, что действует Мономах не по закону и праву, поскольку род Святославичей старше рода Всеволодовичей. С другой стороны, в этой кампании Владимир сделает то, в чём летописцы постоянно упрекают Олега, — приведет на Русь половцев.

Среди историков бытует мнение, что Изяслав совершил набег на Муром исключительно по своей инициативе, вопреки воле отца. Н.М. Карамзин прямо указывает на то, что *«юный сын Мономахов, Изяслав, Правитель Курска, подал новый ко вражде случай,* **нечаянно** *завладев Муромом, городом Черниговского Князя».* Такой взгляд на проблему возник потому, что в своем «Поучении» Мономах снимает с себя всякую вину за рейд Изяслава на Муром, да и сына старается обелить в глазах Олега. Вот что пишет по данному поводу Владимир Всеволодович: *«Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить.* **Подучили ведь его слуги**, *чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла».* На мой взгляд, подобный подход излишне прост и имеет вполне конкретную цель — снять с Мономаха вину в разжигании усобицы на Руси. Не к лицу это великому защитнику земли Русской и борцу с княжескими крамолами. Но тем не менее это так.

В.Н. Татищев конкретно указывает, что Мономах «**к Изяславу сыну послал, чтоб он ехал в Муром на княжество Давидово**». С другой стороны, Владимир держал своих сыновей в железном кулаке и однозначно не позволил бы им заниматься самодеятельностью. Как мы увидим в дальнейшем, по всем серьёзным вопросам они спрашивали мнение отца. Что же касается постулата о том, что в развязывании конфликта виноваты некие недобросовестные слуги, то тот же Татищев пишет о них

так: *«Изяслава послал Владимир в Смоленск* **с надежными вельможами**». С этими же «вельможами» Изяслав уходит в Муром. Получается, что в Смоленске на этих людей можно было положиться, а в Муроме нет? Не складывается.

Поэтому, если отбросить в сторону политкорректность и назвать вещи своими именами, то мы увидим довольно неприглядную картину: очередную усобицу на Руси развязал Владимир Всеволодович Мономах и никто иной. При этом князь преследовал свои узкокорыстные цели, а заботы о благе Руси здесь и не было. Не всё было так однозначно, как об этом пытаются нам рассказать некоторые исследователи.

*** * ***

Началось всё с того, что Давыд Святославич, сидя в Смоленске, услышал о том, что новгородцы приняли к себе Мстислава. Давыда обуяла зависть, и он, возжелав снова княжить на берегах Волхова, устремился в Новгород. Но господа новгородцы снова дали князю от ворот поворот, и тот возвратился в Смоленск несолоно хлебавши. Тем временем к Мурому подошло войско Изяслава. Однако жители города и не подумали оказать ему сопротивление, поскольку были прекрасно осведомлены о том, что их князь Давыд утвердился в Смоленске, где раньше княжил Изяслав. Подобные перестановки князей на столах были в порядке вещей, и муромцы приняли сына Мономаха с честью. Лишь посадник Олега заподозрил неладное, но Изяслав велел его схватить и засадить в поруб, дабы не мутил народ.

Вот теперь под рукой Владимира Всеволодовича оказалась вся Северо-Восточная Русь, включая Муром, Ростов, Суздаль и Белоозеро. Вопрос заключался в том, как на это отреагирует Олег. Но черниговский князь пока молчал, никак не проявляя своей озабоченности. Вполне возможно, он понимал, что Святополк и Мономах просто ждут, когда он будет вынужден вернуть себе Муром силой, и в этот момент нанесут удар по Чернигову. Святославич должен был терпеливо сносить и эту несправедливость.

Видя, что пока у них ничего не получается, Мономах и Святополк решили зайти с другой стороны. Согласно Повести временных лет, Олега вызвали в Киев: *«Приди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых».* При этом В.Н. Татищев делает очень интересное дополнение: *«И уложили между собою Чернигов дать Давиду Святославичу, Олегу из-за его беспокойств — Муром, Ярославу и Святославу братьям — Северу и Тмутаракань, Изяслава из Мурома посадить снова в Смоленске. Но сего Олегу до съезда не объявили».* Получается, что всё уже было решено и присутствие Святославича на съезде превращалось в пустую, но необходимую формальность.

Есть большая вероятность того, что Олег мог узнать о таком переделе уделов, и поэтому дальнейшие события получают своё логическое обоснование. Из Чернигова отправиться в Муром или Тьмутаракань было для князя неприемлемо, поскольку его

двоюродные братья и не скрывали, что их главной целью является удаление Олега из большой политики. Скорее всего, Святославич и не возражал, чтобы его старший брат Давыд получил Чернигов, это было бы ярким выражением той самой справедливости, которую он отстаивал всю свою жизнь. Но ему-то самому не в Муром же ехать! Да и родственникам своим черниговский князь совершенно не доверял, выражая опасение по поводу собственной безопасности в Киеве. В итоге Мономах и Святополк получили от Олега тот ответ, которого и ожидали: *«Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам»* (Повесть временных лет).

Теперь руки у Святополка и Владимира были развязаны. Их ответ Олегу достаточно примечателен, хотя бы потому, что никаких конкретных обвинений в его адрес там нет, одна голословность и стремление выдать желаемое за действительное. *«Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам,* **то, значит, ты злоумышляешь против нас** *и поганым хочешь помогать, — так пусть Бог рассудит нас»* (Повесть временных лет). Обвинения насчёт половцев сразу отбросим за ненадобностью, поскольку не родственникам Олега было на эту тему рассуждать. Ибо Святополк являлся зятем могущественного половецкого хана Тугоркана, а Владимир Всеволодович сам будет охотно использовать степняков в борьбе против Олега. Что же касается вариаций на тему, что ты, наверное, против нас «злоумышляешь», то это были просто пустые слова и не более того, поскольку фактов у Святополка с Владимиром не было никаких. Ведь в противном случае летописец, негативно настроенный к Олегу, обязательно об этом бы упомянул. Святославич же хотел только одного: чтобы его оставили в покое, но судьба распорядилась иначе. Киевские и переяславские полки выступили на Чернигов.

В. Верещагин. Князь Святополк II Изяславич

Олег не захотел подвергать родной город тяготам осады, поэтому 3 мая отступил с дружиной и ратниками в Стародуб, где и решил дать бой родственникам. Сражение за Стародуб продолжалось 33 дня, воины Олега бились зло и крепко, а сам князь умело руководил обороной. Потери несли обе стороны, осажденные изнемогали от непрерывных вражеских атак и отсутствия припасов, но продолжали обороняться.

Между тем алчность Владимира в отношении Чернигова обернулась большим злом для Русской земли. Сведав о том, что переяславские и киевские полки ушли против Олега, на Русь началось половецкое вторжение. Хан Боняк разорил окрестности Киева и сжег княжеский двор в Берестовом, а хан Куря разграбил переяславские земли. И в довершение всех бед любимый тесть Святополка, Тугоркан, 30 мая объявился под стенами Переяславля и взял город в осаду. Мономаху и Святополку было от чего схватиться за голову.

Рассказ Повести временных лет о том, что Олег сам запросил мира у двоюродных братьев, вряд ли соответствует действительности, поскольку даты,

которые приводит летописец, говорят совершенно о другом. Олег вышел из Чернигова в Стародуб 3 мая, а осада города продолжалась 33 дня. В середине мая на Русь вторглись Боняк и Куря, а Тугоркан взял в осаду Переяславль 30 мая. Однозначно, что Владимир и Святополк получили эти сведения в разгар боев за Стародуб и были вынуждены начать с Олегом диалог, чтобы спасти свои владения. Другого развития событий просто не могло быть. Но и Святославич понимал невозможность дальнейшего сопротивления, поэтому и согласился уйти в Смоленск, к брату Давыду. А затем вместе с ним прийти в Киев, чтобы там миром решить вопросы внутреннего обустройства Русской земли. Поцеловав друг другу крест, родственники разъехались в разные стороны.

Но, оказавшись в Смоленске, Олег заявил брату, что не собирается оставлять подлость родичей безнаказанной и будет отбивать Муром силой. Давыд полностью его поддержал и дал в распоряжение Олега смоленские полки. Усобица, развязанная Мономахом, получила дальнейшее развитие.

*** * ***

Когда Изяслав узнал, что его крестный идет на Муром, то не испугался, а стал собирать войска. Молодой князь знал, какой опытный и опасный противник ему будет противостоять на поле боя, а потому стягивал полки со всех концов своих владений. Пришли ратники из Ростова, Суздаля и с Белоозера. И здесь невольно напрашивается мысль, что в данный момент Изяслав был не просто муромским князем, но и наместником Мономаха в Ростовской земле. Под рукой Изяслава Владимировича была вся Северо-Восточная Русь, и он вполне резонно полагал, что у него хватит сил, чтобы отразить вторжение Олега.

Между тем Святославич вовсе не испытывал желания проливать кровь, а потому послал к крестнику посольство со словами увещания: «**Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?**» (Повесть временных лет). Олег верен себе. Он снова пытается доказать своему оппоненту, что правда на его стороне, но, как всегда, сына Святослава никто не слушает. Вновь личные амбиции и корысть берут вверх над всем остальным. Как всегда, когда дело касается Олега Святославича. Даже летописец, который Олега не жалует, вынужден признать очевидное: *«И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих.* **Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом**, *и пошел к городу с воинами»* (Повесть временных лет).

Но здесь мы обратим внимание вот на какой нюанс. Дело в том, что именно в этот момент советники Изяслава и должны были вмешаться, чтобы остановить кровопролитие. Взвесить всё на весах своей мудрости, а потом доложить князю о возможных последствиях его горячности. Но этого не происходит, наоборот, по сообщению В.Н. Татищева, молодой князь решился на битву *«послушав совета*

льстецов своих». Вполне возможно, что Мономах именно этот эпизод и имел в виду, когда говорил, что Изяслава подучили «слуги». Хотя Муром молодой князь захватил не потому, что его кто-то подучил, а потому, что его послал в поход на этот город отец.

*** * ***

Битва между Олегом и его крестником произошла 6 сентября 1096 года. Изяслав был уверен в победе, поскольку его войско превосходило Олегову рать численно. Правда, при этом он не учитывал ни огромного военного опыта Олега и его воевод, ни ратного мастерства черниговской дружины, которая постоянно проводила время в боях и походах. Да и муромцы были ненадежны. Но сын Мономаха надеялся смять врага натиском белозерских, суздальских и ростовских полков до того, как сторонники Олега сумеют себя проявить. Изяслав не собирался отсиживаться за стенами, а вывел войско в поле, чтобы встретить Олега на подступах к городу. И Святославич долго ждать себя не заставил.

…Сын Владимира Мономаха Изяслав в окружении бояр, воевод и гридней-телохранителей сидел на коне и из-под руки наблюдал за тем, как на противоположном конце поля разворачиваются в боевые порядки смоленские полки и черниговская дружина. В предчувствии битвы и несомненной победы молодой князь весело скалился, посмеиваясь на шутки и остроты своих вятших мужей, благо те щедро отпускали их в адрес противника. Порывы ветра трепали суздальские, ростовские, муромские и белозерские стяги, тысячи воинов переминались с ноги на ногу, ожидая приказа идти в атаку. Но приказа не было. Изяслав сознательно выжидал, когда Олег первым ринется в бой, чтобы опрокинуть врага встречным натиском своих полков. Вскоре на противоположном конце поля заревели боевые трубы смолян и черниговцев, и вражеская рать пошла вперед. В центре боевого порядка, прикрываясь червлеными щитами, шла смоленская пехота. Прикрывая её, справа и слева устремились в бой черниговская дружина и конные гридни Давыда. Выждав ещё немного, Изяслав махнул рукой, и под пение боевых труб, приминая ногами осеннюю траву, навстречу врагу устремились ростовские и суздальские полки.

Две рати столкнулись в середине поля, строй смолян прогнулся было под слаженным натиском полков Изяслава, но затем распрямился и выровнялся. Смоленским воинам опыта было не занимать; укрываясь за большими щитами, они умело отражали вражеские атаки, при первой возможности сами переходя в наступление. Видя, что сломить противника с первого натиска не удалось, Изяслав послал в бой белозерцев и муромцев, которые дружно навалились на строй рати Олега. Натиск был настолько силен, что смоляне и черниговцы не выдержали и начали медленно пятиться. Тщетно Олег и его воеводы метались среди отходивших ратников, пытаясь их остановить, напрасно бросались в отчаянные контратаки

смоленские и черниговские гридни — воины Изяслава ломили вперед, сминая боевые порядки противника.

Видя, что враг вот-вот побежит, сын Мономаха поднял меч и бросился в битву. За ним устремились телохранители и ближние бояре. Группа всадников с разгона влетела в ряды смоленской пехоты и начала направо и налево рубить мечами. Княжеский стяг гордо реял над курскими гриднями, показывая остальному воинству, что сын Мономаха лично вступил в бой. Но смоляне пропустили врагов в глубь строя, а затем сомкнулись. Под ударами копий полегли телохранители Изяслава, а затем и самого князя свалили с седла ударом боевого топора. Видя падение княжеского стяга и гибель Изяслава, его воины дрогнули. Первыми побежали муромцы, они сразу устремились в сторону городских ворот, до которых было рукой подать. Часть же суздальцев и ростовцев кинулась к лесу, остальные бросились к городу. Олег не велел их преследовать, он прекрасно понимал, что Муром и так уже в его руках. Велев отыскать тело Изяслава, князь направился к проездной башне, где горожане распахивали ворота и били в колокола, встречая победителя.

3. Травля волка

Мстислав же прииде к Суздалю, и ту приидоша к нему братия его Вячеслав с половцы.

Пискаревский летописец

Вступив в Муром, Олег первым делом велел повязать всех находившихся в городе суздальцев, ростовцев и белозерцев и бросить их в заключение. После этого князь крепко задумался. Он прекрасно понимал, что Мономах не простит ему ни смерти сына, ни захвата Мурома. И не важно, что в данной ситуации Владимир Всеволодович был конкретно не прав, теперь между ним и Олегом стояла кровь. Поэтому война продолжится. С другой стороны, Святославич видел, что у него появился реальный шанс перехватить у врага инициативу и захватить оставшиеся без защиты Суздаль и Ростов. После гибели Изяслава владения Мономаха в Северо-Восточной Руси охранять было некому, и забрать их под свою руку Олегу не составляло труда. Правда, здесь князь вступал в противоречие с теми принципами, которые всю жизнь отстаивал с мечом в руке, поскольку в данной ситуации он покушался на то, что ему не принадлежит. Ведь Суздаль и Ростов — волости Владимира! Но, во-первых, Олег был страшно зол на двоюродного брата за то, что тот вновь отнял у него Чернигов, а во-вторых, зная, что мира теперь не будет, Святославич решает ослабить позиции врага в регионе и укрепить свои собственные. Похоронив Изяслава в Спасском монастыре, Олег повел свои полки на Суздаль. Город стоял в излучине реки Каменки и был защищен земляными валами, на которых высились деревянные башни и частокол. С трёх сторон подступы к валам прикрывались рекой, а с четвёртой, напольной, был выкопан глубокий ров.

Но город сдался князю без боя, поскольку суздальский полк был разбит под Муромом и защитников на стенах не было. С горожанами Олег не церемонился и, согласно летописным сведениям, разграбив Суздаль, часть жителей изгнал, а часть отправил в Муром и Тьмутаракань. После этого он повел свою рать на Ростов и тоже занял его без боя. Вот теперь под рукой Олега оказалась вся Залесская Русь, и он начал обустраиваться на захваченных территориях. Князь посадил по городам своих наместников, и ручейки дани потекли в его казну.

До поры до времени всё было тихо, о Мономахе не было ни слуху ни духу, но в один прекрасный день к Олегу явился посол от новгородского князя Мстислава. Мстислав был старшим среди сыновей Мономаха, но, помимо всего прочего, он приходился ещё и крестником Олегу. А обратился посол к Святославичу со словами, которые очень напоминали те, с которыми он сам обратился к Изяславу в канун роковой битвы под Муромом: *«Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своей пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил ты, — неудивительно то: в бою ведь и цари и мужи*

погибают» (Повесть временных лет). Вот тут бы Олегу и проявить мудрость и, воспользовавшись моментом, попытаться замириться с Владимиром. Головокружение от успехов сыграло с Олегом плохую роль, поскольку в Повести временных лет чётко прописано, что он решил захватить и Новгород. Призвав из Рязани брата Ярослава, князь сделал свою ставку в Ростове, куда и стал стягивать полки для похода на Новгород.

Однако и Мстиславу было доложено о планах крестного, и молодой человек отнесся со всей серьезностью к этому известию. Узнав о том, что вверх по Волге в новгородские пределы идет полк Ярослава Святославича, Мстислав спешно собрал на совет правящую верхушку Новгорода и вкратце обрисовал перед ними сложившуюся ситуацию. А заодно и те перспективы, которые уготованы Новгороду в случае его захвата Олегом, благо за примерами далеко ходить было не надо. А в конце князь многозначительно добавил, что *«если они силою не хотят Олега упредить и ему помощь учинить, то он принужден, не ожидая Олега ближе, их оставить и с честию к отцу отъехать»* (В.Н. Татищев). Отцы города перепугались не на шутку и спешно собрали вече, где было решено готовить войско и дать братьям Святославичам отпор.

Между тем Ярослав с передовым полком уже стоял на притоке Волги реке Медведице и, не ожидая сопротивления со стороны Мстислава, разослал сборщиков дани по новгородским волостям. Но когда дело касалось собственных интересов, новгородцы действовали быстро. К Волге пришел полк воеводы Добрыни Рагуиловича, и новгородские вой переловили всех Олеговых сборщиков дани. Следом появилась главная рать во главе с Мстиславом, и Ярослав свернул стан и пошёл навстречу Олегу, который медленно вёл своё войско к новгородским пределам. Олег брата выслушал и, остановив движение войск, велел располагаться лагерем. Вперед была выслана усиленная стража, но на Городище она столкнулась с передовыми частями воинства Мстислава и частично была пленена, а частично перебита. К тому же Олегу стало известно, что во время боя ростовцы хотят перейти на сторону новгородцев, а потому он решил в сражение не вступать, а отступить к Ростову.

Вполне возможно, Святославич рассчитывал на то, что Мстислав только очистит новгородские волости, а затем вернется на берега Волхова. Какой резон новгородцам воевать за удел Мономаха! Но откуда было Олегу знать, что вечевики приняли решение *«идти и силою выгнать Олега из владения Владимира и его детей»* (В.Н. Татищев). Поэтому, побыв какое-то время у Ростова и поняв, что Мстислав продолжает наступление, Олег решил отступить к Суздалю, втайне надеясь, что враг за ним не пойдёт. Но и здесь князь ошибся. Вскоре разведчики ему донесли, что Мстислав ведет рать через леса прямо на Суздаль, желая решить исход войны генеральным сражением. Олег снова не выдержал. Понимая, что в землях Мономаха он так и не найдёт поддержки, Святославич велел поджечь Суздаль, а сам ушел по дороге на Муром. Деревянный город выгорел полностью, уцелела лишь церковь Святого Дмитрия да двор Печерского монастыря.

Вскоре в Суздаль вступили полки Мстислава. Князь был страшно зол на своего крестного за совершённое злодейство и горел желанием отомстить, но тут ему пришлось столкнуться с определенными проблемами. Дело в том, что для новгородцев поход формально был завершен, поскольку свое обещание очистить владения Мономаха в Северо-Восточной Руси они выполнили. Олег ушел в Муром, и причин для дальнейшего своего участия в боевых действиях вечевики не видели. Поэтому, оценив ситуацию, Мстислав снова отправил посольство к своему двоюродному дяде: *«Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен»*.

Олег внимательно выслушал посланцев крестника и согласился на мир, демонстративно приказав распустить свою рать. Но в действительности он и не думал мириться. От своих людей князь знал, что ввиду того, что Суздаль был сожжен дотла, Мстислав был вынужден распустить своё войско по окрестным селам на прокорм, оставив при себе лишь небольшую личную дружину. Поэтому Святославич решил не упустить столь выгодный момент и, как только посланцы крестника покинули его стан, велел снова готовить рать к походу.

В конце февраля главные силы Олега подошли к Клязьме, а передовые отряды появились в окрестностях Суздаля. Олег Святославич был уверен, что застигнутый врасплох крестник ударится в бега и отступит в Новгород, но просчитался. Вообще, с тех пор, как Олег вторгся во владения Мономаха, удача его покинула. Всё шло не так, как он планировал, князь постоянно ошибался в оценке возможностей противника, что-то не додумывал до конца, в чем-то переоценивал свои возможности. Как видим, и в этот раз он неверно оценил обстановку.

* * *

Мстислав спокойно обедал со своими ближними людьми, когда гонец доложил ему о том, что полки Олега перешли Клязьму. Бояре и воеводы сразу заволновались, но князь спокойно продолжил расспрашивать вестника. Ситуация складывалась критическая, поскольку была большая вероятность того, что не удастся стянуть все полки в один кулак. Но и сидеть сложа руки Мстислав не собирался. Гонцы посланы были к войскам, неся воеводам и тысяцким грозное повеление сына Мономаха спешно прибыть в Суздаль. Со всех сторон к городу потянулись войска. Мстислав прекрасно понимал, что Олег поспешил и слишком рано объявил о своем присутствии, и если бы крестный был более предусмотрителен, то захватил бы крестника голыми руками. А так был шанс отразить вражеское нападение. Больше всего молодой князь переживал за те полки, что ушли прикрывать дорогу на Муром. Но обошлось, они успели вернуться, и войска Мстислава вновь собрались под одним стягом. Сын Мономаха велел ратникам закрепляться на валах Суздаля, и хотя деревянные укрепления были сожжены, но тем не менее земляные горы представляли собой серьёзное препятствие для атакующего противника.

Впрочем, и Олег понял свою ошибку, а потому поспешил к городу. Но, приблизившись к Суздалю и увидев, какую крепкую позицию занимают войска Мстислава, он не рискнул отдать приказ об атаке. И это была очередная оплошность князя, имевшая для него роковые последствия. Дело в том, что Мстислав уже был извещен, что отец послал ему помощь и брат Вячеслав ведёт к Суздалю половецкую орду, нанятую Владимиром Всеволодовичем. И поэтому новгородский князь в битву не вступал, а тянул время на своей крепкой позиции, пересылаясь с Олегом гонцами и предлагая крестному заключить мир. Четыре дня две рати стояли друг напротив друга, не предпринимая активных действий. Когда же скрытно подошел Вячеслав, то оказалось, что помимо воинов он привез и стяг Владимира Мономаха. Посовещавшись, братья решили атаковать Олега. Однако Святославич их опередил и нанес удар первым. Но, судя по всему, разведка у него работала из рук вон плохо, поскольку до самого последнего момента он так и не узнал о приходе Вячеслава. А когда узнал, то было поздно.

* * *

Была пятница второй недели Великого поста. Ещё до рассвета Мстислав с братом стали выстраивать полки. Старший сын Мономаха не хотел больше прятаться за валами, а потому и вывел ратников на пожарище посада. В центре боевых порядков встал сам Мстислав с новгородцами, на левом крыле — Вячеслав с дружиной, частью половецких наездников и ростовским полком. На правом крыле расположился половецкий воевода Кунуй со своей конницей и пешими ратниками, собранными со всего суздальского ополья. Именно Куную дал Мстислав стяг своего отца. Князь прекрасно понимал, что, увидев над полем битвы знамя Мономаха, которого здесь быть вообще не должно, враг не на шутку встревожится.

Тем временем Олег тоже закончил выстраивать полки. Сам он встал против Мстислава, а против Вячеслава выдвинулся Ярослав. Две рати двинулись навстречу друг другу, полки Мстислава перешли через пепелище, и здесь многие новгородцы сошли с коней, решив сражаться пешими. В это время Кунуй приказал развернуть стяг Мономаха, и огромное полотнище, громко хлопнув на ветру, взвилось над полками новгородского князя. Ни Олег с воеводами и боярами, ни гридни с простыми ратниками в полках братьев Святославичей не ожидали такого. Наступление замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Но Олег, понимая, что ничего уже исправить нельзя, взмахнул мечом и повел вперед свою рать.

Два войска сошлись в рукопашной схватке на окраине Суздаля. Крепко билась новгородская пехота, отчаянно рубились конные гридни Олега, с гиканьем налетали на вражеские ряды половецкие наездники. Но вскоре в битве наметился перелом. Дружным натиском новгородцы разбили центр боевых порядков полков Святославичей и развалили их войско надвое. Воины Кунуя в это время отбросили дружину Олега и стали заходить врагу в тыл, расстреливая из луков всё ещё

сопротивляющуюся неприятельскую пехоту. Увидев у себя в тылу стяг Мономаха, Олег развернул коня и бросился прочь с поля боя. Видя бегство князя, побежали и его воины. Тем временем новгородцы пошли на полк Ярослава и мощным ударом разнесли его. Теперь бегство врага стало всеобщим. Но Мстислав распорядился беглецов не убивать, а только отбирать у них оружие, в плен же брать только знатных людей.

Победа была полной, в битве на Кулачице дети Мономаха отстояли право своего рода владеть Ростово-Суздальской землей.

*** * ***

Разбирая эту судьбоносную битву под Суздалем, неожиданно натолкнулся на один довольно занятный факт, который меня, скажем так, удивил. Дело в том, что данная битва неизвестно по какой причине иногда именуется сражением на реке Колокше. То, что битва произошла на территории сожженного суздальского посада, сомнений не вызывает, об этом прописано во всех летописях, об этом же пишут В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин. К примеру, в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку это выглядит так: *«Мстислав же перешедъ пожаръ с Новгородцы».* Всё ясно и понятно. Беда в том, что речки Колокши в Суздале нет. Она находится несколько в другом районе. А в Суздале протекает река Каменка. Но ведь откуда-то Колокша взялась при описании этой битвы!

Смотрим, что нам поведают летописи. А они сообщают следующее: *«И сступишася на* Кулачьце, *и бы брань крепка»* (Лаврентьевская летопись); *«И ступишася на* **Колачьце**, *и бь брань крепка»* (Ипатьевская летопись). Где она, речка Колокша? Ее и в помине нет! Но на всякий случай проверим ещё: «В *то же лето, зиме, победи Мъстиславъ с новгородци Олга на* **Кулатьске**» (Новгородская I летопись младшего извода). Теперь Пискаревский летописец: *«И поидоша на Ольга и Ярослава, и сступишася на* **Кулачце**, *и бысть бой силен».* Как видим, везде четко прописано, где именно были разбиты братья Святославичи. Понятно, что не на реке Колокше.

Хотя давайте ради интереса посмотрим, а как в летописях прописано название этой самой Колокши, благо в 1177 году на ней действительно произошла битва между рязанскими и суздальскими полками. Итак, Новгородская I летопись младшего извода: *«Ибиюся за Калакшею».* Лаврентьевская летопись: *«Иобрете Глеба стояща на Колахши»; «И перешед реку Колакшу и догонив Глеба»* (Пискаревский летописец). Я думаю, цитат достаточно, всё и так ясно.

Забавно, что те, кто готовил перевод летописи, так невнимательно отнеслись к своей работе. Но ещё удивительнее то, что подобная нелепость продолжает кочевать по достаточно серьёзным исследованиям и никто на это не обращает внимания. К примеру, в солидной книге С.Э. Цветкова «Древняя Русь. Эпоха междоусобиц» мы можем прочитать, что *«сражение, произошедшее на реке Колокше, показало полное превосходство полководческого искусства Мстислава».* А ведь, чтобы избежать

подобных несуразностей, достаточно просто посмотреть на карту и понять, где находится Суздаль и где речка Колокша.

Правда, есть ещё один тонкий момент, который многих вводит в смущение. Дело в том, что в Новгородской IV летописи во время рассказа о Липецкой битве в 1216 году новгородцы говорят князю Мстиславу Удатному: *«Мы не хочем измрети на коних, но отцы наши билися на Колакши пеши»*. Понятно, с какой битвой проводятся параллели. Зато в древнейшем летописном сказании о сражении на Липице, который есть в Новгородской I летописи старшего извода, название местности опять звучит по-другому: *«Княже, не хощемъ изъмрети на конех, нь, якоже отци наши билися на* **Колачькеи**, *пеши»*. Как это объяснить? Очень просто. Не надо требовать от новгородского летописца досконального знания географии Ростово-Суздальской земли. Битва на Колокше в 1177 году была событием знаковым, на слуху, ведь именно после неё и началось возвышение Всеволода Большое Гнездо. Поэтому нет ничего удивительного в том, что книжник из Великого Новгорода мог и перепутать два похожих названия. Или неправильно написать.

В любом случае смотрите на карту, и всё встанет на свои места.

* * *

Олег бежал в Муром. Но в городе задерживаться не стал, а оставил там лишь брата Ярослава с остатками войск. Сам же поспешил в Рязань. Вскоре под стенами Мурома появились полки князя Мстислава, который уже понял цену слову двоюродного дядюшки и решил замирить крестного любой ценой. Ярослав сопротивляться не стал, и сын Мономаха заключил с ним мир, потребовав лишь освобождения всех пленных суздальцев, ростовцев и белозерцев. Тело брата Изяслава Мстислав велел отправить в Новгород и торжественно захоронить в Софийском соборе. После этого, пополнив ряды своего воинства бывшими пленными, Мстислав выступил в поход на Рязань, где, как затравленный волк, метался Олег. В итоге, осознав, что возможностей для дальнейшего сопротивлению у него больше нет, Святославич покинул город и ударился в бега. Рязанцы тоже не стали сопротивляться Мстиславу, а распахнули ворота, сдаваясь на милость победителя. По приказу молодого князя и здесь были освобождены все захваченные Олегом пленные. Мстислав с войском остановился в Рязани, а к крестному, который отсиживался в степи, как дикий зверь, вновь отправил посла с мирными инициативами: *«Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя»* (Повесть временных лет).

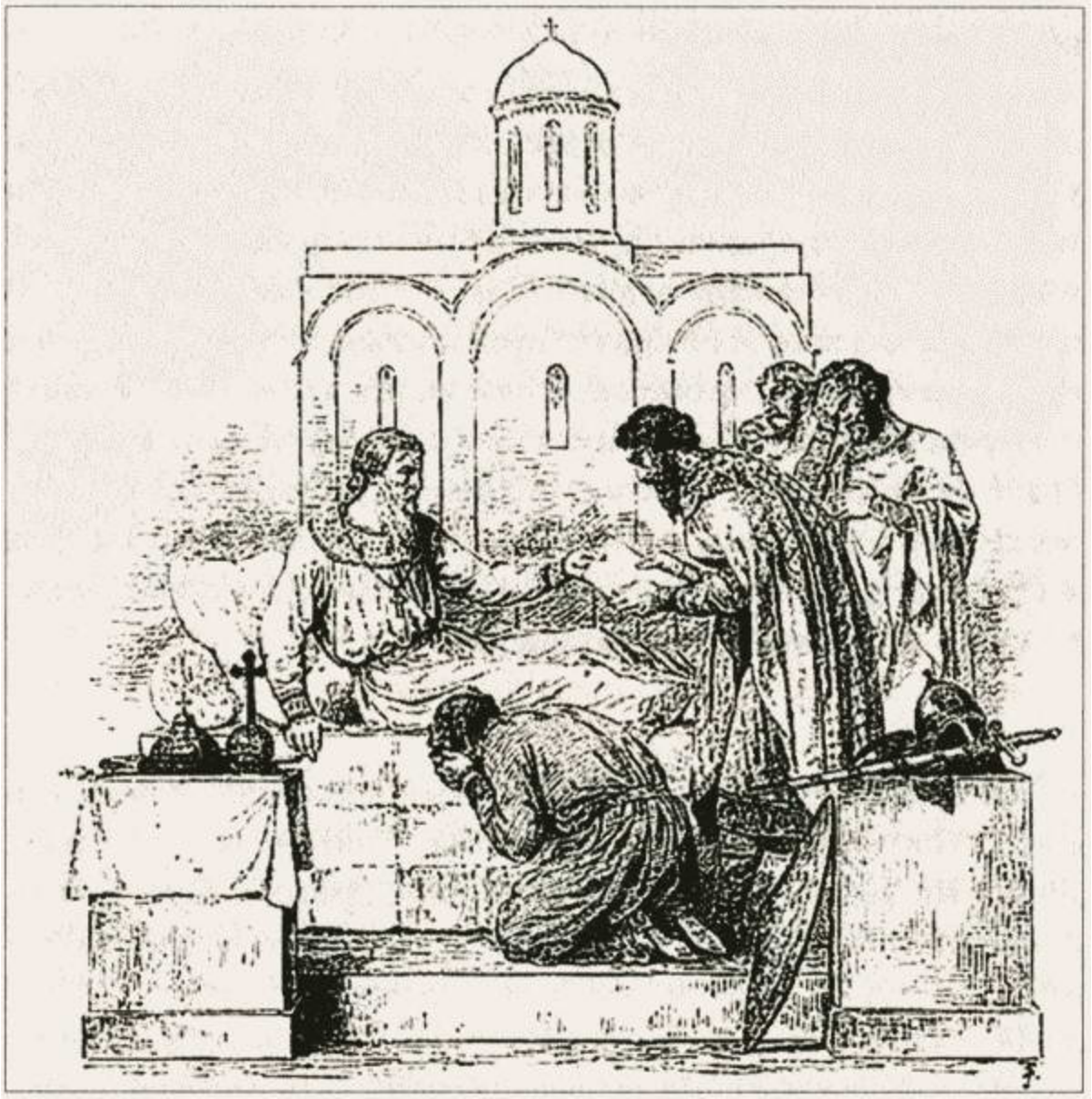
Предложение крестника выглядело для Олега настоящим спасением, поскольку он в очередной раз все потерял. На Руси у сына Святослава вновь не было удела, лишь в Тмутаракани он мог укрыться от врагов. Да, можно было попробовать вновь договориться с половцами о помощи, но у Олега уже не было на это ни сил, ни желания. И он принял предложение Мстислава, причем принял искренне и без

обмана. Князь видел, что его двоюродный племянник не грабит и не жжет его земли, да и мстить за смерть брата не собирается. Договор скрепили крестным целованием, после чего Олег вернулся в Рязань, а Мстислав ушел сначала в Суздаль, а затем в Новгород. Первая междоусобная война в Северо-Восточной Руси закончилась.

*** * ***

На следующий год в городе Любече произошел княжеский съезд. Приехали Владимир Мономах, Святополк Изяславич, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич, Давыд и Олег Святославичи. Решали, как остановить междоусобицы: *«Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами до сих пор идут войны. Да отныне объединимся чистосердечно и будем блюсти Русскую землю,* **и пусть каждый владеет отчиной своей**» (Повесть временных лет). Произошло то, за что всю свою жизнь сражался Олег, — за каждым родом закреплялся удел отца.

Святополку и потомкам Изяслава отошли Туров, Пинск, Слуцк и земли до Буга, а поскольку он был ещё и великим князем, то соответственно и Киев с Новгородом. Сыновьям Святослава достались Чернигов с Северской землей, земли вятичей, Муром, Рязань и Тьмутаракань. Мономах так же получил земли отца — Переяславское княжество и закрепил за своим родом Ростово-Суздальскую землю. Правда, помимо этого он сумел ещё удержать и Смоленск, однако Курск передал Святославичам. Давыду Игоревичу остались Владимир-Волынский и Луцк, а братья Ростиславичи, Володарь и Василько держали Червенские города — Червень, Перемышль, Теребовль. На том целовали крест, а в конце было сделано существенное дополнение: *«Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская»* (Повесть временных лет).



В. Верещагин. Князь Владимир Мономах

Примечательно то, как вел себя на съезде Владимир Мономах. Мы помним, что он постоянно пытался удержать за собой Чернигов, невзирая на то, что этот город по праву принадлежал Святославичам. А на съезде Владимир Всеволодович неожиданно полностью согласился со всеми их претензиями к родственникам. И это несмотря на то, что в завершившейся междоусобной войне сыновья Святослава были полностью разгромлены. Почему он так поступил?

Можно предположить, что закончившаяся усобица произвела сильнейшее впечатление на князя. Будучи глубоко верующим человеком, он прекрасно понимал, кто являлся истинным виновником этого кровопролития. Мономах возжелал того, что по праву принадлежало его ближнему, двоюродному брату Олегу, и был за это жестоко наказан гибелью сына. Захватывая Чернигов и Муром, Владимир действовал по праву сильного, а не по законам справедливости. Вполне возможно, что всё это

Мономах осознал, когда получил весть о гибели Изяслава. Недаром переяславский князь не испытывал к Олегу ненависти и не винил двоюродного брата в смерти сына. «**Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших**» — так он напишет в письме Олегу про смерть Изяслава. Владимир Всеволодович лучше других князей понимал всю пагубность междоусобиц на фоне половецких набегов, поэтому и выступил инициатором княжеского съезда в Любече. Так же он понимал и правоту Олега, только до поры до времени не хотел её признавать. Князь видел, как постоянные несправедливости и унижения по отношению к его родственнику привели к многолетней братоубийственной войне, которая значительно ослабила военный потенциал Руси перед лицом половецкой угрозы. Поэтому на съезде Мономах отказался от своих амбиций, проявив уважение и благородство к поверженному сопернику.

Что же касается Святославичей, то они распорядились наследством отца по справедливости. Давыд был старший, соответственно, ему и достался Чернигов. Младший Ярослав уехал в Муром, а Олег стал княжить в Новгороде-Северском. Там он и правил до самой смерти в 1115 году.

Со временем летописцы не пожалели красок, чтобы очернить князя и сделать его ответственным за многочисленные междоусобицы на Руси в конце XI века. Правда, факты, которые сообщали те же летописцы, говорили совсем о другом. Но тем не менее негатив остался. Даже в «Слове о полку Игореве» Олег представлен сугубо отрицательным героем:

Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь, как ворог,
Внук Даждьбога бедствовал в походе.
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились.
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду…

(Н. Заболоцкий)

Всё это красиво и поэтично, только к исторической реальности не имеет никакого отношения.

II. КАК КНЯЗЬ ЮРИЙ ТЯНУЛ РУКИ К КИЕВУ

1. Проба сил (1120–1139 годы)

Тое же зимы бишася ноугородцы с ростовцы на Ждане горе. И победита ростовцы новгородцев.

Пискаревский летописец

Владимир Мономах сделал правильные выводы из событий, которые развернулись на территории Северо-Восточной Руси в 1096–1097 годах. После того как Любечский съезд утвердил среди князей принцип *«и пусть каждый владеет отчиной своей»,* Владимир Всеволодович твердо решил, что негоже отдалённой Ростово-Суздальской земле быть без князя. Там должен быть представитель дома Всеволода Ярославича со своим двором и дружиной, который бы на месте решал все проблемы обширного региона. И самое главное — чтобы защитил в случае необходимости от ворогов как внешних, так и внутренних. Однако процесс этот несколько затянулся.

Невзирая на то что Русь Залесская не подвергалась нашествиям степняков, как Русь Южная, угроза внешнего врага тем не менее существовала. И называлась она Волжской (или Серебряной) Болгарией. История этой страны берет начало в VII веке, когда второй сын хана Кубрата, правителя Великой Болгарии, Котраг, увел свою орду на север. Болгары больше не могли противостоять мощному хазарскому натиску на их границы, поэтому и уходили в другие места. Следуя примеру старшего брата, ушёл со своими людьми и хан Аспарух, будущий основатель Дунайской Болгарии.

В районе среднего течения Волги и Камы Котраг и основал Волжскую Болгарию. В X веке серебряные болгары принимают ислам и становятся первым исламским государством, граничившим с Русью. Отношения с восточным соседом складываются у киевских князей по-разному. Великий воитель князь Святослав огнем и мечом прошелся по землям Волжской Болгарии во время своего похода на Восток. Его сын Владимир так же нанес болгарам поражение и заключил выгодный для Руси мир. Впрочем, и на берегах Днепра, и на берегах Волги прекрасно понимали, что торговать всегда лучше, чем воевать. Именно торговля и становится приоритетным направлением в отношениях между двумя государствами, недаром В.Н. Татищев отмечал, что волжские болгары *«народ купеческий и богатый».*

Но тем не менее правители Волжской Болгарии иногда тревожили русские границы. Причем набеги эти были достаточно масштабные: как мы помним, согласно Повести временных лет, в 1088 году серебряные болгары взяли Муром. Информацию о новом масштабном болгарском вторжении мы находим под 1107 годом в Типографской летописи. Согласно летописному тексту, болгары огнем и мечом прошлись по Суздальской земле, разграбили деревни и села, а сам город взяли в осаду. Однако горожане сделали вылазку и наголову разгромили врага. О том, что в данный момент в Суздальской земле не было князя, свидетельствует та же

Типографская летопись: «Не сущу князю у них». И есть большая вероятность того, что именно после этого набега и решил посетить свои северо-восточные владения Владимир Мономах. Поездка станет знаковой, поскольку именно тогда, в 1108 году, и будет основана будущая столица Северо-Восточной Руси — город Владимир-Суздальский.

В «Приложениях» к Новгородской I летописи младшего извода, в разделе «А се князи русьстии», об этом говорится так: *«Сии поставил град Володимеръ Залешьскыи в Суждальскои земле и осыпа его спом и созда первую церковь Святого Спаса за 50 лет до Богородичина ставления».* Под *«Богородичиным ставлением»* летописец подразумевает постройку при Андрее Боголюбском Успенского собора во Владимире в 1158 году. Причем именно от этого *«ставления»* будет отсчитана и дата прибытия в город Владимир Юрия Долгорукого — за тридцать лет.

Данная информация существенно дополняется сообщением Львовской летописи: *«Въ лета 6616. Того же лета свершен бысть градъ Владимеръ Залешъский Володимеромъ Маномахомъ, и созда в нем церковь камену святаго Спаса, а заложилъ его бе прежде Володимеръ Киевский».* Как видим, год, когда Мономах развернул на берегах Клязьмы грандиозное строительство, указан тот же, что и в Новгородской летописи, — 1108-й. Поэтому сомневаться в этой дате оснований нет. Другое дело, что как основатель города здесь упоминается Владимир Святославич. Данная информация подтверждается известиями и других летописных сводов. Вот что нам сообщает Никоновская летопись: «Въ *лето 6500. Ходи Володимеръ въ Суздалскую землю, и тамо крести всехъ… И заложи тамо градъ въ свое имя Володимеръ, на реце на Клязьме, и церковь в немъ постави деревяну пречистыя Богородици».* В Ермолинской летописи под 990 годом читаем: *«Князь велики Владимиръ ходи в землю Суздалскую и тамо заложи градъ Володимеръ во своё имя на реце на Клязьме, и церковь постави в немъ древяну Успение святыя Богородица».* Аналогичные сведения встречаем в Софийской I летописи, Супрасльской, Холмогорской и ряде других.

По большому счету, эти известия не противоречат одно другому. Как следует из текста, Владимир Святославич заложил на берегу Клязьмы небольшую крепость, которая должна была стать оплотом распространения христианства в регионе. На протяжении ста лет её судьба была неизвестна, не исключено, что она пришла в упадок. И только Владимир Мономах во время своих поездок в Ростово-Суздальскую землю смог оценить все выгоды местоположения забытого городка и начать на старом месте масштабное строительство. Новые границы Владимира-Залесского были гораздо больше, чем старые. В дальнейшем, когда Андрей Боголюбский вновь расширит город, те укрепления, которые построят по приказу Владимира Всеволодовича, так и будут называть «городом Мономаха».

Однако, помимо основания города, Мономах сделал ещё одно не менее важное дело, которое имело очень далеко идущие последствия и оказало влияние на дальнейшую судьбу всей Русской земли. Он наконец дал Ростово-Суздальской земле князя. Им стал шестой сын Владимира Всеволодовича Юрий, который впоследствии получит прозвище Долгорукий.

Впервые княжич упоминается летописцем в 1107 году: *«И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку»* (Повесть временных лет). Как видим, это происходило в тот самый год, когда волжские болгары чуть было не захватили Суздаль. Однако мы отметим следующий факт — именно женитьба Юрия на половчанке, дочери могущественного хана Аепы, приведет к тому, что у князя появятся теснейшие связи со степью. Половцы будут охотно сражаться под стягом Долгорукого, а князь будет с удовольствием нанимать их к себе на службу.

Судя по всему, Юрий вместе с молодой женой и отправился в Залесскую землю следом за своим отцом. Сколько лет было тогда сыну Мономаха? Согласно сообщению В.Н. Татищева, будущий основатель Москвы родился в 1090 году: *«Владимиру Всеволодичу родился четвертый сын, и наречен Юрий».* Ошибка Василия Никитича налицо, поскольку Юрий был шестым сыном, а не четвертым. Если принять на веру свидетельство Татищева, то в этом случае Юрий становится сыном первой жены Владимира Мономаха Гиты, а этого быть не могло. С другой стороны, А.Ю. Карпов называет годом рождения Долгорукого 1096 год, исходя из того, что вторая жена Мономаха, *«Гюргева мати»,* скончалась в 1107 году. На мой взгляд, вторая версия более правильная.

В следующий раз Юрий появляется на страницах летописей в 1120 году в связи с успешным походом на Волжскую Болгарию. Свидетельства об этой войне довольно скупы, поскольку летописцы констатируют лишь сам факт похода, разгром болгарского войска и возвращения Юрия с большим полоном. Более подробно сообщение В.Н. Татищева, который отмечает, что вместе с Юрием ходил на серебряных болгар и его брат Глеб, о котором в летописях никаких сведений не сохранилось. Историк даже отмечает некоторые моменты сражения: *«Болгары же встретили их во множестве водою и сухим путем, и на них Юрий храбро напал, после жестокого боя победил».* Вот, по большому счёту, и вся информация. Однако для нас важен следующий принципиальный момент: в Ростово-Суздальской земле появился свой князь, который отвечает за внешнюю и внутреннюю политику в княжестве. Как следствие, болгарские набеги прекратились надолго.

* * *

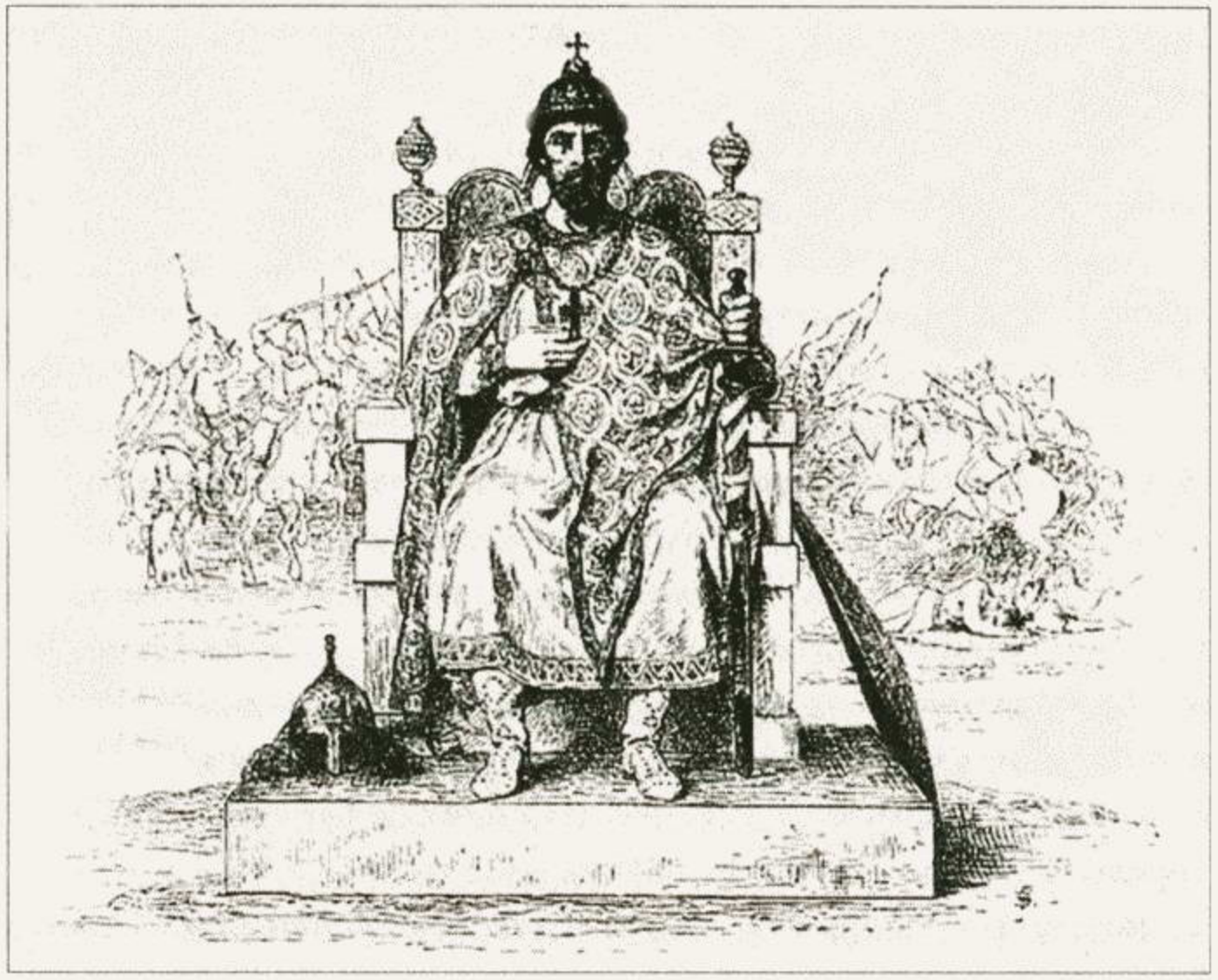
Великим князем киевским Владимир Мономах стал в 1113 году, после того как скончался его двоюродный брат Святополк Изяславич. И есть большая вероятность того, что в поход на Волжскую Болгарию Юрий ходил по прямому повелению отца, который в эти годы нанёс ряд чувствительных ударов по соседям Руси на западных и восточных рубежах. И поход на Волгу был одним из таких мероприятий. После этого Юрий опять исчезает из поля зрения летописцев, и о нём вспоминают лишь в 1125 году, когда он упоминается в числе тех, кто присутствовал на похоронах Владимира Мономаха.

В. Верещагин. Князь Мстислав Владимирович

Великим князем Киевским становится старший брат Юрия Мстислав, победитель в битве на Кулачице, а суздальский князь отбывает в свои Залесские земли. И снова пропадает со страниц летописей на целых семь лет. Из письменных источников следует, что Юрий вообще не принимает никакого участия в политической жизни страны; в отличие от остальных сыновей Мономаха, он даже не участвует в военных походах под стягом старшего брата. Складывается такое впечатление, что всё это время он занимается исключительно внутренними делами своего княжества. И это действительно так. Скорее всего, именно в эти годы, когда имя суздальского князя исчезало из летописных сводов, он и занимался кропотливой и рутинной деятельностью по укреплению своего удела. Той самой деятельностью, без которой Ростово-Суздальская земля никогда не достигла бы своего расцвета. Прекрасный администратор и «крепкий хозяйственник», Юрий не покладая рук трудился над обустройством своей волости. Как раз в эти спокойные годы им была подготовлена и доведена до ума та мощнейшая экономическая база, которая позволит ему в итоге выиграть бешеную борьбу за Киев.

* * *

14 апреля 1132 года скончался киевский князь Мстислав Владимирович, и Русская земля погрузилась в пучину междоусобиц. Новым великим князем стал его младший брат Ярополк. В.Н. Татищев характеризует его следующим образом: *«Был великий правосудец и миролюбец, ко всем милостив и веселого взора, охотно со всеми говорил и о всяких делах советовался, из-за того всеми, как отец, любим был».* Однако на Руси наступали такие времена, что не *«правосудец и миролюбец»* был нужен во главе страны, а бесстрашный воин, умелый полководец и жесткий политик. Да и то, что Ярополк постоянно со всеми советовался, характеризует его не с лучшей стороны.



В. Верещагин. Князь Ярополк Владимирович

Укрепившись в Киеве, Ярополк Владимирович сразу же занялся перераспределением княжеских столов. Главной ошибкой нового князя оказалось то,

что в исконную волость Мономашичей — Переяславль он, вопреки обычаю, перевел своего племянника Всеволода, старшего сына Мстислава. Но согласно древней традиции в Переяславле должен был княжить младший брат Ярополка Вячеслав, а поскольку тот активности не проявлял, то Юрий посчитал себя вправе занять отчий стол.

События развивались стремительно. Всеволод въехал в Переяславль, но пробыл там лишь до обеда, поскольку в город неожиданно заявился его дядя Юрий с дружиной и выгнал племянника с княжеского двора. Впрочем, и Юрий прокняжил там всего лишь восемь дней, потому что Ярополк решил отдать спорный город другому племяннику, полоцкому князю Изяславу, старшему сыну умершего Мстислава Владимировича. Под стенами Переяславля появились киевские полки, и Юрий был вынужден уступить. Но выпроводив из города Долгорукого, Ярополк вступил в конфликт с остальными братьями, Вячеславом и Андреем, которые поддержали Юрия. Три против одного. В итоге пришлось садиться за стол переговоров и договариваться. Решение было принято компромиссное, по которому старший из братьев, Вячеслав, уселся на отчий стол в Переяславле по закону и праву.

Вячеслав перебрался в Переяславль из Турова, а в Туров отправился Изяслав Мстиславич, очень недовольный таким развитием событий. Казалось, что страсти улеглись, но не тут-то было! Вячеслав оказался не тем человеком, который может править в приграничном княжестве и успешно вести борьбу со степняками. Осмотревшись на новом месте, он просто уехал в Туров, где в это время уже обустраивался Изяслав Мстиславич. Вячеслав выпроводил племянника из своего удела, и тот был вынужден убраться к брату Всеволоду в Новгород.

Вот тут и вступил снова в игру Юрий. Он предложил Ярополку Ростов и Суздаль взамен более престижного тогда Переяславля: *«Испроси у брата своего у Ярополка Переславль, а Ярополку дастъ Суздаль и Ростов и прочюю власт свою,* **но не всю**» (Пискаревский летописец). Вот в этом весь Юрий. Вроде бы и достиг своего, но тем не менее целиком свою волость не отдал, понимая, что борьба предстоит жестокая, а потому желательно иметь пути отступления.

Сидевшие в Новгороде братья Всеволод и Изяслав Мстиславичи решили восстановить попранную, по их мнению, справедливость. Воспользовавшись тем моментом, что в Ростово-Суздальской земле князь отсутствовал (Юрий был в Переяславле, а Ярополк — в Киеве), они решили захватить эту волость для Изяслава. В Новгородской I летописи старшего извода под 1134 годом об этом написано так: *«Томь же лете ходи Всеволодъ съ новгородьци,* **хотя брата своего посадити Суждали**». Однако поход закончился неудачей. Судя по всему, новгородские полки дошли только до речки Дубны, а там вечевики в лучших традициях переругались друг с другом. У новгородцев всегда всё не как у людей, и когда надо мобилизоваться, собрать все силы в кулак, они почему-то начинают выяснять отношения: *«Отяша посадницьство у Петрила и дата Иванку Павловицю»* (Новгородская I летопись старшего извода). А избрав нового посадника, господа новгородцы решили, что главное дело сделано, и спокойно ушли домой.

В этот раз беда миновала, но угроза вторжения в Ростово-Суздальскую землю с севера осталась.

Видя, что с новгородцами у него не сладилось, Изяслав отправился на юг и заключил союз со злейшими врагами Мономашичей — черниговскими Ольговичами. С помощью брата Всеволода, княжившего на берегах Волхова, ему удалось подключить к союзу Новгород. Создалась очень мощная коалиция, поскольку сын Олега Гориславича Всеволод быстро сообразил, какие заманчивые перспективы открывает перед ним раскол среди сыновей и внуков Владимира Мономаха. Черниговские князья считались старше потомков Мономаха, но их постоянно оттесняли от киевского златого стола. Теперь появлялся шанс исправить эту несправедливость. Всеволод Ольгович поднял всю свою родню — братьев Игоря, Святослава и Глеба, а также двоюродных братьев Владимира и Изяслава Давыдовичей. Однако первыми удар нанесли сыновья Мономаха: полки Ярополка, Юрия и Андрея в ноябре 1134 года подступали к Чернигову, но, не добившись никаких успехов, были вынуждены уйти.

Теперь следующий ход был за Всеволодом. В лучших традициях своего отца он нанял половецкую орду и зимой повел воинство в пределы Переяславского княжества. Половцы подвергли земли Юрия жесточайшему погрому и сожгли Городец Остерский, но в итоге Всеволод Ольгович был вынужден отступить, поскольку не смог переправиться через Днепр.

Зимой война вспыхнула с новой силой, но и в этот раз до сражения дело не дошло, поскольку враждующие стороны сумели прийти к компромиссу. Согласно новым договоренностям, Юрий покидал Переяславль и уходил назад, в Ростово-Суздальскую землю. В Переяславле садился на стол младший сын Мономаха Андрей, а Изяслав Мстиславич, зачинщик всей смуты, отправлялся княжить во Владимир-Волынский. Казалось, выиграли все, кроме Юрия, а в Южной Руси на короткое время воцарилась тишина.

Однако вскоре присутствие Долгорукого потребовалось в Залесских землях, потому что вновь вспыхнула война с Новгородом.

* * *

Новгородцев жгла обида за то, что их предыдущий поход в землю Суздальскую завершился неудачей. К тому же Юрий стал жёсток в отношении Новгорода, поднимая цены на хлеб, в котором вечевики постоянно испытывали недостаток. Также хитрый князь увеличил для новгородских купцов торговые пошлины. Итог таких действий был закономерен, и народ на берегах Волхова возмутился не на шутку — даешь Ростов! Простые люди быстро припомнили власть имущим неудачный поход в Ростово-Суздальскую землю, а также вспомнили, как новгородцы целовали крест Мстиславу Владимировичу на том, что будут заботиться о его детях. Появился повод, и новгородцы сразу же занялись делом, столь милым их бунтарским сердцам,

— грабить дворы вятших мужей и бросать неугодных в Волхов. Смута затянулась, и в итоге были вынуждены вмешаться великий князь Ярополк и киевский митрополит. Владыка писал новгородскому епископу Нифонту о том, чтобы тот повлиял на свою паству и утихомирил смутьянов. Но даже Нифонт, который хоть и симпатизировал суздальскому князю, но пользовался огромным уважением в Новгороде, оказался бессилен. И тогда митрополит сам отправился на берега Волхова.

Однако вояж святителя оказался бесполезным, поскольку в городе были очень сильны антисуздальские настроения, а определенные круги продолжали вести мощнейшую агитацию за войну с Юрием. Дошло до того, что митрополита даже не выпустили из Новгорода, чтобы он не предупредил о готовящемся походе ни Ярополка, ни Долгорукого. А тем временем новгородская верхушка объявила о сборе полков. Согласно Воскресенской летописи, кроме собственно новгородцев, в походе участвовали «и *Пськовичи, и Ладожаны, и всею областию Новгородцкою».* Интересные сведения сообщает Никоновская летопись, где говорится о том, что *«князь Всеволодъ Мстиславичь иде ратью* **съ Немцы** *и со всею силою Новгородцкою на Суздаль и на Ростовъ».*

Если исходить из того, что под словом *«Немцы»* на Руси в XVI веке, когда составлялся Никоновский летописный свод, частенько подразумевали иноземцев вообще, то можно предположить, что речь идёт о скандинавских наемниках. Другим иностранным воинским контингентам на берегах Волхова то время взяться было просто неоткуда. Но если это так, то мы видим, что Новгород действительно выставил огромные по тем временам силы для войны с суздальским князем. Господа новгородцы хотели решить проблему одним решительным ударом. 31 декабря новгородское воинство под командованием князя Всеволода Мстиславича отправилось в поход против Юрия. Однако оказалось, что время для выступления было выбрано не самое удачное, поскольку ударили сильнейшие морозы, а вьюги заметали дороги.

А что же Долгорукий? Невзирая на все ухищрения новгородцев, Юрий своевременно узнал об их планах и успел подготовиться к отражению вторжения. Собрав полки со всего своего обширного княжества, он выступил навстречу врагу и перехватил рать Всеволода Мстиславича у Ждан-горы.

*** * ***

25 января новгородские полки расположились на Ждан-горе. Судя по всему, господа новгородцы и мысли не допускали о том, что их может постигнуть неудача. Во-первых, их рать численно превосходила войско Юрия, а во-вторых, они занимали отличную позицию. Ростовцы и суздальцы стояли в низине, и в случае атаки им пришлось бы подниматься по засыпанному снегом склону, под непрерывным обстрелом вражеских лучников. Однако это понимал и Юрий, а поэтому и не отдавал приказ об атаке. Врагов больше, позиция у них лучше, и потому шансы на победу у

суздальского князя минимальные. Юрий послал было к Всеволоду гонцов с предложением завершить дело миром, но новгородцы, чувствуя своё превосходство, выдвигали заранее неприемлемые требования.

Долгорукий ожидал вражеской атаки. Он исходил из того, что противник обязательно перейдёт в наступление, поскольку имел такую возможность благодаря численному превосходству. В тылу у полков Юрия находился лес, а перед их фронтом протекала река, и этот рубеж он собирался удерживать. Однако время шло, а враг не двигался. Мороз усиливался, мела поземка, а ратники, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, замерзали на холодном ветру. И тогда Юрий решился. Призвав воеводу Якуна Короба, он велел ему ночью обойти вражеское войско и, когда начнется битва, ударить врагу в тыл. После этого суздальский князь увел своё продрогшее войско в лагерь. Новгородцы торжествовали, они видели, что враг боится их атаковать, и чувствовали себя очень уверенно на неприступных позициях.

Однако ликование их длилось недолго, поскольку на рассвете 26 января Юрий повел свои полки в атаку. Господа новгородцы были несколько удивлены таким развитием событий, но не растерялись, а быстро изготовились к бою. На правом крыле стал Всеволод Мстиславич с дружиной, на левом тысяцкий — Петрила, а командование над большим полком принял посадник Иванок, муж изрядно опытный в ратном деле. Выждав, когда полки Юрия достигли горы и стали подниматься вверх по склону, новгородцы пошли им навстречу.

Суздальский князь прекрасно понимал, как сильно он рискует, начиная эту отчаянную атаку. Вперед Долгорукий послал лучников, чтобы они отвлекли на себя вражеских стрелков. В завязавшейся перестрелке преимущество было на стороне новгородцев, поскольку они стояли на горе и прекрасно видели все передвижения противника. Лучники Юрия несли большие потери, но продолжали вести сражение, прикрывая наступление своей пехоты. Между тем в бой вступили главные силы. Ростовские и суздальские ратники уже изрядно выдохлись, поднимаясь по склону, когда их атаковали новгородцы. Удар был силен и неотразим. Преимущество новгородцев обозначилось сразу, они смяли дружным натиском передовые вражеские ряды и стали оттеснять противника к подножию горы. Воины Долгорукого бились отчаянно, но не могли противостоять вражескому напору.

Ростовские и суздальские полки медленно пятились, сползая вниз по склону, а противник всё наращивал натиск. Посадник Иванок повел своих людей прямо в центр Юрьева войска, разбил боевые порядки неприятеля и прорвался к княжескому стягу.

В рукопашной схватке полегли защитники знамени, и стяг Долгорукого, покачнувшись, рухнул на истоптанный и залитый кровью снег. Новгородцы взревели от восторга, а их противники дрогнули. Но в этот момент ситуация на поле боя изменилась радикально. Воевода Якун Короб сумел-таки незаметно зайти в тыл врагу и неожиданно атаковал с тыла дружину Всеволода. Ратники Короба рубили гридней боевыми топорами, поднимали на рогатины, и те не выдержали. Первым с поля боя побежал сам Всеволод Мстиславич, а за ним стали разбегаться его дружинники. Однако воевода их преследовать не стал, а правильно оценив обстановку, ударил по

центру новгородских войск. Посадник Иванок со своими бойцами попытался отразить вражескую атаку, но воины Якуна действовали так дружно и слаженно, что буквально смели всех, кто встал у них на пути. Мертвый Иванок повалился на снег, а ростовцы и суздальцы, воспрянув духом, пошли вперед. Стяг князя Юрия вновь реял над полем боя, его полки наступали на врага несокрушимой стеной.

Когда же был убит тысяцкий Петр Микулич, для новгородцев всё было кончено. Князь убежал, посадник и тысяцкий пали в битве, командовать полками стало некому. Новгородская рать обратилась в бегство. Долгорукий велел преследовать разбитого врага и не давать ему возможности остановиться, чтобы перевести дух и организовать сопротивление. Был захвачен огромный новгородский обоз и взято множество пленных. Победа Юрия Суздальского была полной и безоговорочной.

* * *

Побоище на Ждан-горе резко изменило ситуацию в регионе. Давненько Господин Великий Новгород не терпел столь сокрушительного поражения. Потери среди новгородцев были очень велики, причем погибли лучшие: *«И убиша посадника новгородьскаго Иванка, мужа храбра зело, месяця геньваря въ 26, и Петрила Микульциця* **и много добрыхъ муж**» (Новгородская I летопись старшего извода). Правда, после этого летописец сделал некую утешительную сентенцию: «А *суждальць боле».* Дескать, наших погибло много, но ворогов ещё больше. Но тут возникает закономерный вопрос: а где, собственно, новгородский летописец разжился подобной информацией? Однозначно, что те его земляки, которые принимали участие в битве, об этом ему сказать не могли, поскольку бежали с поля боя. А оно осталось за суздальцами. Да и Долгорукий вряд ли отправлял в Новгород отчет о собственных потерях. Поэтому данное высказывание можно смело считать фантазией летописца, выдающего желаемое за действительное. В итоге Новгород на какое-то время выбыл из войны, и на северных рубежах Ростово-Суздальской земли воцарилось спокойствие.

Однако победа Долгорукого обернулась ещё более неожиданными последствиями, и коснулись они всей Руси в целом. Причем самым негативным образом.

Дело в том, что после возвращения ратников из злополучного похода перед новгородцами встал извечный вопрос: кто виноват? Крайнего нашли быстро: князь Всеволод Мстиславич, тот самый, который втянул их в войну с Юрием на стороне Ольговичей и самый первый удрал с поля боя во время битвы у Ждан-горы. Вот тут ему всё и припомнили. В русских летописных сводах приводится весь перечень тех обвинений, которые вечевики предъявили своему князю: *«1) что не любит простого люда, а почитает одних вельмож; 2) хотел, обругав Новгород, княжить в Переяславле; 3) пойдя на суздальцев и не бившись крепко, прежде других с боя ушел; 4) любит игры и охоту ястребов и собак, по полям ездить, а судить и правосудие для*

людей чинить не прилежит; 5) велел нам со Всеволодом Олеговичем союз учинить, а ныне велит снова отстать» (В.Н. Татищев).

В итоге князя Всеволода Мстиславича вместе с семьей засадили за караул в Епископском доме, а к черниговскому князю Всеволоду Ольговичу новгородцы отправили посольство, прося на княжение его младшего брата Святослава. Это был колоссальный успех сыновей Олега Гориславича, поскольку Новгород всегда находился в сфере влияния киевских князей, а последнее время в нем хозяйничали потомки Мономаха. И вот всё закончилось. Великий князь Ярополк поморщился, но горькую пилюлю проглотил, поскольку ничего поделать не мог. Именно с этого момента многие историки начинают отсчёт новгородской самостийности, принесшей столько бед Русской земле.

* * *

Итог княжеской междоусобицы, начавшейся после смерти Мстислава Владимировича, подвела битва на реке Супое. Пользуясь разбродом и шатанием среди Мономахова племени, Всеволод Ольгович напал на Переяславль, где княжил Андрей Владимирович. Но князь Андрей оказался не робкого десятка и дал бой супостату. Сражение длилось три дня, согласно Ипатьевской летописи, особенно упорные схватки происходили у Епископских и Княжьих ворот. Переяславль устоял, и Всеволод, сведав о приближении киевских полков Ярополка, был вынужден снять осаду и уйти в верховья реки Супой. Вместе с братом Ярополком в этот поход выступил и Юрий. Это свидетельствует о том, что суздальский князь не опасался нового похода новгородцев на свои земли и мог позволить себе вмешаться в войну на юге. Вряд ли с ним были все суздальские и ростовские полки, скорее всего, с князем была его дружина да ратники, которых Долгорукий мог привести в качестве гарнизона для Городца Остерского, который необходимо было отстраивать.

Объединенные силы Ярополка, Юрия и Андрея выступили на Ольговичей. Однако, как свидетельствует Ипатьевская летопись, Ярополк должным образом не подготовился к битве и выступил на врага, не дождавшись подходивших подкреплений. Киевский князь был слишком самоуверен, за что в итоге и поплатился. Хотя считался опытным военачальником и храбрым ратоборцем, неоднократно бившим половцев. Но, судя по всему, к старости утратил былую хватку. Ярополк пребывал в уверенности, что Ольговичи не посмеют встретиться с Мономашичами на поле боя, и жестоко просчитался. 8 августа 1136 года киевский князь приказал идти войскам в атаку на вражеские полки. Сражение было долгим и упорным, но в итоге дружина Ярополка под командованием тысяцкого Давыда Яруновича опрокинула половцев Всеволода и погнала их прочь с поля боя. Однако воевода настолько увлекся преследованием, что совсем забыл о том, что битва ещё не закончена. И пока он гонялся за половцами, полки Ольговичей смяли войска братьев Владимировичей и разогнали их по окрестностям. Мало того, черниговцы захватили стяг Ярополка и

высоко подняли его. Киевские дружинники подумали, что одержана победа, и стали спокойно возвращаться назад, не соблюдая ни строя, ни порядка. А там их уже ждали. Летописец так и записал: *«Яша бояръ много»* (Ипатьевская летопись). Как видим, действия Давыда Яруновича разительно отличались от действий Якуна Короба при Ждан-горе. Тогда суздальский воевода не бросился преследовать убегающего новгородского князя, а, верно оценив ситуацию, ударил с тыла по главным силам врага. Соответственно, и результат битвы был иным.

Однако, невзирая на победу, развить успех Всеволоду Черниговскому не удалось, и он отступил к своей столице. Боевые действия вновь вспыхнули зимой, и лишь вмешательство митрополита Михаила приостановило кровопролитие. Ярополк был вынужден отдать Ольговичам Курск, и на какое-то время война затихла. Юрий вернулся в Залесскую землю, и многим показалось, что уж теперь-то на Руси воцарится мир. Однако те, кто так думал, просто выдавали желаемое за действительное.

Неугомонный Всеволод Ольгович не удовольствовался уступками со стороны Ярополка и снова раздул пламя междоусобицы. Дело в том, что черниговский князь принадлежал к той породе людей, которые понимают только один аргумент — силу. Только крепкий удар мог вразумить обнаглевшего сына Олега Гориславича. И у великого князя киевского пока ещё были для этого возможности. Но на счастье Всеволода, Ярополк был слаб и предпочитал идти своему родственнику на уступки, а не решать проблему радикально. Киевский князь в упор не видел того, что чем больше он уступает Всеволоду, тем больше у того возрастают амбиции. В итоге подобная снисходительность и близорукость обернулись большой кровью.

В 1138 году Ольговичи опять напали на Переяславское княжество. Князь Андрей снова затворился в городе и, понимая, что против вражеской силы ему одному не выстоять, послал за помощью к брату Ярополку. Киевский князь быстро собрал полки и выступил к Переяславлю. Практически в это же время новгородцы изгнали из города Святослава Ольговича и призвали на княжение сына Юрия Ростислава. И когда Святослав с дружиной возвращался к Чернигову, Изяслав Мстиславич напал на него, нанес поражение и отнял весь обоз. Эта неудача окончательно вывела Всеволода Ольговича из себя, и во главе половецкой орды он захватил и сжег Прилуки, а затем прошелся вдоль реки Сулы, разоряя городки и крепости. Выплеснул свою злобу.

В.Н. Татищев оставил довольно любопытную характеристику этого князя: *«Сей великий князь муж был ростом велик и весьма толст, волос мало на голове имел, борода широкая, очи немалые, нос долгий. Мудр был в советах и судьях, потому кого хотел, того мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и более в веселиях, нежели управлении, упражнялся. Из-за того киевлянам тягость от него была великая. И когда умер, то едва кто по нему, кроме баб любимых, заплакал, а более были рады».* Как видим, личность не особо приятная. Однако самым плохим было то, что ради достижения своей цели Всеволод был готов на всё. Он просто не умел вовремя остановиться.

И здесь невольно возникает закономерный вопрос: а какая тогда, собственно, разница между Юрием и Всеволодом Ольговичем? И тот и другой легко будут нарушать клятвы и преступать крестное целование. Оба не раз и не два будут приводить на Русь половцев со всеми вытекающими отсюда последствиями. Каждый из них в меру своих сил будет расшатывать устои некогда единой Киевской державы. Каждый из них будет считать, что борется за правду, но только в том контексте, как эту самую «правду» понимал он лично. А «правда» для обеих заключалась в том, чтобы утвердиться на златом киевском столе. Но что самое главное, достигнув своей конечной цели и овладев Киевом, ни тот ни другой и понятия не будут иметь, что с этой самой верховной властью делать. Так в чем же разница?

А разница в том, что разрушительная деятельность Долгорукого на юге уравновешивалась его созидательной деятельностью в Северо-Восточной Руси. Ибо то наследство, которое он оставил своим детям в Залесской земле, стало основой могущества Владимиро-Суздальского княжества, затем Руси Московской и, наконец, России. Всеволод — разрушитель, а Юрий не только разрушитель, но и созидатель. Черниговский князь после себя не оставил ничего, кроме длительного кровавого конфликта между Мономашичами и Ольговичами. Юрий оставил после себя богатое и процветающее княжество, а у его сыновей хватило ума отказаться от киевских амбиций отца и сосредоточить всё внимание на Ростово-Суздальской земле. Фундамент, заложенный Долгоруким, оказался настолько крепок, что Владимиро-Суздальское сумело пережить страшный удар монголов и возродиться вновь. А Черниговское княжество после нашествия Батыя просто перестало существовать. Вот и вся разница в подходе.

Но вернемся в 1138 год. Разъяренный поражением брата Святослава от Изяслава Мстиславича, Всеволод решает идти на Киев. Но неожиданно нарвался на такой отпор, которого не ожидал, поскольку Ярополк поднял на борьбу всех, кого только мог. Ипатьевская летопись приводит впечатляющий список тех, кто откликнулся на зов киевского князя и встал под стяги Ярополка: *«Суждалци и Ростовци, съ Полочаны и Смолняны, и король Угры посла помощь Береньдичевъ 30 тысящь и Туровце».* Как следует из текста летописи, в этот раз Юрий привел на помощь брату все силы своего княжества. Пока ему опасаться было нечего, поскольку сын Ростислав сидел в Новгороде.

В итоге Ярополку на короткое время удалось собрать всех Мономашичей и единым фронтом выступить против Ольговичей. В этот раз племянники шли вместе с дядьями против общего врага. Когда же к объединенной рати присоединился князь Андрей с переяславскими полками, то, согласно В.Н. Татищеву, общая численность великокняжеской рати выросла до 60 000 воинов. И вся эта сила двинулась на Чернигов.

Вот теперь Всеволод Ольгович перепугался не на шутку. Недолго думая он решил удрать к половцам, бросив свою землю на произвол судьбы. Что тоже характеризует князя далеко не с самой лучшей стороны. Однако черниговские бояре в буквальном смысле слова ухватили беглеца за шиворот и никуда не выпустили из

города. Насмерть перетрусившему князю было сказано коротко и ясно: *«Ты хотя сам уедешь, но область вся останется на разорение и потом некуда будет возвратиться. Лучше, оставив гордость и высокоумие, просить мира»* (В.Н. Татищев). Положение, в котором оказался Всеволод, было незавидным. Ведь если от него отвернутся собственные бояре и дружина, то на дальнейшей политической деятельности князя можно было смело ставить крест. Поэтому Всеволод Ольгович пересилил себя и бил челом Ярополку.

Киевский князь проявил удивительную мягкотелость. У него был реальный шанс раз и навсегда покончить со смутьяном, вплоть до того, что вообще изгнать его из Чернигова. Были уже такие прецеденты на Руси. Или увезти в Киев и там засадить в поруб. Чем Всеволод лучше того же Всеслава Полоцкого или Судислава Псковского, которого Ярослав Мудрый продержал в темнице целых 23 года? И ведь не посмотрел на то, что псковский князь приходился ему родным братом. А кто такой Всеволод Ольгович для Ярополка Владимировича? Сила была на стороне киевского князя, а победителей, как известно, не судят. Но сын Мономаха снова проявил уступчивость и заключил мир со злейшим врагом. После этого огромное войско было распущено, а Ярополк вернулся в Киев.

* * *

После окончания этой усобицы суздальский князь опять вернулся в Ростово-Суздальскую землю. В результате участия в феодальных войнах он остался, можно сказать, при своем. Ничего не приобрел, кроме опыта, но и ничего не потерял. Дважды захватывал Переяславль, сначала силой, а затем с помощью дипломатии, и оба раза его уступал. Успешно отразил новгородское вторжение, не пропустив врага в глубь своих земель. Помогал старшему брату в войне против Ольговичей. Из владений на юге сохранил лишь Городец Остерский, имевший большое стратегическое значение, поскольку из него можно было с равным успехом угрожать как Киеву, так и Чернигову. Построен был Городец Владимиром Мономахом в 1098 году при впадении реки Остёр в Десну и должен был исполнять роль форпоста на границе Переяславского и Черниговского княжеств. В крепости имелась каменная церковь Архангела Михаила, что подчеркивало статус Городца Остерского.

Поэтому можно считать, что участие Юрия в усобице 1132–1136 годов стало для него своеобразной пробой сил, из которой он сделал надлежащие выводы.

2. Русь в огне (1139–1149 голы)

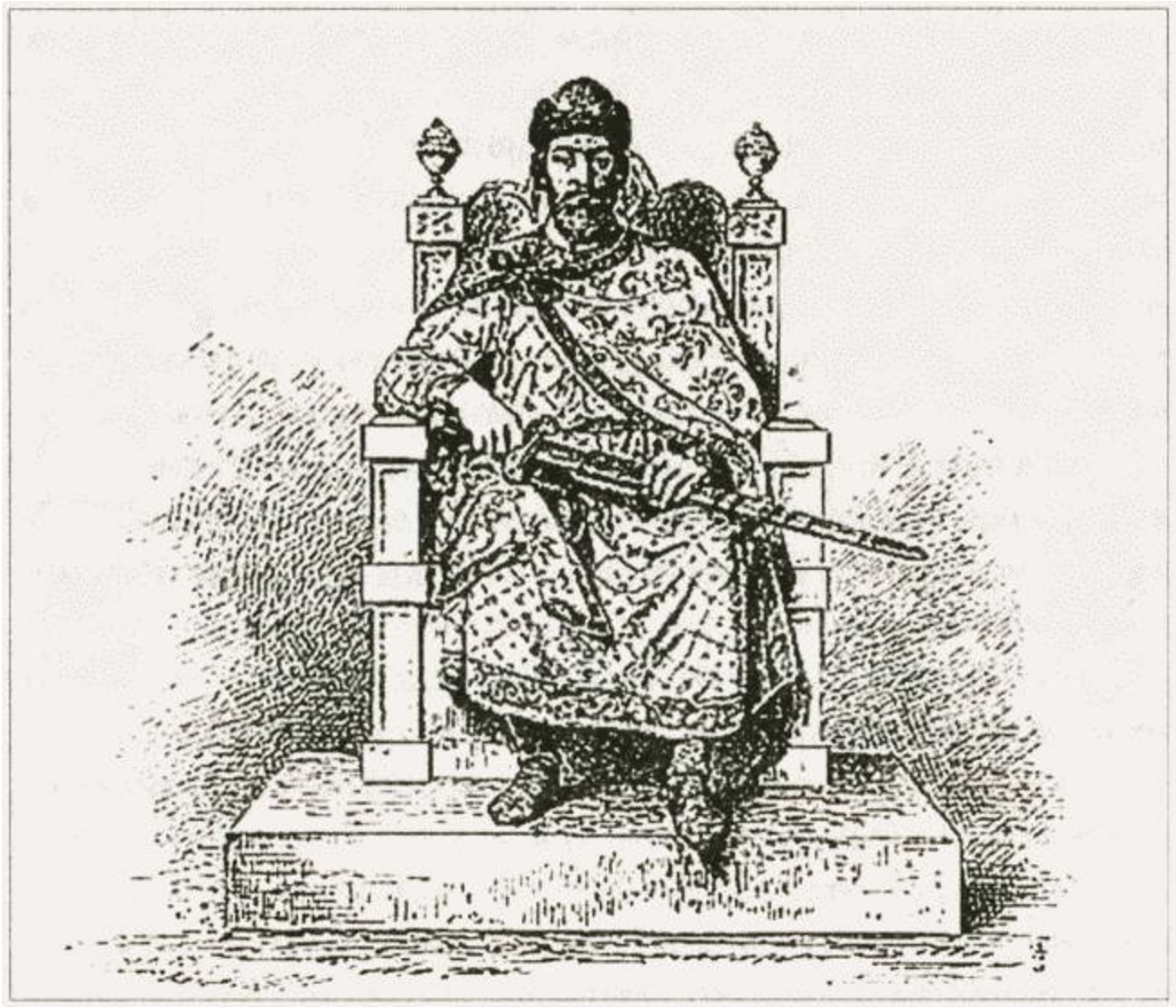
И раздьрася вся земля Русьская.

Новгородская I летопись старшего извода

Великий киевский князь Ярополк умер 18 февраля 1139 года. Согласно сложившейся традиции в Киев въехал его младший брат Вячеслав Владимирович. По своим качествам военачальника, правителя и политического деятеля он безоговорочно проигрывал даже Ярополку. Тихий и миролюбивый Вячеслав пришел в Киев лишь потому, что была его очередь садиться на златой престол, в противном случае он бы так и продолжал княжить в своем Турове. Утверждение нового князя в Киеве прошло тихо и спокойно, город принял Вячеслава, и казалось, что всё на этом и закончилось. Но тут снова возмутился Всеволод Ольгович, и тишина на Руси взорвалась.

Черниговский князь никогда не забывал, что его отец Олег Святославич по старшинству стоял выше Владимира Мономаха, хотя и не занимал никогда киевский стол. Зато дед Святослав был киевским князем, и, соответственно, Всеволод считал, что и он сам имеет право на верховную власть на Руси. Однако была одна проблема, которая могла помешать черниговскому князю осуществить свои намерения. И звалась она Юрий Долгорукий.

Всеволод Ольгович ни на минуту не сомневался в том, что при слабом и безвольном Вячеславе власть над Русской землей возьмет в свои руки энергичный и воинственный суздальский князь. А для него это значило только одно — не видать черниговским Ольговичам Киева. Поэтому Всеволод решает играть на опережение и утвердиться в Киеве, пока его не опередил Долгорукий. Однако коварный князь понимал, что в одиночку ему будет трудно справиться с Юрием, а потому решил воспользоваться разладом в стане Мономашичей. Дяде он решил противопоставить племянников.



В. Верещагин. Князь Всеволод Ольгович

У В.Н. Татищева есть информация о том, что Всеволод вступил в переговоры с Изяславом Мстиславичем и сообщил ему о своих намерениях. Главный упор хитрец делал на то, что Юрий всё равно не даст Изяславу вокняжиться в Киеве. Зато он, Всеволод, после своей смерти передаст стольный город только Изяславу и никому более. А пока наградит сына Мстислава новыми волостями. Говоря всё это, Ольгович изначально лгал, поскольку для него превыше всего были интересы своего клана, а никак не дальних родственников. Но Изяслав наживку проглотил. Он пообещал не вмешиваться в конфликт Всеволода со своими дядьями и целовал на этом крест. Черниговский князь ответил тем же, и стороны пришли к взаимному соглашению. Его итогом стало появление 1 марта 1139 года черниговских полков под Киевом. Всеволод без долгих разговоров предложил Вячеславу возвращаться в Туров, но тот неожиданно уперся. Тогда черниговцы подпалили дворы на окраине города, после чего к Вячеславу пришла депутация горожан и предложила покинуть Киев. Сражаться и лить свою кровь за него киевляне не желали, им было проще заключить

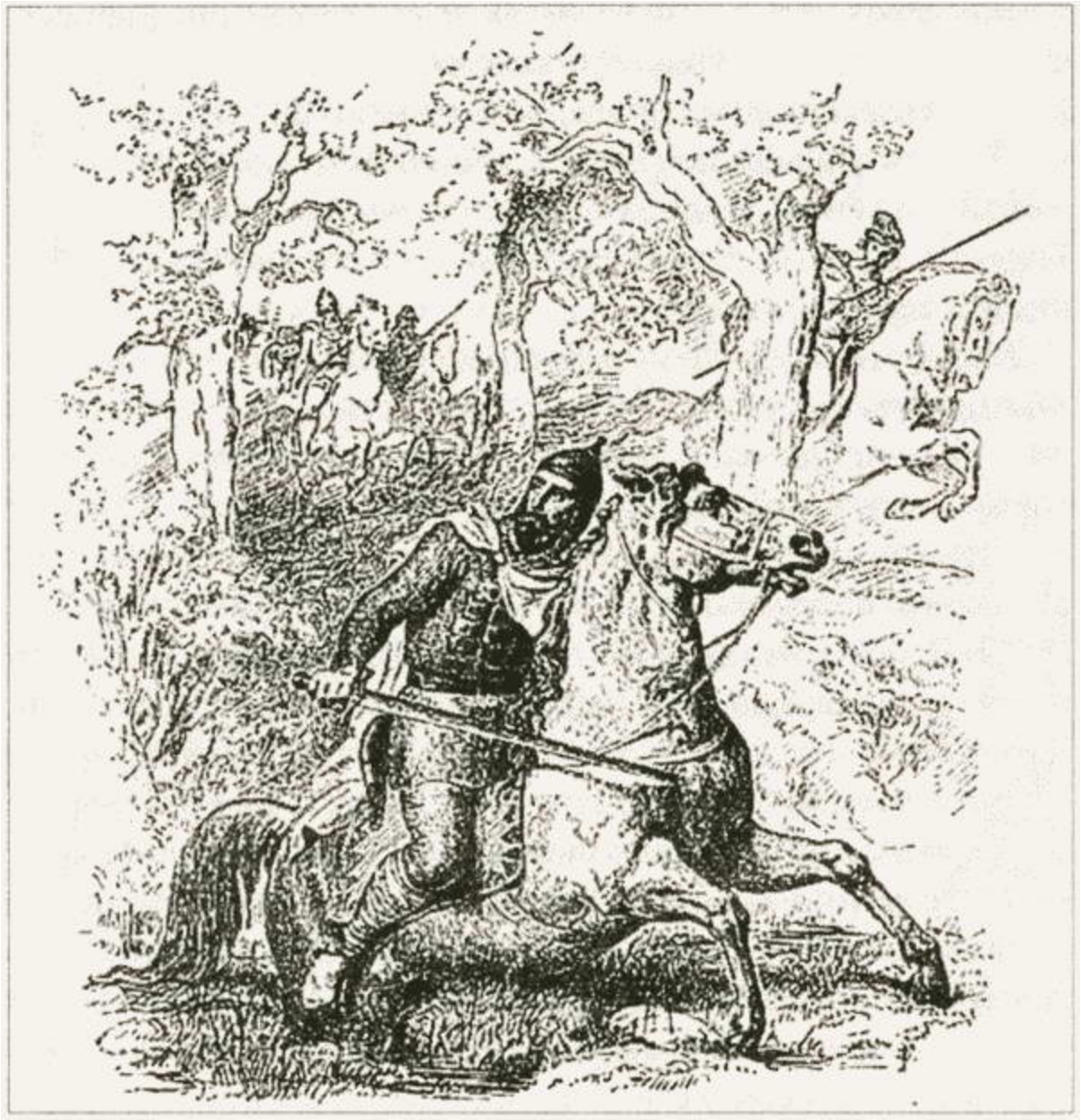
соглашение со Всеволодом. Вячеслав вернулся в Туров, а на киевском златом столе уселся Всеволод Ольгович.

Вскоре вести об этом дошли до Ростово-Суздальской земли. Юрий быстро собрал полки и выступил в поход, одновременно послав к новгородцам и предлагая вместе воевать против Ольговичей. Благо в это время в Новгороде княжил сын Долгорукого Ростислав. Но случилось то, чего суздальский князь ожидал меньше всего, — вечевики изгнали Ростислава и стали просить себе князя у Всеволода. Это резко меняло всю стратегическую ситуацию, поскольку на северных границах княжества у Юрия появился новый враг. И появился совершенно неожиданно. Поход на Киев был провален, и Долгорукий был вынужден вернуться в Суздаль. Однако самовольство новгородцев решил без последствий не оставлять и, вторгнувшись в их владения, захватил и спалил Торжок. А захват Торжка суздальцами — это всегда проблемы с хлебом на берегах Волхова.

Забегая вперед, стоит отметить, что с Всеволодом Ольговичем у новгородцев так и не заладилось. Князя они от него не получили, и в итоге обратились — к кому бы вы думали? — к Юрию Долгорукому и попросили у него того же Ростислава. Суздальский властелин мог только руками развести от удивления. Он, конечно, знал, что господа вечевики противоречивы и непоследовательны. Но не до такой же степени! Вообще, всё, что касалось Новгорода, логическому объяснению не поддавалось, и здесь князьям приходилось полагаться исключительно на свою интуицию. Взвесив все за и против, Юрий дал добро, и Ростислав снова отправился туда, откуда был недавно изгнан. Впрочем, надолго он там не задержался и вскоре снова был вынужден вернуться к отцу.

Между тем едва только Всеволод Ольгович укрепился на златом киевском столе, как он тут же забыл о том, что обещал сыновьям Мстислава, и Изяславу в частности. Вместо этого он послал против них войска. О том, чтобы назначить Изяслава Мстиславича своим наследником, лживый Ольгович даже и не вспоминал. Во время очередного перемирия, согласно свидетельству В.Н. Татищева, в 1143 году Всеволод собрал на съезд всю черниговскую родню, туда же пригласил и братьев Мстиславичей, Изяслава и Ростислава. А там во всеуслышание заявил, что в случае его смерти Киев отойдёт его брату Игорю. Для Изяслава это было оскорблением, но сила была не на его стороне, а потому он промолчал. Хотя возможно, что именно этот демарш Всеволода и стал причиной того, что в том же году Изяслав Мстиславич прибыл в Ростово-Суздальскую землю и там пытался урядиться с Юрием. Однако попытка успехом не увенчалась, и Изяслав уехал в Смоленск, к брату Ростиславу.

1 августа 1146 года умирает Всеволод Ольгович, перед смертью вновь затребовав клятву с родственников о том, что они признают Игоря великим князем. Княжение Всеволода в Киеве представляло собой череду непрерывных войн со всеми соседями, в которых Юрий участия не принимал. Суздальский князь самоустранился от тех событий, которые сотрясали южные княжества, и, затаившись, словно хищник, выжидал удобного момента, чтобы вступить в борьбу. И такой случай вскоре представился.



Верещагин В. Князь Игорь Ольгович

Киевляне не любили Всеволода, они вообще не жаловали Ольговичей. Соответственно, это относилось и к Игорю, которого горожане *«ведая его нрав свирепый и гордый, опасались»* (В.Н. Татищев). Всё решилось достаточно быстро. Киевляне послали своих представителей в Переяславль, где в это время княжил Изяслав Мстиславич, и заявили открытым текстом: *«Пойди княже, хочемъ тебе»* (Лаврентьевская летопись). И Изяслав пришел. 13 августа 1146 года в битве у Надова озера в окрестностях Киева войска Игоря и Святослава Ольговичей были наголову разгромлены войсками Изяслава Мстиславича. В решающий момент боя киевляне перешли на сторону сына Мстислава, и для сыновей Олега Гориславича всё было кончено. Святослав чудом уцелел во время побоища и сумел уйти за Днепр, а Игорь, спасаясь бегством, попал в болото, накрепко там увяз и был взят в плен. Изяслав

вступил в Киев под звон колоколов и восторженные крики ликующих горожан. На Руси наступали новые времена.

* * *

В.Н. Татищев так характеризует Изяслава Мстиславича: *«Сей князь великий был честен и благоверен, славен в храбрости; ростом мал, но лицом красив, волосы короткие кудрявые и борода малая круглая; милостив ко всем, не сребролюбец и служащих ему верно пребогато награждал; о добром правлении и правосудии прилежал; был же любочестен и не мог обиды чести своей терпеть. Владел 8 лет и 3 месяца, всего лет прожил 58».* И действительно, Изяслав был достойным правителем. Очень храбрый человек и блестящий военачальник, он, как никто другой, подходил на роль великого князя. Однако все его многочисленные таланты оказались направлены не на борьбу с внешней угрозой в лице половцев, а на решение внутренних проблем Руси. Всё его княжение представляло собой одну непрекращающуюся войну, которую он вел со своим дядей Юрием и его союзниками. В этой борьбе каждый считал себя правым.

Но в отличие от своего суздальского родственника Изяслав пользовался безоговорочной поддержкой киевлян. В столице сына Мстислава не просто уважали — его любили. Даже в трудные времена, когда Изяслав покинет Киев, горожане будут поддерживать с ним тесные контакты и всячески содействовать возвращению своего любимца на златой стол. Изяслав Мстиславич будет платить им той же монетой и, что примечательно, никогда не будет ставить свои личные интересы выше интересов киевлян. Когда встанет вопрос о том, подвергать столицу опасностям осады или уйти из города и тем самым спасти Киев от возможного погрома, Изяслав выберет второй вариант. Далеко не каждый князь поступил бы таким образом, многие предпочли бы цепляться за последнюю возможность побороться за верховную власть.

Не меньшее значение имело и то, что Изяслав Мстиславич пользовался непререкаемым авторитетом среди черных клобуков — полукочевых тюркских вассалов киевских князей, населявших Поросье. Когда Ярослав Мудрый начал строить Поросскую линию обороны — цепь крепостей и замков по реке Рось, то там были расселены печенеги, чьи орды были разгромлены киевским князем. В дальнейшем к ним прибавились торки, ковуи и берендеи, которых летописцы и стали называть общим именем — черные клобуки. Персидский историк Рашид-ад-дин называет их *«народом черных шапок».* Главным городом Поросья был Торческ. Вдоль оборонительной линии были расположены города-крепости Родень, Корсунь, Юрьев (Белая Церковь), Володарев и ряд других. Конница черных клобуков принимала активное участие во всех военных предприятиях киевских князей, а их правящая элита, наравне с киевским боярством, имела решающее влияние при утверждении той или иной кандидатуры на княжение в Киеве. И вот теперь Изяслав Мстиславич опирался как на киевлян, так и на черных клобуков.

Больше всего от победы Изяслава пострадали Ольговичи. Вот когда от амбиций Всеволода пострадали его ближайшие родичи. Игорь, закованный в железо, сидел в порубе Переяславля, куда его отправил Изяслав, а Святослав, князь Новгорода-Северского, зализывал раны после разгрома у Надова озера. Однако судьба брата в данной ситуации волновала его больше всего, и поэтому он стал лихорадочно искать союзников, которые могли бы ему помочь в деле освобождения Игоря.

Прежде всего он обратился за помощью к своим двоюродным братьям Владимиру и Изяславу Давыдовичам, княжившим в Чернигове. Однако кому-кому, а братьям возвращение Игоря из темницы было абсолютно невыгодно, поскольку в этом случае им пришлось бы покинуть Чернигов. Поэтому, пообещав на словах поддержку Святославу, они скоро установили контакты с Изяславом Мстиславичем и известили обо всех военных планах родственника. Как следствие, в один прекрасный день к Святославу явились послы от киевского князя и Давыдовичей, которые потребовали, чтобы князь отдал Новгород-Северский и удалился в Путивль, а заодно отрекся бы и от брата. И только в этом случае он сможет княжить спокойно.

Междоусобные войны, которые начались на Руси после смерти Мстислава Владимировича, видели много примеров коварства, клятвопреступлений и обмана. Но именно братья Давыдовичи, Владимир и Изяслав, могут служить образцовым примером той мерзости и подлости, которая была свойственна этой эпохе. Их судьба будет очень поучительной, но об этом расскажем в следующих главах. А сейчас, предав своих двоюродных братьев Святослава и Игоря, они только ступили на этот скользкий путь.

Святослав оказался загнан в угол. Единственной силой на Руси, которая ему могла помочь, был суздальский князь. За Юрием стояла грозная сила, и Ольгович прекрасно понимал, что Долгорукий никогда не смирится с существующим положением дел. Из Новгорода-Северского в Суздаль отправились доверенные люди Святослава, целью которых было склонить властелина Залесской Руси к союзу с сыном Гориславича.

* * *

Юрий оценил предложение Святослава Ольговича. В преддверии грядущей схватки за Киев ему как воздух были необходимы союзники. Поэтому Долгорукий охотно отозвался на призыв о помощи, правда, при этом выговорил себе Курск. Но у Святослава выбора не было, и он дал добро. А одновременно отправил посольство к половцам, чтобы призвать степную конницу под свои стяги.

Между тем Юрий уже собирал полки. К Святославу прибыли три сотни половцев, и ханы уверяли, что если ему потребуется больше людей, то они пришлют незамедлительно. Вскоре суздальские войска выступили в поход, и у Ольговича появилась надежда, что всё обойдется. Но не обошлось. В это время черниговские и киевские полки уже осаждали Путивль, и когда Изяслав Мстиславич сведал о том, что

Долгорукий выступил в поход, он принял соответствующие меры. Киевский князь проявил себя великолепным дипломатом. Вступив в переговоры с рязанским князем Ростиславом Ярославичем, двоюродным братом черниговских князей, он убедил его напасть на владения Юрия. Согласно Ипатьевской летописи, Юрий дошёл уже до Козельска, когда ему сообщили о нападении Ростислава.

И вот здесь перед суздальским князем возникла дилемма — либо идти на помощь союзнику и бросить свои земли на произвол судьбы, либо нарушить слово, данное Святославу. Поразмышляв, Юрий принял половинчатое решение. Сам он решил вернуться назад и отразить нападение Ростислава, а сына Ивана с дружиной отправил на помощь Святославу. Пусть и невелика подмога, но новгород-северский князь должен видеть, что Долгорукий его не бросает на произвол судьбы. Святослав, человек умный, поймёт, что не мог Юрий в данной ситуации поступить иначе. И действительно, когда Иван прибыл в Северскую землю, Святослав был искренне рад, но ситуация неожиданно осложнилась. Дело в том, что Путивль сдался Изяславу Мстиславичу. Теперь путь киевским и черниговским полкам на Новгород-Северский был открыт.

Понимая, что его силы слишком незначительны, чтобы противостоять врагу, Святослав принимает решение уйти в землю вятичей. По его приказу из города спешно вывезли казну, а также его собственную семью и семью брата Игоря. Обоз под прикрытием княжеской дружины отправился в город Карачев. Но тут себя проявил Изяслав Давыдович. Он во что бы то ни стало решил изловить двоюродного брата и передать его своему киевскому тезке. Пусть вместе с Игорем в порубе посидит! А Давыдовичи тем временем окончательно разберут его волости. Черниговский князь повел в погоню за Святославом 3000 всадников, причем вместе с ним шли не только черниговцы, но и киевляне под командованием воеводы Шварна. Однако Святослав, у которого под командованием было всего три сотни половцев да небольшая дружина, 16 января 1147 года напал на своего зарвавшегося родственника и разбил его. После этого Ольгович спалил Карачев, принадлежащий Давыдовичам, и ушел в земли вятичей. Там он отпустил в степь половцев, а сам продолжил движение к границам Суздальской земли.

Между тем побитый Изяслав Давыдович вернулся к Изяславу Киевскому. Желая хоть как-то утешить своего незадачливого родича, тот отдал ему все земли Святослава, кроме Курска, который удержал за собой. Казалось бы, всё и теперь Давыдовичи успокоятся. Ан нет! По сообщению летописей, они объявили в земле вятичей награду за голову Святослава.

Между тем Юрий отправил на Рязань полки под командованием сыновей Ростислава и Андрея. Рязанский князь не стал их дожидаться, а просто ушёл к половцам. Братья Юрьевичи огнем и мечом прошли по беззащитным рязанским землям, а затем вернулись к отцу с полоном и добычей.

Не забыл Долгорукий и о своём новгород-северском союзнике. В Колтеск, где в это время находился Святослав, прибыл белозерский полк, насчитывающий 1000 бойцов: *«тысячю Бренидьець дружины Белозерьское»* (Ипатьевская летопись). Это

была очень серьёзная сила, и, опираясь на неё, беглец вполне мог развернуть военные действия против Давыдовичей. Но не сложилось, поскольку в эти же дни тяжело заболел и умер сын Юрия Иван, который находился при Святославе. Тело княжича отвезли в Суздаль, а сам Святослав Ольгович пришел в верховья Оки и расположился в городке Любенске. Здесь его и застали посланцы Юрия, который прислал Святославу, его семье и приближенным богатые дары, а заодно извещал союзника, что отправит в его распоряжение другого сына с дружиной.

В начале весны 1147 года союзники нанесли ряд ударов по врагу. Юрий не простил новгородцам изгнания сына Ростислава и того, что они держат сторону его племянников Мстиславичей. Вечевики оправдывались, снова вспоминая клятву, данную их отцу Мстиславу, но, по мнению Долгорукого, это были отговорки и не более того. Суздальский князь в очередной раз захватил Торжок и разорил новгородские области по реке Мете. Святослав в это время вторгся в земли Смоленского княжества, прошел вверх по реке Протве и захватил принадлежащий Ростиславу Мстиславичу город Голяд. Ольгович находился в захваченном городе и занимался дележом добычи и пленных, когда к нему прибыл гонец от Юрия и передал слова, ставшие легендарными: *«Приди ко мне брате въ Московъ»* (Ипатьевская летопись). О том, что происходило дальше, известно всем: *«Повеле Гюрги устроити обедъ силенъ и створи честь велику имъ»* (Ипатьевская летопись).

После достопамятного пиршества Святослав и сын Юрия Глеб во главе дружин отправились на Оку. Там к Ольговичу подошли подкрепления — половецкие родственники привели степную конницу, а также наемные отряды бродников. Н.М. Карамзин так описывает этих наемников: *«Сии люди были Христиане, обитали в степях Донских среди варваров, уподоблялись им дикою жизнию и, как вероятно, состояли большею частию из беглецов Русских: они за деньги служили нашим Князьям в их междоусобиях»*. После этого союзники повели наступление на землю вятичей и заняли её от Мценска до границ Северской земли. Святослав и Глеб были готовы развить успех, но тут в их лагере неожиданно объявились послы Давыдовичей. Слова, с которыми они обратились к Святославу, были весьма примечательны: *«Не имей на ны в томъ жалобы, но будемы еси за единъ мужь и не помяни злобъ нашихъ, а крестъ к намъ целуй, а отцину, свою възми, и что есми взяли твоего, а то ти възворотимъ»* (Ипатьевская летопись). Братья прямо говорили своему недавно столь усердно гонимому ими же родственнику: забудем прошлое, будем стоять за одно, свои земли забирай себе, а всё твое разграбленное добро мы вернем. А против кого стоять заодно, было и так понятно — против киевского князя Изяслава.

Предложение было неожиданное, хотя и ожидаемое. Дело в том, что, пока Святослав сражался против вражеской коалиции, а затем воевал в земле вятичей, в Южной Руси происходили довольно примечательные события. Ещё в начале года томившийся в порубе Переяславля Игорь Ольгович сильно разболелся и, решив, что настал его смертный час, обратился к Изяславу Мстиславичу с просьбой постричься в монахи. Киевский князь отказать не мог, и 5 января Игорь принял постриг. Однако

монах неожиданно выздоровел, чем весьма озадачил Изяслава. Поразмышляв, князь решил пока перевести Игоря в Киев и оставить в обители Святого Федора под крепким присмотром, а окончательное решение судьбы пленника отложил на потом. Одним конкурентом для Давыдовичей стало меньше, но, с другой стороны, и Изяславу Мстиславичу стало спокойнее, когда Игорь постригся в монахи и отошел от мирских дел. Но любое усиление киевского князя было для Давыдовичей смерти подобно, а потому их примирение со Святославом стало вполне закономерным. Однако они пошли дальше и вступили в переговоры с Юрием, подбивая его начать борьбу за Киев и обещая при этом оказать помощь в войне против Изяслава Мстиславича. Образовалась мощная коалиция, в которую вошли суздальский князь, братья Давыдовичи, Святослав Ольгович и его племянник Святослав, сын Всеволода Ольговича.

Между тем киевский князь продолжал пребывать в счастливом неведении относительно намерений Давыдовичей. Он начал собирать полки, чтобы идти войной против Юрия и Святослава, но эта война не пользовалась популярностью среди жителей Киева. Они прямо заявили своему князю, что против сына Мономаха воевать не будут: *«Не можемъ на Володимире племя рукы вьзияти»* (Ипатьевская летопись). Но тем не менее Изяслав войско собрал и выступил в поход, однако, когда он стал лагерем на реке Супое, прибывший из Чернигова боярин Улеб сообщил ему о заговоре Давыдовичей. Киевский князь верить услышанному не хотел и снова отправил Улеба в Чернигов, чтобы тот ещё раз привел Давыдовичей к крестному целованию. Однако те взамен потребовали освободить их двоюродного брата Игоря. Разрыв стал очевиден, и Изяслав Мстиславич вернул черниговским князьям их крестные грамоты, что, по сути, являлось объявлением войны.

Но самые трагические события разыгрались в Киеве 19 сентября. Когда горожане узнали об измене Давыдовичей, толпа бросилась к монастырю Святого Федора и растерзала Игоря Ольговича.

* * *

Смерть князя Игоря как громом поразила и его родичей, и его врагов. Была ли его смерть выгодна Изяславу Мстиславичу? Однозначно, что нет. Ему было гораздо выгоднее держать Игоря в качестве заложника и таким образом оказывать влияние на Святослава Ольговича. Что же касается Святослава, то для него смерть брата стала страшным ударом. Полный праведного гнева, он приступил к освобождению своего княжества. Глеб Юрьевич выбил из Курска Мстислава Изяславича, сына киевского князя, и вступил в город. Однако попытка Глеба овладеть Переяславлем успехом не увенчалась, и он был вынужден отступить в Городец Остерский. Но вскоре к крепости прибыл киевский князь с полками, и после непродолжительной осады Глеб был вынужден открыть ворота.

Изяслав Мстиславич перешел в решительное наступление. В борьбе против Ольговичей и Давыдовичей к нему присоединились брат Ростислав и дядя Вячеслав Туровский, приславший полк в распоряжение племянника. Вооруженное противостояние продолжалось всю осень, но к началу зимы сошло на нет. Боевые действия затихли.

Всё это время Юрий вел себя на удивление пассивно, и потому его союз с Давыдовичами не дал тех результатов, на которые мог рассчитывать Долгорукий. С одной стороны, можно сказать, что Юрий ожидал нападения со стороны новгородцев и потому был вынужден оставаться с полками в Ростово-Суздальской земле. То, что Изяслав Мстиславич договорился со своим братом Святополком, княжившим в Новгороде, сомнению не подлежит. Но сам поход на Юрия Святополк организовал настолько бестолково, что он закончился ничем: *«На осень ходи Святопълкъ съ всею областию Новъгородъскою на Гюргя, хотя на Суждалъ, и воротишася на Новемь търгу, распутья деля»* (Новгородская I летопись старшего извода). Как видим, у суздальского князя были время и возможности оказать помощь своим союзникам. Но он этого не сделал.

Вполне возможно, что Долгорукий хитрил и выжидал, как будет складываться противостояние между Давыдовичами и Ольговичами, с одной стороны, и Изяславом Мстиславичем — с другой. Но если это так, то он жестоко ошибся. Разозленные бездействием союзника, Владимир и Изяслав Давидовичи отправили к Юрию посольство с гневными словами, требуя от князя активности. Но тот по-прежнему медлил. Итог таких действий был вполне закономерен, и черниговские князья приняли решение замириться с Изяславом Мстиславичем. Летом 1148 года был заключен мир между Давыдовичами и Ольговичами, с одной стороны, и киевским князем — с другой. Это стало большой неудачей всей политики Юрия. Но его поджидал ещё один удар.

Сын Ростислав, посланный Долгоруким на юг, неожиданно предал отца и перешел со своей дружиной на сторону Изяслава. Причиной измены, согласно Ипатьевской летописи, стал отказ Юрия наделить своего старшего сына волостью в Суздальской земле. Ростислав тогда обиду проглотил, но, когда отец отправил его на помощь Давыдовичам, он вступил в переговоры с посланцами киевского князя. Изяслав Мстиславич пообещал своему двоюродному брату удел, и тот это предложение принял.

Киевский князь слово сдержал. Выгнав Глеба Юрьевича из Городца Остерского, он отдал его Ростиславу. Также Изяслав передал ему Бужск и Межибожье. Таким образом, к осени 1148 года Юрий Долгорукий оказался в сложнейшей ситуации, поскольку лишился всех союзников и оказался в политической изоляции.

3. На лезвии бритвы (1148–1149 годы)

Того же лета поиде Юрьи на Изяслава кь Киеву со Ольговичи. Изяслав же выде противу ему из града, и ту бысть им бой под Киевом. И победи Юрьи Изяслава августа 23.

Пискаревский летописец

В сентябре 1148 года Изяслав Мстиславич собрал в Городце княжеский съезд. Приехали братья киевского князя Ростислав и Владимир, сын Мстислав, Владимир и Изяслав Давыдовичи. Присутствовал также и сын Долгорукого Ростислав. Относительно последнего можно предположить, что его Изяслав позвал для того, чтобы продемонстрировать союзникам непрочность положения Юрия, от которого убегают даже собственные сыновья. Особенно это касалось Давыдовичей. Но с другой стороны, если исходить из того, что в данный момент Городец Остерский принадлежал Ростиславу, то можно сказать, что всю эту компанию он принимал на правах хозяина.

Однако был во всем этом один очень неприятный для киевского князя момент. Дело в том, что ни Святослав Ольгович, ни Святослав Всеволодович на съезд не явились, хотя и были приглашены. Они четко обозначили свою позицию к происходящему и даже не прислали послов, чтобы обосновать свой отказ от участия в мероприятии. Два Святослава прекрасно понимали, о чем пойдёт речь на съезде. А цель у высокого собрания была одна — решить, как победить Юрия Суздальского.

Киевский князь обратился к присутствующим с проникновенной речью, смысл которой сводился к одному — пока не сломлена мощь властелина Ростово-Суздальской земли, покоя в Южной Руси не будет. Да и не только в Южной Руси. Вот взять, к примеру, Новгород. И какой только произвол не творит Юрий Владимирович по отношению к этому древнему городу! И нападения на волости чинит, и села разоряет, и купцов на торговых путях грабит! Даже Торжок сжег! Изяслав Мстиславич ораторствовал ярко и вдохновенно, увлекая слушателей потоком красноречия. Его черниговский тезка периодически покачивал головой, делая вид, что соглашается со словами князя, но мысли у него были совершенно другие. Изяслав Давыдович не желал окончательного разгрома Юрия, поскольку в этом случае могущество Киева возрастало многократно. А это было очень опасно для Северской земли. Зато его вполне устраивало то политическое равновесие, которое существовало на данный момент. Черниговский князь в этом случае всегда сохранял свободу маневра и мог заключать союз с кем ему угодно — хоть с Долгоруким, хоть с Изяславом Киевским. В зависимости от политической ситуации. Тем временем, публично посетовав на то, что ни Святослав Ольгович, ни Святослав Всеволодович на съезд не явились, Владимир Давыдович громогласно осудил их позицию. А затем пообещал Изяславу Мстиславичу выступить против Юрия.

Здесь же составили и план предстоящих мероприятий. Боевые действия планировали начать, как только замерзнут реки, а противника атаковать с двух стратегических направлений. По-прежнему предполагалось, что Ольговичи все же примут участие в войне против суздальцев и будут действовать совместно с Давыдовичами. Черниговские и северские полки должны были пройти землю вятичей и отсюда начать вторжение в Ростово-Суздальское княжество. Их цель — Ростов.

Изяслав Мстиславич должен был наступать на противника с другой стороны. Вместе с братом Ростиславом они должны были выступить из Смоленска на Волгу, соединиться с новгородскими полками и после этого идти в землю Суздальскую против князя Юрия. Долгорукий не выдержит атаки с двух сторон, и его поражение станет лишь вопросом времени. После совещания киевский князь устроил пир для союзников, а когда гости разъехались, предпринял первые шаги для обеспечения успеха похода.

Поскольку господа новгородцы выражали недовольство его сыном Святополком *«злобы его ради»* (Воскресенская летопись), то он быстро отозвал его с берегов Волхова, прислав вместо него другого сына, Ярослава. Участие новгородцев в грядущей войне являлось едва ли не решающим фактором, и Изяслав не хотел, чтобы у них был хоть малейший повод для недовольства.

Ростислав Юрьевич был отправлен в свою волость в Бужск с напутствием киевского князя *«пострези оттоле Русские земли»* (Воскресенская летопись). От кого постеречь — понятно, поскольку тогда даже предположить было невозможно, как поведет себя в сложившейся ситуации могущественный князь Владимир Володарьевич Галицкий. Но с другой стороны, киевский князь просто перестраховался и убрал Ростислава подальше от театра военных действий. Кто его знает, всё-таки сын Юрия…

* * *

Зимой 1148 года Изяслав Мстиславич выступил в поход против своего дяди Юрия. В Киеве остался его брат Владимир, а в Переяславле — сын Мстислав. Зная, что Долгорукий имеет крепкие связи среди половцев, Изяслав имел все основания опасаться набега степняков на Русь в свое отсутствие. Да и полки галицкого князя угрожали его владениям. Поэтому и принял Изяслав меры предосторожности.

Тем временем киевское войско двигалось к Смоленску. Изяслав Мстиславич уехал вперед, на встречу с братом, а воеводам велел вести рать прежним путем. В Смоленске киевского князя приняли торжественно и с великой честью, а Ростислав устроил в его честь пир. Затем в течение семи дней князья и воеводы держали совет о предстоящем походе, а после Изяслав с небольшой дружиной отправился в Великий Новгород. Он хотел лично убедиться в том, что новгородцы, чей изменчивый нрав был князю очень хорошо известен, в этот раз его не подведут. Доверяя Ростиславу как самому себе, он не мог сказать то же самое о беспокойных жителях Великого

Новгорода. У Ярослава Изяславича ещё не было того авторитета, какой был у его отца, а за своевольными вечевиками был нужен присмотр. С другой стороны, Изяславу не мешало самому проконтролировать снаряжение войска в поход. Хотя, вполне возможно, была и ещё одна причина, о которой будет сказано ниже. Что же касается киевских и смоленских полков, то они под командованием Ростислава должны были выступить на Волгу и встретиться с новгородцами в устье реки Медведицы.

Честно говоря, расстояние от Смоленска до места впадения Медведицы в Волгу довольно приличное, около 600 км. От Новгорода будет поменьше, километров 500. Координировать движения новгородцев и воинства Ростислава будет очень проблематично, и в этом случае возможны самые разные затруднения. Чтобы подобного не случилось, нужен был человек с большим военным опытом, а киевский князь им в полной мере обладал. Вполне возможно, что именно этот факт и послужил одной из причин поездки Изяслава в Новгород, поэтому и решил Изяслав лично вести новгородские полки в устье Медведицы.

Приезд сына Мстислава в Великий Новгород обернулся его триумфом. Многие новгородцы встречали его в трёх днях пути от города, кто-то за два дня, а кто и за день. Но основная масса народа собралась перед городом. Гремели колокола, у ворот князя встречали сын Ярослав и лучшие мужи Новгорода, а у Софийского собора — епископ Нифонт с клиросом. Изяслав устроил для горожан народные гулянья, а на следующий день уже выступал перед новгородцами на вече. Хитрый князь умел говорить и обставил дело так, будто войну с Юрием он затеял исключительно за обиды новгородские. Конечно, многие горожане понимали, что это не так, но тем не менее это очень льстило их самолюбию. Толпа взорвалась восторженными криками: *«Ты наш князь ты наш Володимиръ, ты наш Мьстиславъ, ради съ тобою идемъ своихъ деля обидъ»* (Ипатьевская летопись). В итоге Новгород поднялся на войну с Юрием, в поход отправились даже лица духовного звания, включая игуменов, чернецов и Причетников. Своей цели Изяслав достиг, причем он получил даже больше того, чем хотел, поскольку вместе с новгородцами изъявили желание идти на войну псковичи, карелы и чудь. Вскоре новгородское воинство выступило из города и пошло к Волге.

* * *

У впадения Медведицы в Волгу Изяслав прождал Ростислава четыре дня. В принципе, это не много, учитывая то расстояние, которое прошли киевские, смоленские и новгородские полки. Когда же братья встретились, то сразу собрали военный совет, где обсудили положение дел. От посла, которого Мстиславичи из Смоленска отправили к Юрию, не было вестей, поскольку суздальский князь его задержал, а посылать своего не посчитал нужным. Поняв, что теперь всё решает меч, Изяслав велел продолжить движение. В принципе, подобный расклад сына Мстислава

устраивал, поскольку ему нужен был разгром Юрия, а не пустые препирательства с дядей. Все внешние приличия были соблюдены, и теперь у киевского князя были развязаны руки.

Огромная объединенная рать подошла к городку Кснятину, а от Долгорукого по-прежнему не было вестей. Ни послов не прислал, ни сам с полками навстречу не вышел. От Давыдовичей тоже не было вестей, но Изяслав надеялся, что союзники вот-вот прибудут. И потому объявил наступление. Князь распорядился повоевать всю область Верхней Волги, а затем, двигаясь вниз по течению реки, продолжить жечь, грабить и разорять земли Юрия. Вторжение началось.

Рать Изяслава двигалась по скованной льдом Волге. Отряды всадников расходились в разные стороны, налетали на беззащитные селения, где жителей забирали в полон, а строения сжигали. Многие пешие ратники ехали в санях и не отставали от своих конных товарищей. Черные пепелища отмечали путь воинства Изяслава Мстиславича. Вся территория до Углича — поля и устья Мологи подверглась жесточайшему разорению, огнем и мечом прошли по ней полки киевского князя. Одно лишь тревожило Изяслава — ни про Юрия, ни про черниговских и северских союзников ничего не было слышно, и князь буквально терялся в догадках, что же происходит на просторах суздальского ополья. Между тем там ничего не происходило.

Давидовичи и два Святослава действительно вступили в землю вятичей, но так и остались там. В Ростово-Суздальскую землю они вторгаться не стали, ожидая исхода противостояния между Юрием и Изяславом. Киевский князь узнал об этом, когда его рать стояла у места впадения Мологи в Волгу. Изяслав Мстиславич сразу понял, что его план по разгрому Юрия рухнул, поскольку существовала большая вероятность того, что Долгорукий знал о том, что никто на него с тыла нападать не будет. Вполне вероятно, что, исходя из этого, Юрий Владимирович и переместил свою рать ближе к Ростову, перекрывая врагу путь в центральные области княжества. Изяслав мог сколько угодно свирепствовать на окраинах Суздальской земли, но для того, чтобы сокрушить мощь Юрия, ему надо было прорываться в район суздальского ополья. А этого в сложившейся ситуации он себе позволить уже не мог. Поэтому киевский князь и не рискнул идти на Ростов, где мог столкнуться с полками Долгорукого, а остался на месте с главными силами, отправив новгородцев на Ярославль. Он прекрасно понимал, что в данном случае не рискует ничем, поскольку его дядя вряд ли пойдёт спасать этот город, оставив без прикрытия путь на Ростов и Суздаль.

Так и произошло. Ярославль и все окрестные волости подверглись беспощадному разгрому и разорению, но это был последний успех Мстиславичей. Наступила весна, снег стал таять, и кони уже шли по брюхо в воде, когда войска передвигались по льду Волги и Мологи. Была реальная опасность, что рать Изяслава в буквальном смысле погибнет во время возвращения домой. Все боевые операции были свернуты, и князья повели своё воинство назад. Причем полки опять разделили, и Ростислав повел своих людей и киевлян к Смоленску, а его брат опять отправился в

Новгород. Там Изяслав мог строить из себя победителя, хотя и должен был понимать, что результаты войны однозначно были не те, на которые он рассчитывал.

Да и летописи по-разному оценивали итоги этого похода. К примеру, Ипатьевская отмечает, что войска киевского князя *«и полонъ многъ принесоша, и много зла земли той створиша»*. Новгородская I летопись старшего извода более конкретна: *«И мъного воеваша людье Гюргево, и по Волзе възяша 6 городъкъ, оли до Ярославля попустиша, а головъ възяшя 7000»*. Оно и понятно, ведь именно новгородцы обогатились больше всех, совершив рейд к Ярославлю! Уж что-что, а считать они умели…

Лаврентьевская же летопись заостряет внимание на совершенно другом моменте: *«Дошедъ Волгы и повоевавъ* **ю и не успе ничтоже Гюргеви**».

Летописец прямо заявляет: дошли Мстиславичи до Волги, всё там разорили, но на большее не сподобились и ничего существенного Юрию сделать не смогли. О том свидетельствует и Воскресенская летопись: «**Изяславъ же съ братом не успевши Юрью ничтоже**, *и возвратишася оттуду»*. Поэтому можно смело говорить о том, что, невзирая на внешний успех, поход киевского князя завершился большой стратегической неудачей.

Изяслав свой ход сделал, теперь очередь была за Юрием.

* * *

Из Новгорода Изяслав Мстиславич отправился в Смоленск, а оттуда уже в Киев. И здесь произошло то, что спровоцировало его новое противостояние с Долгоруким. Понятно, что Юрий никогда бы не оставил без последствий разорение своей земли и пошел бы к Изяславу с ответным визитом, но случившееся значительно ускорило этот процесс.

Дело в том, что по возвращении из похода доброхоты донесли киевскому князю о том, что его двоюродный брат Ростислав Юрьевич злоумышлял на него и вообще вынашивал планы по захвату Киева. Трудно сказать, что в этом было правда, а что нет, вполне вероятно, что Ростислав действительно мог зондировать почву относительно своих перспектив в Южной Руси и обзаводился полезными знакомствами. При желании и соответствующей интерпретации такие действия можно было трактовать как деятельность заговорщика. Что же касается Изяслава, то он был раздражен итогами своего похода в Ростово-Суздальскую землю, и вполне вероятно, что Ростислав просто попал под горячую руку. В.Н. Татищев пишет, что киевский князь хотел было произвести по данному поводу тщательное расследование, но под нажимом своего окружения принял другое решение. Решение, ставшее роковым.

Вызвав к себе Ростислава, он долго перечислял свои благодеяния по отношению к нему, а затем обвинил в измене и черной неблагодарности. Оправданий двоюродного брата Изяслав даже слушать не стал, а просто заявил: *«Пойди къ своему*

отцю» (Ипатьевская летопись). При этом все дружинники Ростислава были схвачены и посажены под замок, имущество конфисковано, а самого князя с четырьмя охранниками посадили в насад и отправили в Суздальскую землю. Трудно сказать, на что рассчитывал Изяслав, когда затевал это дело, но, как оказалось, он совершил большую глупость. Потому что Юрий Долгорукий, несмотря на разногласия с сыном, воспринял всё это как личное оскорбление, на которое надо было ответить. В итоге, сам того не желая, Изяслав ускорил войну.

*** * ***

Возвращение блудного сына князя Юрия оказалось тем детонатором, который взорвал Русь. Мы не знаем, что сказал отец лично Ростиславу, когда тот предстал перед ним. Зато мы знаем, что сказал Долгорукий официально, можно сказать, на всю Русь: «**Тако ли мне нету причастья в земли Русстеи, и моим детемъ**» (Лаврентьевская летопись). Как видим, властелин Ростово-Суздальской земли во всеуслышание заявил о том, что его права и права его детей ущемляются в Южной Руси и что он, как сын Мономаха, имеет там свою законную долю. А это подразумевало лишь одно: попранную справедливость придется восстанавливать силой. И получалось, что в данной ситуации прав Долгорукий, а Изяслав не прав и именно киевский князь является виновником грядущего кровопролития.

Юрий действовал быстро, стремясь застать своего противника врасплох. Князь сразу же объявил о сборе полков и, пока ратники стягивались со всего его обширного княжества, послал доверенных людей к Святославу Ольговичу и в половецкие степи. Первые должны были склонить новгород-северского князя к совместному выступлению против Изяслава, а вторые должны были нанять половецкую орду. Долгорукий всегда охотно использовал наемную степную конницу, и связи с половецкими ханами у него были достаточно крепкие. Когда всё было готово, 20 июля 1149 года Юрий Суздальский выступил в поход и повел полки на Киев через землю вятичей.

В. Верещагин. Князь Юрий Долгорукий

Что же касается Святослава Ольговича, то он вначале усомнился в серьезности намерений своего союзника и поэтому опасался сложить крестное целование Изяславу. Да и киевский князь, словно почувствовав колебания Святослава, направил к нему посла, который должен был напомнить князю о его обязательствах. Однако сын Олега Гориславича поступил мудро — он просто изолировал посольство, никого к ним не допуская и никуда киевлян не выпуская из отведенного им помещения. А сам тем временем ждал ответа от Юрия. И суздальскому князю удалось убедить союзника в серьезности своих намерений. Вот тогда Святослав и призвал к себе киевских послов, официально заявив им следующее: *«Пойдите и скажите Изяславу Мстиславичу: возврати мне все пожитки Игоря, брата моего, и я с тобою буду; ежели же того не возвратишь, то я принужден свое искать, как мне Бог поможет»* (В.Н. Татищев). Требование изначально нереальное, потому что от *«пожитков»* уже давно ничего не осталось, и в какую сумму их оценить, никто и ведать не ведал. Но Святослава это и не интересовало, ему был нужен лишь повод, а остальное было уже частности.

Изяслав Мстиславич всё так и понял, а потому отправил в Новгород-Северский новое посольство, снова напоминая Святославу о том, что он целовал ему крест на верность. Но для последнего это уже не имело никакого значения, поскольку именно Изяслава он считал главным виновником гибели брата и не собирался его прощать. Что же касается Давыдовичей, то они, как всегда, заняли промежуточную позицию. Уверяли в своей верности киевские власти, уговаривали Святослава Ольговича не складывать крестное целование Изяславу, причем делали это с большим шумом и помпой. А сами исподтишка внимательно следили за развитием ситуации и просчитывали возможные варианты дальнейшего развития событий.

Между тем полки Юрия подошли к селу Ярышеву в Северской земле. Там к Долгорукому приехали держать совет два Святослава — Ольгович и Всеволодович. Отношение союзников к Изяславу Мстиславичу очень четко сформулировал князь Новгорода-Северского: *«Изяслав нам главный неприятель, потому что брата моего убил, имение ограбил и области наши попленил и разорил; того ради мы положили идти на него вместе с тобою и отмстить за обиду нашу и твою»* (В.Н. Татищев). После этого Святослав Всеволодович покинул родственников и отправился собирать ратников.

5 августа Юрий возобновил наступление, а на следующий день повел свои полки и князя Новгорода-Северского. Союзники отправили послов к Давыдовичам, предлагая им также выступить против Изяслава, но те, верные своей тактике выжидания, ответили вежливым отказом. А заодно отправили гонцов в Киев, предупреждая Изяслава о движении войск противника: *«Ныне уже, брате Гюрги проминулъ Черниговъ»* (Ипатьевская летопись).

Тем временем Юрий с союзниками подошел к Старой Беловеже. Этот городок не следует путать с Белой Вежей на Дону, бывшей хазарской крепостью Саркел. Судя по всему, Беловежа стояла на реке Суле, на границе со степью, поскольку в «Поучении» Владимира Мономаха на это есть конкретное указание: *«И половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже».* Здесь Юрий с союзниками простоял целый месяц, ожидая прихода половецкой орды, а заодно и посланцев от Изяслава Мстиславича. Долгорукий допускал, что, узнав о том, какие силы идут против него, киевский князь проявит сговорчивость и добровольно уступит власть своему дяде. Однако Изяслав никого не прислал, зато стало известно, что на помощь брату ведет рать смоленский князь Ростислав Мстиславич. Понимая, что пришла пора действовать, Юрий двинулся к реке Супой, где и соединился с долгожданными половцами. Туда же прибыл со своей дружиной и Святослав Всеволодович, причем автор Ипатьевской летописи сделал довольно интересную пометку: *«Святославъ же не хотяше отступити отъ уя своего Изяслава, но неволею еха строя у своего деля Святослава Олговича».* Автор вполне конкретно указывает, что Святослав Всеволодович не испытывал большого желания воевать против Изяслава и ввязался в это дело только из страха перед своим дядей Святославом Ольговичем.

Получив столь мощное подкрепление, Юрий перешел в решительное наступление и повёл рать на Переяславль. Однако и Изяслав времени даром не терял, ему на помощь шли не только смоленские полки, но и ратники из Владимира-Волынского под командованием двоюродного брата Владимира Андреевича. Обстановка накалялась, потому что к этому времени Долгорукий перевел свои войска через речку Стряков и подошел к селу Кудинову в окрестностях Переяславля. Сведав об этом, Изяслав велел войскам выступать. Однако вот тут и возникла у киевского князя совершенно неожиданная проблема, разрешить которую он оказался не в состоянии.

Дело в том, что киевляне очень неохотно шли воевать против Юрия, сына Мономаха, поскольку по старшинству он имел больше прав на Киев, чем Изяслав. Князю настоятельно советовали помириться с дядей, но Изяслав и слышать об этом не желал, поскольку знал, что брат Ростислав уже подходит со своими полками. Мало того, на помощь киевскому князю выступил Изяслав Давидович и вполне естественно, что все мысли о мире покинули сына Мстислава. Судя по всему, в Чернигове решили, что Изяслав Киевский представляет для них меньшую опасность, чем суздальский князь, и поэтому решили оказать ему помощь против Юрия. Местом сбора войск был назначен город Витичев, расположенный на правом берегу Днепра. Ростислав, Владимир и Ярополк Мстиславичи, Изяслав Давидович, Владимир Андреевич — все они встали под стяг киевского князя, чтобы положить конец амбициям Долгорукого. Объединенное войско князей переправилось через Днепр и остановилось на реке Альте, недалеко от Переяславля. Здесь Изяславу Мстиславичу от пленных и стало известно о том, что половецкая конница Юрия перешла Стряков и идёт на Переяславль. Однако киевскому князю даже в голову не пришло, что его дядя вступил с переяславцами в тайные переговоры и уже склоняет их на свою сторону.

Исходя из сложившейся ситуации, Изяслав Киевский отправил к городу конницу берендеев и младшую дружину, а сам с главными силами выступил следом. Лёгкая конница Изяслава опрокинула половцев Долгорукого и гнала их до расположения главных сил. После этого к Переяславлю подошли киевские, смоленские и черниговские полки и встали вдоль берега речки Трубеж. Через четыре дня на противоположном берегу появилось войско Юрия и расположилось между древними валами *«объ ону сторону Трубежа, за Зверинцемъ у рощения»* (Ипатьевская летопись). Теперь противников разделяла только река, и половецкие лучники Юрия вступили в перестрелку с конными стрелками Изяслава.

Однако ночью Юрий послал к племяннику доверенного человека, который предложил ему мир на следующих условиях: Изяслав остается править в Киеве, а Юрий в качестве отступного получает Переяславское княжество, где оставляет князем своего сына. В противном случае их рассудит меч. Однако Изяслав эту мирную инициативу Юрия воспринял как проявление слабости и на следующее утро развернул войска в боевые порядки, дополнительно укрепив строй телегами из обоза. Ни увещевания епископа Евфимия, ни просьбы киевских бояр замириться с Юрием, поскольку право на стороне сына Мономаха, а не его внука, не убедили Изяслава. Как

никогда уверенный в своих силах, он гордо заявил: *«Я Киев и Переяславль достал головою моею, ныне же незачем давать сыну Юриеву Переяславль и посаживать врага возле боку моего»* (В.Н. Татищев). Битва стала неизбежной.

* * *

Князь Юрий был полководцем довольно посредственным. Особых лавров на воинском поприще он не стяжал, а битва при Ждан-горе была счастливым исключением из общего правила. Суздальский князь был больше политиком, нежели военачальником. В основном он придерживался выжидательной тактики. Юрий действовал достаточно неторопливо, протоптавшись у Беловежи целый месяц в ожидании половцев. А затем так же не спеша вёл рать к Переяславлю, хотя и мог прийти туда значительно раньше Изяслава. В последующей битве Юрий тоже не проявит должного энтузиазма и отдаст инициативу в руки врага. Но обо всем по порядку.

Согласно Ипатьевской летописи, 23 августа войска Юрия Долгорукого стояли за Янчим селом, причем стояли до вечера. До определенного момента и Изяслав никакой активности не проявлял, а затем решил собрать совет, чтобы обсудить план дальнейших действий. Киевский князь предлагал перейти Трубеж и атаковать врага. Однако это предложение раскололо ряды собравшихся в шатре князей, бояр и воевод. Одни резонно говорили о том, что не надо рисковать и ввязываться в сражение на ночь глядя. Лучше отойти от берега, спокойно переночевать, а наутро дать бой врагу. Другие им возражали и требовали, чтобы князь вёл рать немедленно в бой. Смысл их речей сводился к тому, что раз уж Юрий сюда пришел, то и выпускать его нельзя. А то уйдёт, и ищи-свищи его потом. Нельзя упускать такой шанс! Раз враг сам залез в ловушку, то её надо захлопнуть.

Такие речи были любы Изяславу, и он дал добро на атаку. Его полки перешли реку и построились в боевые порядки, однако вражеской армии не было видно, поскольку противников разделял большой земляной вал, насыпанный для обороны от степняков. Тогда киевский князь послал вперед конных дозорных, чтобы поднялись на насыпь и на месте разобрались что и как. Разведчики умчались, а бойцы Изяслава продолжали без дела простаивать на лугу.

И надо же было такому случиться, что именно в это время из рядов войска Юрия выскочил перебежчик и погнал коня в сторону Трубежа, туда, где стояли полки южнорусских князей. За ним ринулись половцы, и когда дозорные Изяслава увидели эту несущуюся на них толпу, они с перепугу приняли её за наступающее войско Долгорукого. Хотя могли и просто ошибиться в сгущающихся сумерках. С криками «Рать!» они помчались в расположение своих войск и произвели там страшный переполох. Изяслав велел ратникам выровнять ряды и двинул войско вперед.

Узнав о том, что враг перешел в наступление, Юрий и оба Святослава пошли ему навстречу. Суздальские и новгород-северские полки, конные дружины и печенеги

перевалили через рукотворную гору и изготовились к бою. Конные лучники с обеих сторон вступили в перестрелку, однако Изяслав почему-то не стал развивать наступление, а, наоборот, остановил продвижение вперед. Две рати какое-то время продолжали топтаться друг напротив друга, а затем Юрию это надоело, и он, посовещавшись со Святославом Ольговичем, решил отвести полки к обозам и там встать на ночлег. Войска союзников развернулись и снова потянулись на гребень вала.

И вот тут Изяславу показалось, что враг бежит. Киевский князь снова спешно собрал военный совет и обратился к присутствующим с вопросом: «Что делать в данной ситуации?» Самые здравомыслящие предложили вернуться за Трубеж и дождаться утра, но большинство настаивало на том, что раз враг бежит, то его надо добить. Изяславу были по нраву речи тех, кто рвался в битву, и он распорядился начинать атаку. Юрий, видя, что противник снова наступает, остановил движение своих войск и велел возвращаться назад. На правом крыле он поставил дружины своих сыновей, на левом встали Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, а сам суздальский князь с большим полком расположился в центре. Изяслав понял, что жестоко обманулся, приняв отступление Юрия за паническое бегство, но сделать ничего не мог, поскольку войска уже начали сближение. Пропели боевые трубы, знаменосцы развернули стяги, и две рати сошлись в рукопашной схватке.

Киевский князь со своей дружиной так крепко ударил по левому флангу войск Юрия, что смял гридней Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича. Одновременно под удар попало и левое крыло большого полка Долгорукого, что усилило смятение среди суздальских ратников. Изяслав почуял вкус победы и начал умело наращивать натиск, его бойцы рубились отчаянно и начали оттеснять противника к валу.

Совсем по-другому развивались события на противоположном фланге. Дружины сыновей Юрия вместе с половцами разбили и обратили в бегство черных клобуков, а затем атаковали войска Изяслава Давыдовича. Черниговский князь сражался отчаянно, но не смог устоять против такого мощного напора и в итоге обратился в бегство. Тогда Юрьевичи развернули своих ратников и ударили по киевлянам и полкам Ростислава. Именно здесь и произошёл самый жестокий бой, но в решающий момент сражения переяславцы, у которых уже была договоренность с Юрием, с криками *«Гюрги намъ князь свой»* стали выходить из сражения. Смятение охватило киевские и смоленские полки, среди воинов началась паника. Первыми побежали киевляне, а за ними все остальные. Половцы и конные гридни ринулись в погоню, беглецов секли мечами и саблями, вылавливали арканами, топтали конями. Разгром был полный.

Тем временем Изяслав Мстиславич прорвал фронт войск Святослава Ольговича и в буквальном смысле слова проехал сквозь новгород-северские полки. Однако, оказавшись во вражеском тылу, от прискакавших гонцов он с удивлением узнал, что его главные силы разбиты и разбегаются в разные стороны. Киевский князь был глубоко потрясен тем, что услышал. Мысленно он уже праздновал победу, а теперь

приходилось думать о собственном спасении. Правда, Изяслав долго не раздумывал и побежал. До Днепра он добрался всего с двумя телохранителями.

* * *

Как видим, битва при Переяславле была довольно сумбурной и никакими тактическими изысками не отличалась. Начавшись с бестолковых топтаний на месте и блужданий туда-сюда, она в итоге вылилась в банальное лобовое столкновение. Да и началась она, по сообщению Лаврентьевской летописи, уже поздно вечером: *«Яко солнцю заходящю сступшиася обои, и бысть сеча зла»,* что, в свою очередь, не способствовало грамотному руководству войсками. В темноте много не накомандуешь. И хоть Юрий не проявил себя в этой битве как полководец, зато как дипломат он оказался на высоте. Потому что именно переход на его сторону переяславцев стал той каплей, которая склонила чашу весов в его пользу.

Что же касается Изяслава Мстиславича, человека в ратном деле очень опытного и действительно талантливого военачальника, то его действия в данном сражении не выдерживают никакой критики. Его неуверенное командование и постоянные совещания с приближенными привели к бесконечным метаниям, и, судя по всему, чёткого плана битвы у киевского князя не было. Атаковал врага, положившись на волю Божью, и Бог свою волю явил. Пословица «На Бога надейся, да сам не плошай» была в этот день явно не про Изяслава. В итоге всё закончилось разгромом, а киевский князь *«перебреде на Каневъ толко самъ третий»* (Ипатьевская летопись).

Наутро после победы Юрий въехал в Переяславль и, пробыв в городе три дня, выступил на Киев. А там уже рвал и метал Изяслав. С братом Ростиславом они созвали на совещание лучших киевских мужей и стали склонять их к тому, чтобы снова выступить против Юрия. Но жители Киева в этот раз уперлись и, невзирая на всё красноречие Мстиславичей, наотрез отказались снова браться за оружие. Множество киевлян пало на поле боя, немало их попало в плен, а боевой дух остальных оставлял желать лучшего. Всё это было высказано князьям, и, по большому счёту, возразить им было нечего. Правда, лучшие мужи напоследок подсластили братьям пилюлю: «*А вы ведаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити; аже по сихъ днехъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готовы, ваю есмы»* (Ипатьевская летопись). Заявили открытым текстом: с Юрием мы не уживемся, а как только вы вернетесь, то мы сразу к вам пристанем. С тем Мстиславичи и отбыли: Изяслав с семьей во Владимир-Волынский, а Ростислав в Смоленск.

В конце августа 1149 года Юрий Долгорукий въехал в Киев.

4. Непризнанный победитель (1150 год)

Приде Изяслав из Владимеря и выгна Юрья ис Киева, а сам седе в нем. Юрьи же иде в Городок. Того же лета иде Юрьи с Володимерком и со Ольговичи, изгна Изяслава, а сам седе в Киеве. И паки Изяслав со угры и с ляхи, пришед, согна Юрья, а сам седе в Киеве.

Пискаревский летописец

Усевшись на златом киевском столе, Юрий быстро произвел перераспределение уделов среди своих сыновей. Ростислав стал княжить в Переяславле, Андрей — в Вышгороде, Борис — в Белгороде, Глеб — в Каневе, а Василько остался в Ростово-Суздальской земле. К черниговским князьям Юрий тоже никаких претензий не предъявил, заявив Владимиру Давидовичу при встрече, *«что ты с Изяславом против меня воевал, в том твоей вины нет, поскольку то учинил по обязанности»* (В.Н. Татищев).

Казалось, всё успокоилось, но Долгорукий прекрасно понимал, что, пока будет жив Изяслав Мстиславич, покоя ему не будет. И дядя стал готовиться к новой войне с племянником.

Однако и Изяслав не сидел сложа руки. Понимая, что, кроме как у брата Ростислава на Руси поддержки ему не найти, он обратился за помощью к венгерскому королю Гезе II и польскому князю Болеславу Кудрявому. Оба вышеназванных деятеля приходились Изяславу родственниками, поскольку первый был женат на его сестре Евфросинии, а второй на племяннице Верхуславе. Венгерский король пообещал прислать на помощь войско, а Болеслав обещал прибыть лично. И это при том, что в Новгороде в это время княжил сын Изяслава Ярослав, который мог привести новгородские полки. Трудно было сказать, что им взбредет на следующий день в голову. Но крайне ненадежным союзником был Господин Великий Новгород.

Что же касается Юрия, то в пику Изяславу он заключил союз с галицким князем Владимиром Володарьевичем, или Владимирко, как называет его летописец. Владимирко был лютым врагом поляков, да и отношения с Венгрией у него были натянутые. Союз между Суздалем и Галичем был выгоден как Юрию, так и Владимирко, и они его скрепили династическим браком. Галицкий княжич Ярослав женился на дочери Долгорукого Ольге. Другую дочь Юрий выдал замуж за Олега, сына Святослава Ольговича.

Таким образом, мы видим, что образовалось две мощнейшие враждующие коалиции. С одной стороны, Владимир-Волынский, Смоленск, Новгород, венгры и ляхи. С другой — Ростово-Суздальская земля, Киев, Галич, Чернигов, Новгород-Северский и Туров, поскольку старший брат Юрия Вячеслав решил поддержать его, а не племянника. И как обычно, Долгорукий нанял половцев. От исхода грандиозного

противостояния зависело не только то, кто будет княжить в Киеве, но каким путем пойдёт дальнейшее развитие Руси. Момент был действительно судьбоносный.

В декабре 1149 года на помощь Изяславу прибыли венгерские и польские войска, а в январе перешел в наступление Юрий Долгорукий. Изготовил свою рать к походу Владимирко Галицкий. Изяслав Мстиславич подошел было к Луцку, но затем вынужден был отступить, поскольку начались нестроения среди его западных союзников. И связано это было прежде всего с тем, что на земли Болеслава напали пруссы. Польский князь стал намекать своему русскому родственнику, что его присутствие требуется в другом месте. Да и венгры пришли в большое смущение, увидев, какое большое войско привел Юрий. Нежелание воевать было налицо. В итоге именно западные партнеры и настояли на том, чтобы Изяслав вступил с дядей в переговоры. Как свидетельствует Ипатьевская летопись, всё происходящее *«Изяславу же бысть велми нелюбо»*. Но у князя выбора уже не было.

Порешили на том, что каждый остается при своем. Юрию и Вячеславу остается Киев, и они между собой решают, кто там будет править. За Изяславом сохранялось Волынское княжество. Но тут всплыл один момент, который имел принципиальное значение как для Юрия, так и для Изяслава, — вопрос о новгородской дани. Суть вопроса заключалась в том, что в свое время новгородцы обещали князю Мстиславу и его детям платить дань, на чем целовали крест и дали соответствующие грамоты. Юрий же считал, что дань эта положена великому князю, в Киеве правившему. И пока стороны препирались, западные союзники Изяслава разошлись. Видя, что у него появился отличный момент расправиться со своим врагом, Юрий прервал переговоры и снова открыл военные действия.

В феврале 1150 года армия Долгорукого подошла к Луцку. В городе засел брат Изяслава, Владимир Мстиславич. Упорные бои, в которых особенно отличился сын Юрия Андрей, в дальнейшем прозванный Боголюбским, продолжались три недели. Жители изнемогали в осаде, и тогда Изяслав Мстиславич пошел на выручку городу. Однако, сведав об этом, против него выступил Владимирко Галицкий и перекрыл путь к Луцку. Но до битвы опять не дошло. Галицкий князь выступил посредником между Юрием и Изяславом, и в этот раз дядя с племянником сумели замириться. Изяслав снова отказался от Киевского княжества, а Юрий в очередной раз признал его права на Волынскую землю. Уступил он племяннику и в вопросе новгородской дани. Правда, был один пункт, который сыграл в дальнейших событиях роковую роль. Дело в том, что Долгорукий обязался вернуть Изяславу всё имущество, которое захватил у него после битвы у Переяславля, в том числе коней и скот. Волынский князь отправил своих людей, которые должны были опознать его добро. Однако Юрий стал чинить им всяческие препятствия и в итоге выслал из своих владений. Вполне возможно, что он изначально считал условия мирного договора для себя невыгодными и согласился на них только под давлением со стороны Владимирко.

Между тем боевые действия развернулись не только в Южной и Юго-Западной Руси, но и в Залесских землях. Согласно сообщению В.Н. Татищева, новгородцы по Волге ходили в поход на Ростово-Суздальское княжество. Воеводы Юрия вышли

навстречу и дали бой врагу. Сражение было долгим и упорным, привело к большим потерям с обеих сторон, и лишь ночь развела противников. Как отметил Василий Никитич, *«каждый из них себе победу причислял»*.

Между тем Юрий прекрасно понимал, что в данный момент не он, а брат Вячеслав является старшим в роду Мономаха. Поэтому он задумал посадить его на златой киевский стол, чтобы хотя бы внешне соблюсти приличия. Но тут уже вмешались советники: *«Брату твоему не удержати Киева; да не будеть его ни тобе, ни оному»* (Ипатьевская летопись). По большому счету, в словах бояр был резон, но и Юрий мог бы решить возникшую проблему как-то иначе и проявить больше такта и ловкости. Так, как впоследствии это сделал Изяслав Мстиславич. Долгорукий перевел Вячеслава из Пересопницы, где тот княжил, в Вышгород, поближе к Киеву. Но ведь старший брат рассчитывал на большее! Вячеслав жутко обиделся на Юрия и до поры до времени затаился в своем новом уделе. А новый киевский князь послал в Пересопницу своего сына Глеба и велел ему следить за всеми передвижениями Изяслава.

Беда была в том, что Глеб слыл человеком храбрым и отчаянным, но совершенно непредусмотрительным и неосторожным. Что и привело к катастрофе.

Изяслав Мстиславич был взбешен, когда посланные разыскивать его имущество люди вернулись от Юрия ни с чем. Посчитав это прямым нарушением заключенного с дядей договора, Волынский князь решил, что имеет полное право начать войну против обманщика. К тому же к нему постоянно приезжали послы от киевлян и звали назад, обещая всяческую поддержку. Юрия в Киеве не любили, для горожан он всегда был чужаком. Изяслав собрал полки и выступил в поход.

Глеб Юрьевич, который, сидя в Пересопнице, должен был следить за Изяславом Мстиславичем, проявил поразительную беспечность и был застигнут врасплох. Сын Долгорукого расположился с обозом перед городом и, когда волынские гридни внезапно атаковали его дружину, чудом сумел добежать до ворот и укрыться в Пересопнице. Но сил оказывать сопротивление у него уже не было, поскольку бойцы Изяслава схватили всех его дружинников. В итоге Глеб был вынужден сдаться. Изяслав Мстиславич принял двоюродного брата весьма доброжелательно, напоил-накормил, а затем под охраной отправил к Юрию, сказав при этом примечательные слова: *«Вы мне братия, и я с вами никакой злобы и вражды не имею. Но что отец ваш меня обидит, то я хочу только с ним в том разбираться и для того на него иду»* (В.Н. Татищев).

Затем Изяслав повел войска в район реки Рось, где проходила Поросская линия обороны от степняков. Со всех сторон прибывали к нему отряды черных клобуков и приветствовали как своего князя. Что же касается Юрия, то он пребывал в счастливом неведении относительно происходящих событий до тех пор, пока к нему не прибыл Глеб. Великий князь запаниковал и, не имея надежды удержаться в Киеве, ушёл за Днепр, в Городец Остерский. Правда, успел перед этим сообщить Вячеславу, чтобы тот шел в столицу и занимал освободившийся златой стол. От Вышгорода до Киева рукой подать, и Вячеслав оказался в Киеве прежде, чем туда вступил Изяслав.

Когда же волынский князь появился в городе и вежливо попросил дядю покинуть Киев, робкий Вячеслав неожиданно заявил: *«Сей град есть престол отца моего и после него мне, как старшему, надлежит. Ты же, если хочешь меня наследия отцова лишить, то, придя, прежде меня убей и потом всем владей»* (В.Н. Татищев). Такой демарш весьма озадачил Изяслава, и он не знал, что делать со строптивцем, но тут в дело вмешался народ. Разозленные упорством Вячеслава, горожане потребовали схватить князя. Находчивый племянник быстро сориентировался в ситуации и, указав на бушующую толпу, напомнил дяде об участи Игоря. Этого оказалось достаточно, и Вячеслав уехал к себе в Вышгород. Великим князем снова стал Изяслав Мстиславич.

Так бесславно закончилось первое княжение Юрия в Киеве.

*** * ***

Но Долгорукий и не думал сдаваться. Он сразу же послал за помощью к Давыдовичам и Святославу Ольговичу, прося как можно скорее прибыть к нему с полками. Доверенные люди поскакали к половцам нанимать степную конницу. В Переяславль, главный опорный пункт Долгорукого на юге, в помощь сыну Ростиславу с дружиной был послан другой сын Юрия, Андрей. Эти меры оказались очень своевременны, поскольку Изяслав отправил сына Мстислава в Канев, приказав идти оттуда на Переяславль и выгнать из него Ростислава. Однако братья Юрьевичи не позволили Мстиславу переправиться через Днепр, и план Изяслава по захвату города потерпел неудачу. Но не это оказалось главной бедой для нового киевского князя.

Как только Владимирко Галицкий узнал о том, что Изяслав Мстиславич пошел на Киев, он сразу же собрал полки и выступил на помощь Юрию. Сведав про это, Изяслав спешно отозвал назад своего сьгаа Мстислава, велел ему стягивать в Киев войска, а сам поспешил в Вышгород к Вячеславу. Там ударил дяде челом и покаялся в винах, а затем позвал в Киев, предложив занять златой стол. Старику такое предложение очень польстило, и он дал добро. Князья пришли к соглашению, что *«Изяславу имети отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имяти сыномъ Изяслава»* (Ипатьевская летопись). Что, учитывая бездетность Вячеслава, приобретало особый смысл.

Князь Изяслав Мстиславич предлагает мир и дружбу дяде своему Вячеславу.

Рисунок К. Лебедева, гравюра Шлитера

Вот и всё. Изяслав Мстиславич начисто переиграл Юрия, поскольку в данной ситуации заявлять о своём старшинстве суздальскому князю было просто глупо — Вячеслав был его гораздо старше. Таким образом, сын Мстислава придал своему правлению в Киеве вид полной легитимности. Понятно, что Вячеслав служил лишь парадной вывеской, а всеми делами заправлял его племянник, но такой расклад устраивал в Киеве абсолютно всех. Ипатьевская летопись приводит очень примечательные слова, с которыми Изяслав обратился к своему престарелому дяде: «**Ты ся, отце, не труди**». И действительно, что-что, а трудить себя Вячеслав не собирался, ему было вполне достаточно соблюдения внешних приличий относительно своей персоны. Бремя власти — это не для него, тут пусть Изяслав разбирается. Получилось, как в сказке А.С. Пушкина: *«Князю прибыль, белке честь».* И все довольны.

Однако в данный момент Изяслава это не спасло, слишком стремительным было наступление галицких войск. Киевский князь поставил под свои стяги всех, кого только было можно, призвал черных клобуков и даже попросил у Вячеслава его дружину. Старик не возражал, и вскоре киевские полки выступили навстречу Владимирко Галицкому. Однако случилось то, чего не ожидал ни сам Изяслав, ни тем более его противник. Едва войска вступили в боевое соприкосновение, как воинство Изяслава стало разбегаться. И как ни взывал к расходившимся в разные стороны ратникам киевский князь, всё было напрасно. Глядя на несокрушимый строй галицких полков, у черных колбуков совершенно пропало желание сражаться. Видя, что всё пропало, Изяслав вернулся в Киев.

Но и здесь его ждали недобрые вести. На противоположном берегу Днепра появились войска Долгорукого, Давыдовичей и Ольговичей и начали переправляться через реку. Причем многие из киевлян, опасаясь мести со стороны Юрия, решили продемонстрировать свою лояльность и стали перевозить в насадах и ладьях его ратников через Днепр. Изяслав понял, что шансов удержаться в Киеве у него нет, и, не желая подвергать жителей тяготам осады, решил покинуть город. Отступить во Владимир-Волынский, накопить сил и продолжить борьбу. При этом он посоветовал Вячеславу уйти в Вышгород и там переждать смутные времена.

Между тем к Киеву с одной стороны подступил Владимирко, с другой стороны Юрий с союзниками. Долгорукий, Давыдовичи и Ольговичи отправились в стан галицкого князя и, не слезая с коней, поздравили друг друга с победой. Обсудив дальнейший план действий, решили отправить за Изяславом Мстиславичем погоню. Конные дружины повели Святослав Всеволодович и Борис Юрьевич. Но Изяслав отступление организовал очень грамотно, его гридни жгли за собой мосты и разрушали гати, а на бродах и переправах вступали в бой с передовыми частями противника. В итоге князь сумел уйти к себе на Волынь.

28 августа Юрий второй раз вступил в Киев. Всё происшедшее казалось ему дурным сном, который больше никогда не повторится. Но, что примечательно, выводов из случившегося князь абсолютно никаких не сделал, и в будущем это обернется для него огромными неприятностями. А пока сын Мономаха чувствовал себя победителем.

После грандиозного пира, который Долгорукий закатил для союзников, все князья разъехались по домам. Юрий же остался наедине с теми самыми проблемами, которые так и не сумел решить во время своего первого пребывания в Киеве.

* * *

Не успел Юрий Владимирович снова усесться на златой киевский стол, как судьба опять сыграла с ним злую шутку. Половцы, которых он нанял для борьбы с Изяславом, явились в земли Переяславского княжества и, не найдя врага, стали жечь и разорять русские земли. Сначала Долгорукий отправил в проблемный регион

Святослава Всеволодовича с дружиной, а когда не помогло, то послал ему на помощь своего сына Андрея с полками. Половцы уважали только одно — силу и, видя, что теперь она не на их стороне, были вынуждены заключить мир и уйти в степь.

А дальше князь предпринял некоторые действия, которые должны были обезопасить его от повторения событий, приведших к потере Киева. Всем было памятно, как Глеб не заметил поход Изяслава на столицу и дал без боя повязать свою дружину! Как отмечает В.Н. Татищев, Юрий, зная храбрость и осторожность своего сына Андрея, *«за которым в Киеве мог без боязни веселия свои исполнять»,* решил именно его отправить на границу с Волынью. Долгорукий отдал сыну Пересопницу, Дорогобуж, Туров и Пинск, поскольку тот уже успел зарекомендовать себя храбрым и умелым военачальником. В сообщении Василия Никитича настораживает другое — упоминание о пресловутых *«веселиях»* князя.

Вот какую характеристику Юрию дает историк: *«Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не весьма великие, нос долгий и искривленный, борода малая, великий любитель женщин, сладкой пищи и пития; более о веселиях, нежели об управлении и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев. И хотя, несмотря на договоры и справедливость, многие войны начинал, однако сам мало что делал, но больше дети и князи союзные, потому весьма худое счастье имел и три раз от оплошности своей из Киева изгнан был».*

Согласно Татищеву, и друзья и враги видели Юрия *«более о веселиях, нежели об управлении и войне прилежащим»,* поносили *«его беспорядочное житие и правление».* На мой взгляд, эти сведения можно отнести лишь к тому периоду, когда князь правил в Киеве. В Ростово-Суздальской земле перед нами предстает совершенно другой человек, талантливый руководитель и блестящий организатор, настоящий созидатель. Если бы было по-другому, то Юрий никогда бы не сумел так обустроить своё княжество, как он это сделал. Не бывает таких чудес, когда правитель заботится лишь о *«веселиях»,* а государство развивается само собой. Просто князь трудится на благо своей земли, и это дает соответствующие результаты.

В Киеве же всё с точностью до наоборот. Невольно создается впечатление, будто Долгорукий просто не знал, чем ему заняться в древней столице Руси. Землю обустраивать? Торговлю развивать да хозяйство налаживать, вникая в каждую мелочь? Единственное, что он мог сделать, так это только поменять местных управленцев на своих, ростовских. Всё то, что суздальский князь умел делать очень хорошо и что было востребовано на северо-востоке Руси, было абсолютно не нужно Руси Южной. Для того чтобы здесь править, были нужны совершенно другие качества. Не по Сеньке оказалась шапка. Отсюда и *«веселия».*

Тем временем Изяслав Мстиславич не сидел сложа руки. Желая выиграть время, он вступил в переговоры с сыном Юрия, Андреем, чтобы тот выступил посредником между волынским князем и отцом. А сам послал своего брата Владимира за помощью к венгерскому королю. Одновременно он поддерживал контакты с киевлянами, которые были недовольны правлением Юрия, и благодаря им знал обо всём, что

происходит в столице. Мало того, племянника звал Вячеслав. Поэтому, получив от короля Гёзы обещание прислать на помощь войска, Изяслав в очередной раз решил начать войну против своего дяди.

Дождавшись похода венгерских войск, волынский князь выступил на Киев. Трудности начались сразу же, поскольку, подойдя к Пересопнице, Изяслав понял, что ошибся. Андрей заранее стянул к городу войска и, как только появилась вражеская рать, приготовился к бою. Не желая терять своих людей в боях за город, Изяслав решил оставить в тылу Пересопницу и продолжить движение к Киеву. Но тут гонцы принесли ещё одну весть, которая резко меняла всю стратегическую ситуацию: Владимирко Галицкий собрал полки и выступил против Изяслава. Положение для Изяслава Мстиславича создалось хуже некуда, поскольку появился реальный шанс, что с одной стороны на него будет наступать Владимирко, а с другой — Юрий. У волынского князя были все шансы попасть в клещи.

Тщательно проанализировав обстановку, Изяслав принял единственное верное решение — идти прямо на Киев и не дать Юрию времени приготовиться к отпору. В этом случае, опираясь на поддержку киевлян, у волынского князя был реальный шанс захватить город. А затем, имея за спиной мать городов русских, можно было сразиться и с галицким князем. Приняв решение, Изяслав действовал быстро и дерзко. Стремительным броском был захвачен Дорогобуж, жители которого встретили Изяслава крестным ходом. Пополнив войска добровольцами, волынский князь перешел реку Горынь и подошел к городу Коречск (в наши дни Корец в Ровненской области). Здесь Изяслава Мстиславича тоже встретили колокольным звоном и торжественным шествием.

Между тем Владимирко соединил свои полки с дружиной Андрея Юрьевича и ринулся по следу Изяслава. Союзники заняли Дорогобуж, а затем подошли к реке Случь, на противоположном берегу которой стояли волынские войска. В течение трёх часов ратники Владимирко и Андрея пытались форсировать реку, вступая в жестокие схватки с бойцами Изяслава, но успеха добиться им так и не удалось. Впрочем, и сам Изяслав Мстиславич пытался организовать контратаку на противоположный берег, однако тоже безрезультатно. Прекратив бесплодные попытки, он отвел войска в лагерь. Между тем из Киева приходили вести о том, что у Юрия никаких войск под рукой нет и он по-прежнему пребывает в беспечности. Судьба давала Изяславу прекрасный шанс, и он им воспользовался.

Понимая, что главное сейчас — это оторваться от преследования, Изяслав велел своим ратникам заготовить как можно больше дров и, когда настала ночь, зажечь по всему лагерю великое множество костров. Сам же велел войску тихо покинуть боевой стан и спешно двигаться к Мыльску. Сопротивления ему по-прежнему никто не оказывал, везде принимали как своего князя. Перейдя реку Тетерев, Изяслав Мстиславич дал своему измученному воинству отдых, поскольку понимал, что Владимирко с Андреем Юрьевичем его уже не догонят. И пока люди и кони отдыхали, князь и воеводы решали, что же делать дальше.

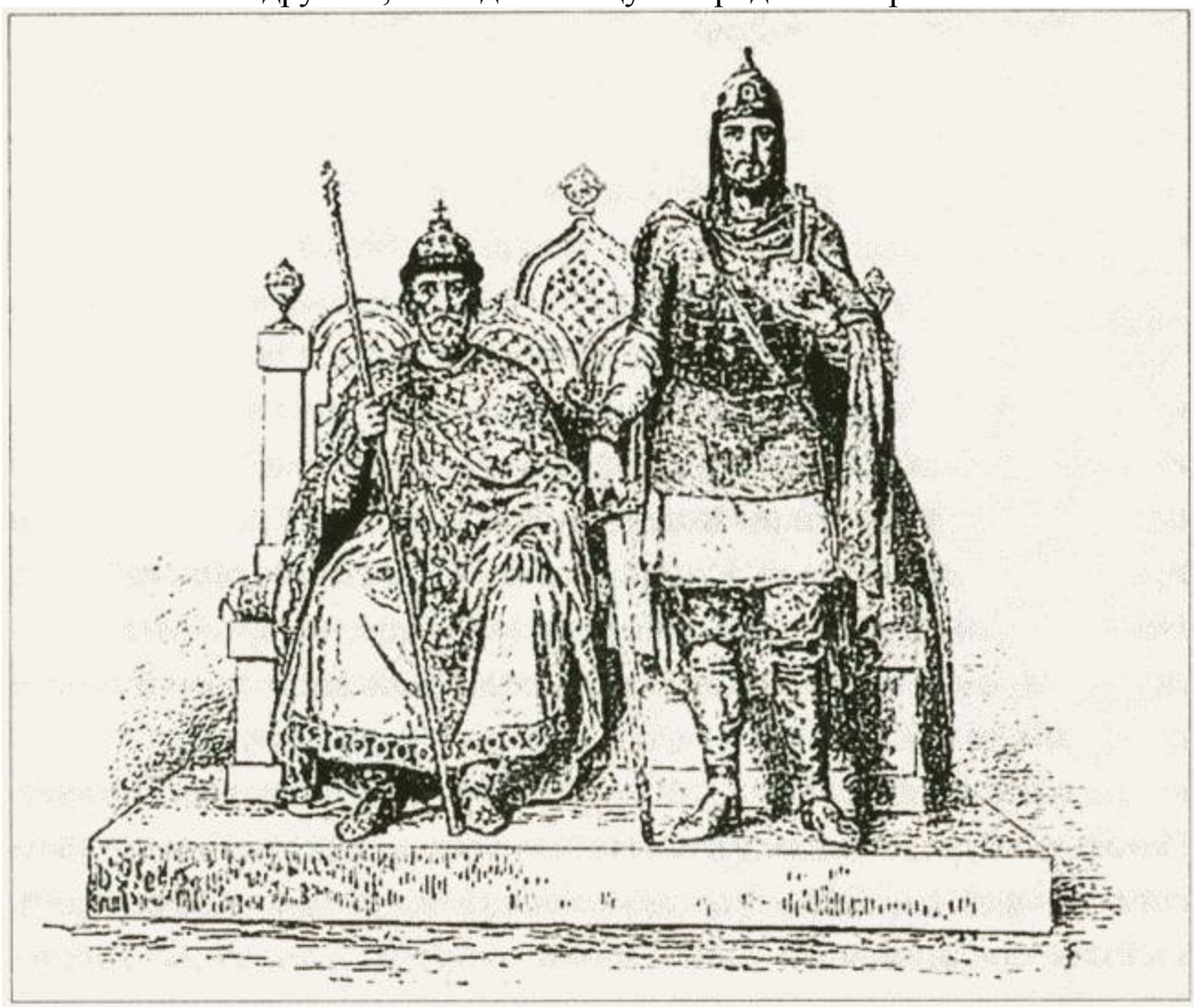
В данной ситуации ключом к успеху всего похода являлся город-крепость Белгород. Но там с дружиной находился сын Юрия Борис, и как всё оно повернется, было неизвестно. Но Изяславу везло. Когда его передовые отряды подошли к Белгороду, в крепости был пир. Князь Борис гулял. Гулял широко, от души, как умеет только русский человек. Ни дальней разведки, ни сторожевых постов на улицах, ни караульных на стенах и башнях — никого и ничего не было. Ворота были распахнуты настежь, а подъёмный мост опущен. Заходи спокойно в крепость и бери князя с дружиной голыми руками.

Положение спас мытник, сугубо гражданский человек, в обязанности которого никоим образом не входило следить за порядком в крепости. Ему бы пошлины торговые собирать, а не военными делами заниматься. Мытник успел поднять мост и тем самым спас князя Бориса от позора плена. Но спасти сам Белгород было выше его сил. Брат Изяслава Мстиславича, Владимир, который командовал подступившими к Белгороду войсками, велел развернуть стяги, бить в бубны и трубить в трубы, имитируя приступ. Этого оказалось достаточно, чтобы полупьяный сын Долгорукого вместе с дружиной вскочил на коней и покинул город через другие ворота. Навстречу Владимиру вышли горожане, били челом и говорили, чтобы он ехал в Белгород: *«Княже! поеде, Борисъ ти побежалъ»* (Ипатьевская летопись). Вскоре в город вступили полки Изяслава.

А Юрий по-прежнему пребывал в счастливом неведении относительно действий своего врага. Причину подобной беспечности объясняет В.Н. Татищев. По мнению историка, это было связано с тем, что черные клобуки, дружески настроенные к Изяславу, перехватывали всех гонцов от Андрея и Владимирко к Юрию. Поэтому появление Бориса и весть о том, что Белгород взят войсками Изяслава, повергли Юрия в шок. Киевский князь пребывал в это время на Красном дворе и, согласно Ипатьевской летописи, *«не може собе ничим же помочи». «Царствуй лёжа на боку»* — это как раз про него в данной ситуации. Как и в прошлый раз, Юрий бросил всё и вся и ударился в бега. Спешно переправившись через Днепр, князь устремился к Городцу Остерскому. Долгорукий настолько был озабочен спасением собственной персоны, что даже не предупредил своих людей, которые находились в Киеве и окрестностях города. Подобная безответственность Юрия обернулась для ростовцев и суздальцев страшной трагедией, поскольку, как только в столицу вступил Изяслав, началось их массовое избиение. Многих дружинников Юрия похватали волынские гридни и побросали в поруб.

Когда вести о том, что произошло в Киеве, дошли до Владимирко Галицкого, то он, мягко говоря, сначала очень удивился. А затем пришел в настоящее бешенство и высказал Андрею Юрьевичу всё, что думает о своем суздальском родственнике. По мнению Владимирко, если бы не трусость и безответственность Долгорукого, то они могли бы запросто зажать Изяслава с двух сторон и уничтожить. А так… *«Как вы княжите с отцом вашим, так и управляйтесь, а я против Изяслава один не могу воевать»* (В.Н. Татищев). После этого галицкий князь увел полки в своё княжество,

поскольку появилась реальная опасность нападения со стороны Венгрии. Андрею же не оставалось ничего другого, как идти к отцу в Городок Остерский.



В. Верещагин. Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович

Что же касается Изяслава, то по прибытии в Киев он спешно послал за Вячеславом в Вышгород, приглашая его занять великокняжеский стол. Старик с радостью откликнулся на предложение племянника и вернулся в столицу, где князья целовали друг другу крест *«и живяху заедин, не бе бо у Вячеслава сына, и назва Изяслав отцем»* (Пискаревский летописец). Изяслава можно понять: он торопился как можно скорее легализовать своё положение и создать затруднения для Юрия, который — сомнений в этом не было — продолжит борьбу. А так хитрый племянник лишал настырного дядю образа правдоискателя, поскольку Вячеслав был в роду Мономаха старший и в Киеве теперь княжил по праву. При таком положении дел заявлять о своем старшинстве Юрию было глупо, а других оснований, чтобы покуситься на Киев у суздальского князя не было. Выступая против старшего брата, Долгорукий крепко себя компрометировал.

Всё это понимал и Юрий, но остановиться уже не мог. Бездарно потеряв во второй раз Киев, он снова собирался его вернуть. Предстоящая схватка должна была стать решающей.

5. Днепровский рубеж (май 1151 года)

И тако начата ся бита по Днепру у насадехъ, оть Кыева оли и до устья Десны.

Ипатьевская летопись

В начале апреля 1151 года на Юрия обрушился очередной удар судьбы — в Переяславле умер его старший сын Ростислав. Именно на его помощь особенно рассчитывал Долгорукий в предстоящей войне с Изяславом, поскольку точно знал, как сильно его сын ненавидит киевского князя. Ростислав никогда не мог простить Изяславу своего позорного изгнания с Южной Руси и был готов до конца сражаться против своего двоюродного брата. Но теперь его не стало.

Однако предаваться скорби у Юрия времени не было. Он уже отправил послов к Давидовичам, Ольговичам и половцам и теперь ожидал ответа. Из Ростово-Суздальской земли подходили полки. Понимая, что главной проблемой будет переправа через Днепр, Долгорукий запустил руку в казну, и теперь с окрестных земель к Городцу гнали ладьи и насады. Суздальский князь развернул бурную деятельность, энергия из него била ключом. Он торопил окружающих, карал нерадивых, награждал усердных, понимая, что время работает на Изяслава и с каждым часом положение племянника в Киеве становится всё прочнее.

Однако и Изяслав Мстиславич трудился не покладая рук. Первым делом князь отправил надежных людей к Давыдовичам, желая отвлечь черниговских князей от союза с Юрием. Вячеслав предоставил в распоряжение племянника своих гридней. Из Смоленска прибыл брат Ростислав с полками, с Волыни привел войска другой брат, Владимир. Подошел с дружиной городенский князь Борис. Изяслав день и ночь совещался с воеводами и боярами, решая, как не допустить Юрия на правый берег Днепра. Его неугомонный дядя мог сколько угодно бряцать оружием, нанимать половцев и поднимать против Изяслава Мстиславича других князей, но, пока он не перейдёт через Днепр, все его усилия не будут стоить выеденного яйца. Если Юрию не дать форсировать эту водную преграду, то можно будет спасти землю от разорения, а затем как следует подготовиться и самим нанести удар. Изяслав понимал, что точку в этом затянувшемся противостоянии можно будет поставить только в одном случае — если киевские полки придут в Ростов и Суздаль. Но для этого надо было отразить вражеское вторжение сейчас.

Крепко задумались в преддверии решающей схватки между Юрием и Изяславом братья Давыдовичи. Они прекрасно понимали, что, усадив на златой киевский престол Вячеслава, Изяслав Мстиславич выбил из рук Долгорукого такое важное идеологическое оружие, как восстановление попранной правды. Вячеслав был старше Юрия, и, развязывая очередную усобицу с целью захватить Киев, суздальский князь компрометировал себя в глазах всей Руси. Поэтому надо было поддержать киевского

князя. Но, с другой стороны, им не хотелось терять те политические дивиденды, которые они могли получить как союзники Юрия в случае его победы. Решение, к которому в итоге пришли братья, было очень циничным, но вполне соответствовало их взгляду на мир. Изяслав Давыдович повёл своих людей в Киев, а его старший брат Владимир отправился с полками на помощь Юрию. Прекрасная характеристика тех нравов, которые тогда царили на Руси.

В отличие от своих двоюродных братьев Святослав Ольгович не сомневался ни минуты. Он прекрасно помнил о том, как Юрий помог ему в трудную минуту, и в меру своих сил старался быть благодарным. Он не только пришел сам, но и привел с собой племянника Святослава, сына Всеволода Ольговича. 23 апреля в Городец прибыл с полками Владимир Давыдович, а следом подошла половецкая орда. На военном совете было решено начать наступление, и в конце апреля Юрий Долгорукий начал свой судьбоносный поход на Киев.

Узнав о выступлении суздальского князя, ответные меры принял и Изяслав. К Вышгороду были переброшены смоленские полки Ростислава, а главные силы Изяслав Мстиславич расположил вдоль реки Лыбедь. Киевский князь сознательно отдавал врагу инициативу, поставив себе главной задачей не дать Юрию переправиться через Днепр. Для своего дяди он приготовил очень неприятный сюрприз, но до поры до времени не хотел его показывать. Пусть суздальцы нанесут удар первыми, киевский князь сумеет им ответить!

* * *

Огромное войско Юрия медленно двигалось вниз по Десне, направляясь к Днепру. Большая часть пехоты плыла по воде в ладьях и насадах, конница же шла берегом. Ветер развевал княжеские стяги, трепал половецкие бунчуки, надувал паруса у ладей. Вдоль реки тянулись, сверкая броней, конные дружины, нескончаемым потоком текли половецкие всадники, шагали пешие ратники. Вдоль строя сновали вестовые, передавая воеводам приказы князей. Сам Юрий вместе с Владимиром Давыдовичем, двумя Святославами и половецкими ханами был уже в устье Десны и внимательно смотрел за тем, что происходит на Днепре. Князь видел, как у противоположного берега разворачивается огромный ладейный флот Изяслава, и понимал, что переправа через реку будет очень сложной. Но он даже и предположить не мог, какой сюрприз подготовил ему дражайший племянник.

Тем временем ладьи и насады Юрия стали входить в Днепр и продолжили движение вдоль левого берега. Долгорукий хотел развернуть свою флотилию как можно более широким фронтом, а затем атаковать боевые ладьи Изяслава. Согласно княжеской задумке, как только его суда прорвутся к правому берегу и начнут высаживать пехотинцев, через Днепр устремится вторая волна десанта. В этот раз будут переправлять княжеские дружины и половецкую конницу. А уж там он развернет свои полки и ударит по Изяславу. Правда, чтобы все эти планы стали

реальностью, требовалась сущая малость — нужно было успешно форсировать Днепр. Однако суздальский князь был уверен в успехе, поскольку ему казалось, что числом его ладьи превосходят вражеские.

Юрий велел остановить движение своего воинства только тогда, когда на противоположном берегу показался Киев. Он распорядился разбивать шатры прямо напротив города, а сам подъехал к реке и смотрел, как огромный караван его судов, растянувшись вдоль берега, медленно движется вниз по Днепру. Всё левобережье было уже заполнено войсками. Гридни спрыгивали с коней и, ведя их в поводу, шли к мелководью, куда должны были пристать насады и перевезти их на противоположный берег. Наступил решающий момент.

Долгорукий в окружении союзников подъехал к самому берегу и картинно взмахнул булавой. Запели боевые трубы, гребцы налегли на весла, и десятки ладей и насадов двинулись через Днепр. От противоположного берега им наперехват пошли суда Изяслава. На середине реки две флотилии встретились. И здесь сразу стало ясно, что на воде воины Изяслава имеют подавляющее преимущество. В сражении на Днепре он применил две новинки. Во-первых, на каждой ладье было по два рулевых весла, на носу и корме, что позволяло свободно маневрировать, не разворачивая судно. А во-вторых, гребцы были защищены настилом из досок, на котором стояли воины младшей дружины, в доспехах и с луками.

Суздальские лучники выпустили во врага тучу стрел, но урона никакого не нанесли, поскольку им было видно только весла, а не самих гребцов. Зато лучники Изяслава прицельной стрельбой перебили множество воинов Юрия, сидевших на веслах. Остальные гребцы сбились с ритма, многие суда замедлили ход или вовсе остановились. Сидевшие в ладьях ратники ринулись к бортам, прикрывая щитами гребцов, но стрелки Изяслава стали стрелять навесом, и потери среди ростовцев и суздальцев продолжили расти.

Киевские кормчие, используя своё техническое преимущество, искусно маневрировали, атакуя вражеские насады с разных сторон, а лучники, благодаря высокой палубе, могли вести прицельный огонь. Суздальцы же просто не успевали разворачивать свои суда и поспевать за подвижным противником. Они несли большие потери, а враг был неуязвим. На некоторых судах стрелки Изяслава раздули жаровни, и вскоре зажжённые стрелы стали впиваться в борта вражеских насадов. Едкий черный дым пополз над водой, несколько ладей Юрия занялись огнем, и ратники, побросав оружие и скинув доспехи, попрыгали в реку. Другие ладьи сошлись борт о борт, и суздальцы полезли на киевские суда, а гридни Изяслава попрыгали во вражеские насады. Стук щитов и звон мечей раскатился вдоль берегов, и воды Днепра окрасились кровью.

Войска Юрия Долгорукого форсируют Днепр. Миниатюра Радзивилловской летописи

Грандиозное сражение на воде развернулось от Киева до устья Десны, тысячи людей с обоих берегов наблюдали за никогда невиданным прежде зрелищем. Одни ладьи кружили в отдалении и осыпали друг друга стрелами. Другие сходились борт о борт, и ратники отчаянно рубились мечами, стараясь захватить неприятельское судно. Третьи просто наблюдали за сражением, а затем устремлялись туда, где враг начинал одолевать, и вступали в бой. Упорная битва продолжалась до самого вечера, и Юрий, видя, как гибнут его ладьи и что прорваться невозможно, велел своим воеводам отступить. Суздальский князь пребывал в растерянности, он просто не ожидал, что дело может так повернуться.

Зато на противоположном берегу царили совсем иные настроения. Изяслав прекрасно понимал, какую серьёзную неудачу потерпел его дядя. Киевская флотилия надежно контролировала реку, а суда Долгорукого прижались к левому берегу. Однако Юрий нашел, чем ответить. Мы не знаем, сам ли он до этого додумался, но решение проблемы было найдено оригинальное. На военном совете было решено форсировать Днепр в районе Витичевского брода. Для этого нужно было, чтобы ладьи прошли

мимо Киева и спустились вниз по Днепру. Однако была большая вероятность того, что Изяслав не позволит этого сделать и снова атакует суда Юрия, когда те будут проходить мимо столицы. А чем закончится сражение на воде в этот раз, предсказать было нетрудно.

Поэтому было решено по одному из рукавов Днепра ввести ладьи в Дулебское озеро, а уже оттуда тащить их волоком до речки Золочи. Затем по ней спуститься вниз по течению и снова войти в Днепр. Смысл маневра был в том, что это самое озеро располагалось на левом берегу напротив Киева. Там же протекала и Золоча. И теперь Изяслав при всем желании не мог помешать Юрию, поскольку все его технические нововведения здесь были бесполезны.

Воины Юрия Долгорукого перетаскивают ладьи из Дулебского озера в речку Золочу. Миниатюра Радзивилловской летописи

Маневр блестяще удался, рать и флот Долгорукого благополучно миновали опасное место на Днепре у Киева. После этого, ладьи Юрия плыли близко от берега, а конные гридни и половецкая орда шли лугом. Точно таким же порядком на противоположной стороне Днепра двигалось воинство Изяслава. Противники остановились около Витичевского брода. Здесь Юрий снова предпринял ряд попыток форсировать Днепр, но опять потерпел неудачу. В развернувшихся ожесточённых

сражениях преимущество на воде по-прежнему оставалось за Изяславом, его суда вновь отогнали ладьи и насады Долгорукого к левому берегу. В этой критической ситуации суздальский князь в очередной раз собрал военный совет.

Согласно Ипатьевской летописи, Юрий с сыновьями предложил следующий план — отвлекать противника у Витичева, а главный удар нанести у Зарубинского брода. Обсудив предложение, союзники решили, что все старшие князья останутся в лагере и весь следующий день будут на виду у врага организовывать отвлекающий маневр. А Святослав Всеволодович с Андреем Юрьевичем ночью выступят с половецкой ордой и, выйдя к броду у Зарубина, сделают попытку прорыва через Днепр.

Однако и Изяслав Мстиславич предвидел подобный поворот событий, а потому и оставил у города-крепости Заруба, прикрывающего переправу, отряд воинов под командованием воеводы Шварна. Того самого, кто когда-то вместе с Изяславом Давидовичем охотился за Святославом Ольговичем. Однако воевода и в тот раз с заданием не справился и теперь дело провалил. Но, с другой стороны, и киевский князь допустил здесь ошибку, поскольку выделил для охраны столь важного направления незначительные силы. Когда половецкая орда подошла к броду, Святослав Всеволодович послал на противоположный берег небольшой отряд, чтобы произвел разведку боем. Когда же он узнал, что численность противостоящих ему войск незначительна, то сразу распорядился начинать переправу. Вода вскипела в Днепре, когда тысячи половецких всадников в полном вооружении въехали в реку и двинулись к правому берегу. Прикрываясь щитами от летевших в них стрел, степняки переправились через Днепр и с ходу ринулись в атаку. Шварн попытался было построить своих ратников в боевой порядок и отразить атаку, но какое там! Воеводу никто не слушал, и в итоге киевское воинство обратилось в бегство. Видя, что всё пропало, убежал и Шварн.

Закрепившись на правом берегу, Святослав Всеволодович быстро послал гонца к Юрию, призывая срочно вести войска к Зарубу, пока сюда не подошли полки Изяслава Мстиславича. Князь был не уверен, что сумеет длительное время удерживать брод до подхода главных сил, если вдруг появятся киевские полки. Долгорукий быстро сообразил, как ему повезло, и велел выступать вниз по Днепру.

Впрочем, и Изяслав уже успел оценить весь масштаб катастрофы. Едва перед князем предстал чуть живой Шварн, как он сразу понял, что случилась беда. Прикинув, что к чему, Изяслав Мстиславич принял решение отступить к Киеву. Конечно, можно было выступить с войском к Зарубу и попробовать выбить Святослава с захваченного плацдарма, но в этом случае Юрий стал бы переправляться у Витичева. Суздальский князь цепко прихватил князя Киевского, и тот это прекрасно понимал. Поэтому и увел полки к столице. Однако перед этим Изяславу пришлось решать одну проблему. Дело в том, что черные клобуки — торки, ковуи, берендеи и печенеги — были напуганы неожиданным вражеским прорывом. Они резонно опасались, что Юрий может вторгнуться в Поросье и подвергнуть разгрому их оставшиеся без защиты земли. Переживая за свои семьи, они обратились к Изяславу Мстиславичу с необычной просьбой — пусть он отпустит их по домам, а они заберут

своих близких и придут в Киев. Великий князь прекрасно понимал, что если он сейчас сам не отпустит свою конницу, то она уйдёт без спросу. Поэтому он вместе с ней отправил своего брата Владимира, который должен был проконтролировать ситуацию и привести черных клобуков обратно к Киеву.

Между тем огромная рать Юрия наконец-то перешла через Днепр у Заруба и двинулась на столицу.

*** * ***

Успешное форсирование Днепра явилось крупнейшим успехом Долгорукого в этой кампании. План Изяслава не пустить врага на правобережье рухнул, хотя изначально ничто не предвещало такого поворота событий. Однако виноват в этом только сам киевский князь, и более никто. Можно, конечно, во всём обвинить воеводу Шварна, только вот командующим являлся именно Изяслав Мстиславич, а потому и весь спрос с него. Здесь князь допустил две грубейшие ошибки. Во-первых, для прикрытия Зарубинского брода он выделил недостаточно сил: *«Оже мало их есть»* (Ипатьевская летопись). А во-вторых, командование на столь ответственном участке было поручено простому воеводе, а не князю. Что имело самые печальные последствия, поскольку в решающий момент войска отказались повиноваться своему начальнику: *«Зане не бяшетъ ту князя,* **а боярина не вси слушають**» (Ипатьевская летопись).

Что же касается Святослава Всеволодовича, под чьим командованием было осуществлено форсирование Днепра у Заруба, то он действовал выше всяких похвал. Грамотно оценив обстановку, он по ходу дела принимал абсолютно правильные и взвешенные решения. Успешная массированная атака половецкой конницы в полном вооружении через водную преграду дорогого стоила! И летописец тщательно сей факт удивительный зафиксировал: *«И тако въбредоша на не на конехъ за щиты и с копьи и въ броняхъях якоже битися, и покрыта Днепръ от множества вой»* (Ипатьевская летопись).

Хотя в целом надо признать, что план Изяслава не допустить прорыва войск Юрия на правый берег Днепра был хорош. Особенно сильное впечатление на современников произвели военно-технические изыскания киевского князя. Причем летописец все эти усовершенствования на боевых ладьях напрямую связывает именно с именем Изяслава Мстиславича, а не кого-то из его бояр и воевод: *«Бе бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно»* (Ипатьевская летопись). Как видим, сын Мстислава предстает перед нами не только талантливым полководцем и блестящим организатором, но и новатором в военном деле. Летописец пишет об этом в самых восторженных тонах: *«Беша бо в нихъ гребци невидимо токмо весла видити, а человекъ бяшетъ не видити. бяхить бо лодьи покрыта досками, и борци стояще горе въ броняхъ и стреляюще, а кормъника два беста, единъ на носе, а другыи на корме, аможе хотяхутъ тамо поидяхуть не обращающе лодии»* (Ипатьевская летопись).

Сражение на Днепре стало уникальным явлением в военной истории Древней Руси. Одни только технические разработки князя Изяслава заслуживают самого пристального внимания. Масштабы же битвы были грандиозны. Упорные бои развернулись на большой территории, сначала от устья Десны и до Киева, а затем в районе Витичева. Ни до него, ни после такие громадные флоты уже не вступали в противоборство на реках, протекающих по территории Руси.

6. Сражение на Лыбеди (май 1151 года)

Исполчившеся поидоша к Кыеву и сташа възле Лыбедь; Изяслав же ста противу ему передъ Золотыми вороты.

Лаврентъевская летопись

Как только войска Юрия оказались на правом берегу Днепра, он сразу же отправил гонцов к Владимирко Галицкому с призывом выступить на Киев. Долгорукий обкладывал Изяслава, как медведя в берлоге. Если бы Владимирко со своими полками в данный момент присоединился к суздальскому князю, то на амбициях Изяслава можно было бы ставить крест. Не помогли бы ему ни отчаянная храбрость, ни ратное мастерство. В принципе, Юрий всё делал правильно, теперь ему надо было просто дождаться союзника из Галича, а затем уже идти на Киев.

Двигаясь следом за Изяславом, Долгорукий расположился у Белгорода. Это была довольно неплохая позиция, на которой Юрий мог стоять сколько угодно, ожидая подхода галицких полков. Время работало на суздальского князя. Но неожиданно, вопреки здравому смыслу, он велел войскам сниматься с лагеря и идти на Киев. Почему? Трудно сказать, возможно, что просто переоценил свои возможности.

Между тем Изяслав Мстиславич готовился к обороне города. Однако за городскими укреплениями отсиживаться не собирался. На военном совете решили до тесной осады дело не доводить и дать врагу бой прямо под стенами столицы. А уж если придется туго, то отступить за валы и там продолжить борьбу. Ипатьевская летопись в подробностях сохранила для нас описание боевого порядка полков Изяслава. Сам великий князь встал с дружиной перед Золотыми воротами и на всякий случай усилил позицию телегами из обоза. Изяслав Давидович расположил свои полки от Золотых ворот до Жидовских, а Ростислав Мстиславич с сыном Романом укрепился прямо перед Жидовскими воротами. Судя по всему, князья главный удар ожидали именно здесь, потому что летописец особо выделил, что *«многое множество с ними»*. Борис Городенский со своими гриднями прикрыл Лядские ворота. Между княжескими дружинами встали отряды киевского ополчения, и теперь город был окружен плотным кольцом бойцов. Также серьезными естественными препятствиями на пути врага являлись многочисленные речки и овраги. Ратникам Юрия требовалось приложить максимум усилий, чтобы прорвать эту массированную оборону и выйти к городским стенам.

Тем временем Изяславу доложили, что подошла орда черных клобуков. В данной ситуации такие союзники оказались хуже врагов, поскольку пришли они со всеми домочадцами, пригнали огромные табуны лошадей и стада скота. По словам летописца, черные клобуки разграбили в окрестностях Киева монастыри, спалили множество сел и вытоптали все огороды. Изяславу Мстиславичу пришлось принимать срочные меры, чтобы решить эту проблему. Берендеев под командованием Владимира

Глебовича отправили в район Ольговой могилы, где они и заняли позиции вплоть до Щековицы. Ковуи, торки и печенеги прикрыли район от Золотых ворот до Лядских и далее до села Берестова, Угорских ворот и Днепра. Теперь Изяслав был готов биться насмерть, но тут в дело вмешался Вячеслав.

Старик захотел решить дело миром, поскольку считал, что как старший в роду Мономаха обладает определенным влиянием на своих родственников. Поэтому он отправил к Юрию посольство с мирными предложениями. Однако Долгорукий знал, кто стоит за спиной его брата, а потому и ответил соответственно: *«Ты мне как отец. Ежели хочешь в Киеве со мною управлять так, как ныне управляешь с Изяславом, а Изяслав пойдет в свое Владимирское, Ростислав в Смоленское владении, а мы между собою сами можем договориться обо всем.* **А Изяславу Киевом владеть не дам**» (В.Н. Татищев). Смысл ответа был прост: к тебе претензий никаких, а вот к племяннику вопросы имеются. Биться-ратиться буду с ним, а не с тобой. Выбирай, с кем ты.

Но Вячеслав не унимался и прислал новое посольство. Он подтверждал права Юрия на Переяславль и отдавал ему Курск, а взамен требовал расторгнуть союз с Ольговичами. Но эти требования были для Долгорукого в данной ситуации неприемлемы. Зачем ему Переяславль и Курск, когда до столицы рукой подать! Ведь вся эта пересылка послами происходила в то время, когда рать суздальского князя стояла в городе Василеве, в 50 верстах от Киева. Поэтому Юрий прервал бесполезные переговоры и повел войска на Изяслава.

Рано утром полки Долгорукого и половецкая орда подошли к столице. Сидя на коне, суздальский князь прикрывал глаза рукой от солнца, пытаясь разглядеть, что творится за рекой. Всё пространство за Лыбедью было заполнено вооружёнными людьми, пешими и конными. Тысячи наконечников копий ярко сверкали в лучах солнца, пламенели в руках ратников большие червленые щиты, в глазах рябило от множества стягов. Юрий не ожидал, что его племянник соберет такую огромную рать, и поначалу даже смутился. Но отступать было поздно, и князь велел трубить атаку.

Как всегда, первым в битву устремился его сын Андрей, он повел в бой половецкую орду. Наступление велось со стороны Оболони, там, где когда-то протекала речка Лыбедь. Теперь же русло реки пересохло (в народе её так и называли Сухой Лыбедью), и это давало Андрею возможность не тратить времени на форсирование водной преграды. Половцы выпустили в киевские полки тучу стрел, а затем лавина всадников перешла речку. Напор степняков был силен, они сбили передовые части Изяслава и погнали их к главным силам. Натиск Андрея поддержал его двоюродный брат Владимир Андреевич, который повел через Сухую Лыбедь дружину. Однако дядька-кормилец вцепился в повод коня молодого князя и потащил его прочь, обратно через русло. И тем не менее половцы потеснили киевлян. Князь Андрей врубился в ряды смоленских гридней Ростислава; казалось, ещё немного и ему удастся прорваться к городским воротам.

Однако успешный прорыв сына Долгорукого не был поддержан остальными войсками. Суздальские и ростовские полки продолжали оставаться на своих

позициях, ведя с киевлянами лишь вялую перестрелку. Этим и воспользовался князь Ростислав, который командовал на этом участке обороны. Бросив против половцев крупные силы, он стал оттеснять их обратно. Непривычные к длительному прямому бою степняки попятились, а затем стали массами уходить за Сухую Лыбедь. Однако Андрей Юрьевич этого не заметил, он продолжал отчаянно рубиться с наседавшими со всех сторон гриднями Ростислава. От позора плена или гибели князя спас случайно оказавшийся рядом половец, который сумел выхватить его из круговерти рукопашной схватки. Добравшись до соплеменников, степняк обрушился на них с отборной бранью, поскольку они бросили Андрея на произвол судьбы во время отступления. К счастью, князь был жив и здоров, в очередной раз ему удалось выбраться целым и невредимым из смертельной сечи.

Тем временем Юрий отдал наконец приказ всем своим войскам переходить Лыбедь. Но наступление проходило очень неорганизованное, как будто единое командование совершенно отсутствовало. Одни полки смело пошли вперед, перешли реку под градом стрел и вступили в бой с ратниками Изяслава. Другие, наоборот, так и остались на местах и, лишь выдвинув ближе к берегу стрелков, усилили перестрелку с противником. Но тем не менее в тех местах, где войска Юрия преодолели водную преграду, разгорелся ожесточенный бой не на жизнь, а на смерть. В битву вступили полки Изяслава Мстиславича и Вячеслава, но главный удар, как и предполагал киевский князь, был нанесен у Лядских ворот, где командовал князь Борис Городенский.

Видя, что под вражеским натиском ратники Бориса начали отступать, Изяслав решился на необычный шаг. Он при всем желании не мог снять войска с тех участков фронта, где противник проявлял пассивность, поскольку была большая вероятность того, что, как только полки уйдут на помощь Борису, Юрий сразу же здесь и атакует. Поэтому Изяслав Мстиславич сделал следующее: от каждого полка он велел взять определенное количество людей и собрать из них ударную группу. Присоединив к набранной дружине всю конницу черных клобуков, киевский князь бросил этот отряд в дело.

Задумка себя оправдала полностью: наступательный порыв войск Долгорукого удалось остановить. В отчаянной схватке у Лядских ворот киевляне разбили половцев и погнали их к Лыбеди. Произошло массовое избиение беглецов, степняки толпами валились в речку, где образовалась каша из людей и коней. Многие половцы просто бросали лошадей и без них перебирались через Лыбедь. Во время этого побоища погиб половецкий хан Севенч, который похвалялся, что, подобно своему отцу, легендарному Боняку, ударит саблей в Золотые ворота Киева. Но не довелось.

Изяслав продолжал развивать успех и перебросил ударный отряд на другой участок фронта. Там, где полки Юрия сумели перейти Лыбедь и навязать сражение киевлянам, их отбрасывали назад. Упорные бои на отдельных участках продолжались до самого вечера, но в итоге суздальский князь был вынужден отозвать своих людей за реку. Противостояние по большей части свелось к простой перестрелке через реку,

а вскоре и она прекратилась. Попытка Долгорукого захватить Киев с ходу с треском провалилась.

* * *

Изяслав Мстиславич блестяще продемонстрировал своему дяде, как надо действовать в обороне. Киевский князь воевал не по шаблону, а творчески, приноравливаясь к изменяющейся на поле боя ситуации. Создание ударного отряда, своеобразной группы быстрого реагирования, это полностью подтверждает: *«И повеле нарядити дружину ис полковъ,* **а полковъ не рушати**» (Ипатьевская летопись). Как видим, Изяслав умудрился по ходу боя создать себе солидный резерв, но при этом не ослабил ни один участок фронта.

Что же касается Юрия, то как полководец он проявил себя не с самой лучшей стороны. Сначала суздальский князь просто переоценил свои силы, затеяв ненужный в данный момент штурм Киева, а затем не смог грамотно организовать общую атаку, что и было засвидетельствовано летописцем: *«И стреляющимъ же ся имъ до вечера о Лыбедь, а инии переехаша и на болоньи бьяхутся»* (Ипатьевская летопись). Как видим, воеводы Юрия и союзные ему князья действовали кто во что горазд, и единого, мощного удара, который только и мог обеспечить победу в данной ситуации, не получилось. Что имело для Долгорукого самые печальные последствия.

На следующий день он не решился возобновить штурм. Войска были подавлены неудачей, и требовалось время, чтобы они забыли про обидное поражение. Но главная опасность заключалась в том, что это понимал и Изяслав, который мог в любой момент перейти в контратаку. Юрию надо было отступать, а это бы означало поражение в борьбе за Киев. Однако всё изменилось, когда прибывшие гонцы сообщили суздальскому князю радостную весть, что его верный союзник Владимирко Галицкий спешит на помощь своему родственнику. Это в корне меняло стратегическую ситуацию, и Юрий, быстро отступив от Киева, поспешил на соединение с галицкими полками, предварительно выслав навстречу свату своего племянника Владимира Андреевича. Война вышла на новый виток.

7. Битва на Руте (июнь 1151 года)

Съ ступившимъся полком бысть сеча крепка.

Ипатьевская летопись

Суздальский князь отступил к Белгороду. Отправив в крепость посла, он потребовал, чтобы горожане открыли ему ворота, так как именно он и есть великий князь. На что Юрию резонно ответили, что раз в Киеве правят Вячеслав с Изяславом, то, соответственно, его приказ жителей города ничему не обязывает. Он для них никто, и зовут его никак. Понимая, что времени на штурм города-крепости у него нет и в любой момент может подойти Изяслав с полками, Долгорукий отступил от Белгорода. Он ушёл к Вереневу, а затем перешел через древний вал, насыпанный для обороны от степняков, и стал у села Бязницы.

Юрий как в воду глядел, когда не стал задерживаться у стен крепости, поскольку, когда Изяславу стало известно, что на помощь Долгорукому выступил Владимирко Галицкий, он без труда просчитал все дальнейшие действия своего дядюшки. Киевский князь прекрасно понимал, что Юрий пойдёт на соединение с полками своего родственника, а затем вместе с Владимирко снова выступит на Киев. Ответ на вопрос, как действовать в данной ситуации, напрашивался сам собой. Поэтому Изяслав вызвал к себе князя Бориса Городенского, который В.Н. Татищевым характеризуется как человек, *«на тайные нападения искусный и все места к Белгороду довольно знающий»*. Киевский князь поставил перед Борисом следующую задачу — идти с отрядом отборных ратников за войсками Юрия и отслеживать каждый шаг врага. А следом за ними с главными силами должен был выступить и сам Изяслав Мстиславич. Здесь уже всё решала быстрота, поскольку только в этом случае был шанс разбить суздальского и галицкого князей по одиночке. Примечательно, что в этот раз в поход выступило всё боеспособное население Киева, согласно Ипатьевской летописи киевляне заявили своим князьям следующее: *«Ать же пойдуть еси, како можешь и хлудъ вруци взяти; пакы ли хто не поидеть намъ же и дай ать мы сами побьемы»*. Смысл речей был прост — в поход идут все, кто может идти, у кого нет оружия, пойдёт с дубиной, а кто не пойдет на Юрия, того мы сами порешим. Через день рать Изяслава Мстиславича уже подошла к Василеву, и здесь он получил очень важные известия, которые в очередной раз меняли обстановку на театре военных действий.

Дело в том, что на помощь киевскому князю шли венгры.

Сын Изяслава Мстислав в своё время был послан за помощью к венгерскому королю и теперь сообщал отцу, что Геза II отправил ему на помощь огромное войско, *«многое множъство»* (Ипатьевская летопись). И если Изяслав хочет, чтобы венгры поторопились, то пусть шлет гонца, и тогда союзники ускорят марш. Изяслав срочно затребовал помощь, а сам продолжил движение за Юрием. Миновав Василев,

киевские полки подошли к Перепетову полю, где разъезды Изяслава вступили в бой с дозорными Юрия. На следующий день рать Изяслава Мстиславича перевалила через оборонительный вал, который разделял противников, и киевский князь увидел готовые к бою вражеские полки.

Однако до битвы не дошло, поскольку старик Вячеслав снова выступил в роли миротворца. И судя по всему, в этот раз Юрий был не прочь вступить в переговоры, понимая всю сложность ситуации, в которой оказался. Но здесь взбеленились Святослав Ольгович и половцы. Один хотел полного военного разгрома Изяслава, другие — богатой добычи. Противники так и простояли весь день друг напротив друга, не предпринимая никаких активных действий. Однако ночью Юрий незаметно для врага перешел через речку Руту и, укрепившись на новой позиции, продолжил убеждать своих союзников заключить мирное соглашение с Изяславом. Очевидно, суздальский князь понимал, что битва не сулит ему ничего хорошего, а Владимирко был ещё далеко. Юрий Владимирович просто не хотел напрасно рисковать. И ему практически удалось убедить Ольговичей, но половцы уперлись капитально и ни в какую не соглашались на заключение мира.

На следующее утро, в пятницу, видя, что переговоры ничем путным не закончатся, Изяслав велел трубить наступление. Юрий очень не хотел вступать в сражение без галицких полков, но выхода у него не было, и он был вынужден развернуть свои войска в боевые порядки. Однако Долгорукому крупно повезло, поскольку неожиданно испортилась погода: «м *тако устрой Богъ мылу, якоже не видети никамо же, толико до конець копья видити»* (Ипатьевская летопись). Хлынул жуткий ливень, и в итоге противники потеряли друг друга из виду. В кромешной мгле Юрий и Изяслав начали бестолковые маневры, пытаясь вступить в сражение с противником. Когда же к полудню мгла рассеялась, оказалось, что речка превратилась в озеро, которое и разделило войска противников. Зато крылья враждебных армий охватывали это самое озеро кольцом и находились в боевом соприкосновении друг с другом. На флангах завязались ожесточенные схватки, но главные силы, разделенные озером, так в битву и не вступили.

Видя, что так просто врага не достать, Изяслав повел свою рать в обход озера. Но и Юрий, по-прежнему не испытывая желания вступать с врагом в битву, тоже принялся маневрировать. Желая оторваться от киевских полков, он перешел речку Малый Рутец, и здесь его воинство увязло в грязи. С трудом выведя из этого болота своих измученных ратников, Долгорукий обнаружил перед собой вражеское войско. Киевские полки медленно обходили озеро и располагались на равнине, напротив войск Юрия. Понимая, что битвы не избежать, Долгорукий велел разбивать лагерь и располагаться на ночлег на виду у противника.

* * *

В субботу, едва занялась заря, Юрий поднял своих воинов. По приказу князя били в бубны и трубили в трубы, поднимая боевой дух в войсках. Думая, что враг готовится к битве, Изяслав тоже стал выстраивать полки. Но Долгорукий и не думал сражаться. Введя киевского князя в заблуждение относительно своих намерений, он неожиданно двинулся вверх по течению Руты, пытаясь снова оторваться от преследования. Небо заволокло свинцовыми тучами, изредка накрапывал мелкий дождь. Грязь чавкала под копытами коней, ноги ратников увязали в болотной жиже, но Юрий упорно продолжал вести свои полки вперед. Залог спасения был в быстроте передвижения. Однако и Изяслав понял намерение противника, а потому быстро выступил следом. И тем не менее Долгорукому всё же удалось опередить племянника и вывести своё войско к реке Великая Рута. Оставалось только перейти на противоположный берег, укрепиться на выгодной позиции и спокойно поджидать Владимирко Галицкого. А уж потом…

Суздальский князь отдал приказ начинать переправу. Изяслав, видя, что противник уходит, действовал решительно. Разбрызгивая во все стороны грязь, в атаку пошла легкая конница черных клобуков. Лихие наездники засыпали стрелами идущие в арьергарде полки, а затем атаковали обоз и стали заворачивать вражеские возы с добром. Этого оказалось достаточно, чтобы Юрий и союзные князья стали разворачивать войска и готовиться к бою. Командование ростовскими и суздальскими полками неожиданно взял на себя Андрей Юрьевич, а сам Долгорукий предпочел остаться в роли зрителя. Вот князь Андрей и заметил, что половцы занимают непривычную для них позицию позади главного строя русских. Сообразив, что союзники просто готовятся к бегству, он бросился в гущу их рядов. Сам наполовину половец по матери, Андрей нашёл нужные слова для степных родичей и отвратил их от первоначального намерения. Затем воззвал к суздальским и ростовским ратникам, а потом обратился к своей дружине. После чего велел развернуть стяги и изготовиться к бою. Примечательно, что в этой битве в буквальном смысле слова проявился главный принцип русских междоусобиц — брат на брата. Поскольку на стороне Долгорукого сражался черниговский князь Владимир Давыдович, а на стороне киевского князя его родной брат Изяслав. Вот до чего довела братьев Давыдовичей погоня за новыми землями и волостями, желание захапать как можно больше и ничего при этом не потерять.

Видя, что сеча вот-вот начнется, Изяслав и Ростислав Мстиславичи обратились к Вячеславу с просьбой не участвовать в битве, а отъехать в сторону и наблюдать за сражением со стороны. Князья ссылались на преклонный возраст своего дяди, и тому очень польстила такая забота племянников. Поэтому Вячеслав отъехал на возвышенность за боевыми порядками, а Ростислав с Изяславом уехали в войска. Проезжая сквозь ряды ратников, киевский князь отдал приказ: всем князьям и воеводам следить за его стягом, и куда он поведет свой полк, туда и им вести своих воинов. Встав во главе дружины, Изяслав опустил на лицо стальную личину шлема и взял из рук оруженосца длинное тяжелое копье.

Над полем вновь хрипло заревели боевые трубы ростовских, суздальских и новгород-северских полков, загрохотали барабаны половцев, и рать Юрия пошла вперед. На острие атаки, как и всегда, оказался князь Андрей со своей дружиной. Опустив копье наперевес, сын Долгорукого пришпорил коня и погнал его на неприятельский строй. Следом за ним устремились его гридни, а затем пришла в движение и половецкая орда. Андрей Юрьевич первым достиг вражеских рядов и точным копейным ударом свалил на землю вместе с конем киевского дружинника. Отбросив в сторону изломанное копье, князь схватил притороченный к седлу боевой топор и вломился в гущу киевлян. Здесь княжеского коня ткнули рогатиной в ноздри, и он так резко споткнулся, что с головы Андрея слетел шлем. Ударом булавы князю раскололи щит, а затем и вовсе сбили с руки. Андрей Юрьевич чудом уцелел в этой мясорубке, выйдя живым и невредимым из затяжной рукопашной схватки.

Тем временем повел в бой свою дружину Изяслав Мстиславич. Изломав в первом столкновении копьё, князь вытащил из ножен меч и продолжил сражаться. Битва развернулась по всему фронту, сначала полки сошлись на флангах, а затем в бой вступили и ратники, стоявшие в центре позиций. Половцы хоть и выдвинулись на фланги, но по-прежнему занимали выжидательную позицию. Однако это нисколько не изменило общей ситуации на поле боя, поскольку именно в битве русских против русских решалась судьба этого грандиозного противостояния. С обеих сторон воины бились храбро и умело, и на чью сторону склонится победа, сказать было невозможно. Отчаянно рубился и князь Изяслав Мстиславич, врубившись в ряды противника, он схватился на мечах с суздальским дружинником. Изяслав был опытным ратоборцем, но и суздалец оказался умелым бойцом. Он ранил князя в руку, поразил в бедро, а затем ударом щита сбросил с коня на землю. Изяслав без сознания пал на землю, да так и остался лежать без движения.

Но на ход битвы это не оказало никакого влияния, а перелом в сражении наступил неожиданно. Половецкая конница развернулась было в лаву, пошла в атаку и выпустила по стреле в сторону войск Изяслава, но затем внезапно степняки развернули коней и обратились в бегство. Следом с поля боя побежал Святослав Ольгович, затем смятение охватило черниговские полки, и из сражения вышел Владимир Давыдович. Видя, что в одночасье всё рухнуло и положение уже не спасти, ударились в бега и Юрий с сыновьями. Оставшись без командования, стали разбегаться и простые ратники, и вскоре огромная рать Долгорукого превратилась в охваченную паникой беспорядочную толпу.

Но бежать было некуда, поскольку в тылу у войск Юрия протекала Великая Рута, чьи заболоченные берега таили в себе смертельную опасность для такой массы бегущих людей. Ратники просто завязли в грязи, где их и настигли преследователи. Произошло жесточайшее избиение беглецов, тысячи русских воинов были перебиты в болотине, а вместе с ними было вырезано множество знатных половцев. Кровавая жижа хлюпала под ногами воинов Изяслава Киевского, когда они шли через грязь к берегу реки, рубя направо и налево обессилевших ростовцев и суздальцев. Во время этой бойни и был убит черниговский князь Владимир Давыдович. Многие

дружинники прямо на конях и в доспехах кидались в мутные воды Руты и камнем шли на дно, не имея сил выплыть. Река вздулась от проливных дождей и стала гибельной ловушкой для многих сотен бойцов.

По всему полю битвы бродили победители и собирали трофеи, добивая раненых и не способных сопротивляться врагов. Так двое киевлян и набрели на одного воина в богатом доспехе, который чуть живой лежал на земле. Увидев, что его заметили, он с трудом проговорил: *«Князь есмь».* Однако эти слова произвели на киевлян совсем иное впечатление, чем рассчитывал раненый. Один из них со словами: *«А такъ ны еси и надобе»,* вытащил из ножен меч и с такой силой врезал по позолоченному шлему, что разрубил его надвое. Воин собирался повторить удар, когда снова услышал из-под металлической личины: *«Азъ Изяславъ есмь, князь вашь».* С этими словами раненый с трудом стащил с головы рассечённый шлем и киевские ратники узнали своего князя. С радостными криками его подняли на руки и понесли на место сбора полков, где победители встретили Изяслава восторженным рёвом. Вот такой причудливый зигзаг сделала судьбы киевского князя, и день его величайшего триумфа по нелепой случайности едва не стал последним днем жизни.

* * *

Битва при Руте как по количеству сражающихся, так и по своей ожесточённости является одной из крупнейших битв эпохи феодальной раздробленности. Юрий Долгорукий в борьбе за Киев потерпел сокрушительное поражение, и на его амбициях был поставлен крест. Впрочем, в таком плачевном исходе военной кампании был виновен только сам Юрий, и никто другой. Добившись крупной стратегической победы и сумев форсировать Днепр, он тут же совершил не менее крупную стратегическую ошибку, решив с ходу взять Киев. Вместо того чтобы сразу выступить на соединение с галицким князем и тем самым создать Изяславу Мстиславичу массу проблем, Долгорукий повел полки на столицу. Поражение на Лыбеди стало закономерным итогом этой авантюры. Дальнейшие действия Юрия были лишь судорожными попытками оторваться от шедших за ним по пятам войск Изяслава и прорваться на соединение с Владимирко. Но и здесь племянник полностью переиграл дядю, продемонстрировав свои блестящие качества военачальника.

Впрочем, у Юрия был шанс избежать сражения, но здесь он совершил уже тактическую ошибку. Суздальскому князю надо было бросить часть своего обоза и продолжать переправу через Великую Руту, а не разворачивать полки и идти спасать добро. За водной преградой можно было перевести дух и спокойно дожидаться подхода галицких полков. А так Юрий дал сражение в очень невыгодных для себя условиях, имея в тылу речку с заболоченными берегами и не имея возможности к отступлению. Что в итоге и привело к колоссальным потерям: *«много дружины потопе в Руту, бе бо грязокъ»* (Ипатьевская летопись). К тому же, как следует из летописного текста, Долгорукий самоустранился от руководства сражением,

передоверив командование ростовскими и суздальскими полками и половецкой ордой сыну Андрею. Соответственно, и Святослав Ольгович и Владимир Давыдович командовали теми войсками, которые привели на поле боя. Что же касается последнего, то его смерть явилась страшным ударом для брата Изяслава, и это было зафиксировано летописцем: *«Изяславъ плачющася надъ братомъ своимъ Володимеромъ»* (Ипатьевская летопись). Впрочем, это был закономерный финал всей деятельности братьев.

Если говорить о злоключениях киевского князя после битвы, то они очень подробно описаны в Ипатьевской летописи. Да и раны, которые он получил в битве, были достаточно серьёзные: *«Изяславъ же изнемагаше велми с ранъ зане исшелъ бе кровию»* (Ипатьевская летопись). Зато и победа была безоговорочной, а она, как известно, просто так никогда не дается.

* * *

Юрий с сыновьями и двумя Святославами — Ольговичем и Всеволодовичем бежал к Днепру. Там они на ладьях переправились на левый берег и здесь пути-дороги союзников разошлись, поскольку Юрий ушёл в Переяславль, а Святослав с племянником бежали в Городец Остерский. Причем летописец не удержался и позволил себе поехидничать над князем Новгорода-Северского: *«Святославъ же Олгович бе тяжекъ теломъ, и трудилъся бе бежа»* (Ипатьевская летопись). Впрочем, Святослав Ольгович *«трудилъся»* не просто так, по ходу дела у него появились свои резоны для такой спешки. Сведав, что Владимир Давыдович убит, он послал своего племянника Святослава Всеволодовича в Чернигов, чтобы тот быстро занял город и продержался там до прихода дяди. Но когда Святослав подошел к переправе через Десну, он получил известие о том, что в Чернигов уже вступил Изяслав Давыдович, а вместе с ним прибыл и сын смоленского князя Роман Ростиславич. Видя, что задумка не удалась, Святослав Ольгович вместе с племянником отправился в Новгород-Северский, где и стал готовить город к возможной осаде.

Тем временем Изяслав Мстиславич рассудил, что нельзя Юрию давать время оправиться от столь сокрушительного разгрома и пришла пора отправить назойливого дядюшку обратно в Залесские земли. Невзирая на раны, князь снова сел на коня и вместе с Вячеславом и братом Святополком выступил в поход на Переяславль. Между тем, видя, что непосредственная угроза Киеву миновала, брат Изяслава Мстиславича Ростислав с полками ушел в Смоленск. Правда, оставался ещё Владимирко Галицкий со своей ратью, но здесь братья Мстиславичи крепко надеялись на венгров, которые должны были перехватить союзника Долгорукого. Но этим надеждам оправдаться было не суждено.

Владимирко был очень хитер, его разведка отслеживала каждое движение венгерского войска. И когда князь узнал, что угры разбили на ночь лагерь, а затем начали пировать, он долго не раздумывал над тем, что надо делать. Галицкие полки

внезапной атакой буквально стерли венгерское воинство в порошок, а сын Изяслава Киевского Мстислав лишь чудом убежал в Луцк с места резни. Когда об этом стало известно Изяславу Мстиславичу, то он ничего не стал менять в своих планах, а продолжил поход на Переяславль, поскольку именно Юрия считал своим главным и самым опасным врагом.

Что же касается суздальского князя, то в данный момент устоять против Изяслава Киевского у него не было никаких шансов: «**Дюрди же не имяше ниоткуль помочи, а дружина его бяшетьо но избита, оно изоимана**» (Ипатьевская летопись). Трудно сказать, на что он наделся, затворившись в Переяславле. Может, на то, что подойдет сват Владимирко, а может, на какое иное чудо. Но чуда не произошло, а галицкий князь не пришел. Зная об исходе битвы на Руте и понимая всю бесперспективность дальнейших попыток по оказанию помощи попавшему в беду родственнику, Владимирко ограничился тем, что разорил волости Изяслава, а затем ушёл в своё княжество. Теперь участь Юрия была решена окончательно.

Киевские полки подошли к Переяславлю и взяли его в осаду. Юрий собрал в городе остатки своих войск и приготовился защищаться столько времени, насколько хватит сил. Вполне вероятно, что и сам он понимал бесполезность дальнейшей борьбы, однако злость на Изяслава заглушила в нем все остальные чувства. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что после двух дней отчаянных боев Юрий послал свою пехоту на вылазку. Что в его положении было просто глупо, поскольку враг имел подавляющий численный перевес. Понятно, что такая авантюра закончилась для Долгорукого полной неудачей: его пешие ратники понесли большие потери, а противник воспользовался моментом и спалил всё предградье. Теперь даже Юрий должен был признать своё поражение.

Удивительно, но условия, которые Изяслав и Вячеслав продиктовали Юрию, были вполне приемлемыми. От него требовали лишь одного — невмешательства в дела Южной Руси: *«Киева подъ Вячеславом и подъ Изяславомъ не искати»* (Ипатьевская летопись). За суздальским князем оставляли даже Переяславль, однако специально оговаривалось, что княжить там будет не Долгорукий, а его сын. Юрий публично объявил, что уходит в Суздаль, но тут же оговорился, что перед этим заедет в Городец Остерский. Это сразу же насторожило Изяслава, и он довольно прозрачно намекнул дяде, что если он там надолго задержится, то узрит под стенами города племянника с полками. Но Юрий пропустил предупреждение мимо ушей, и это имело для него роковые последствия.

Видя, что Долгорукий капитулировал, с помощью своего двоюродного брата Изяслава Давыдовича замирился с киевским князем и Святослав Ольгович. Но, даже узнав об этом, Юрий продолжал в нарушение договора сидеть в Городце Остерском, плел интриги против племянника и не понимал, что играет с огнем. Суздальский князь тупо уперся и совершенно игнорировал слова своего сына Андрея, который настоятельно убеждал отца вернуться в Залесские земли. Кончилось тем, что Андрей уехал, а Юрий остался. Как видим, уже здесь четко проявилось различие отца и сына к проблеме борьбы за Киев. Первый считал это смыслом своей жизни, второму же

было абсолютно наплевать на златой киевский стол, и своё будущее он связывал с Ростово-Суздальской землей.

И вскоре Юрий убедился в правоте старшего сына. Столь длительное пребывание Долгорукого в Городде Изяслав Мстиславич счел прямым нарушением договора и на всю Русь объявил суздальского князя клятвопреступником. Киевские полки снова выступили в поход. По пути к ним присоединились Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодович с дружинами. Святослав Ольгович от похода уклонился, поскольку посчитал невозможным воевать против недавнего союзника, но отряд на помощь киевскому князю всё же был вынужден прислать.

Что же касается Юрия, то он нисколько не смутился, узнав, какие силы выступили против него. Суздальский князь затворился в Городде вместе со своими сыновьями Борисом, Глебом и Мстиславом. На что он и в этот раз рассчитывал, сказать трудно; возможно, что на помощь галицкого союзника, но тот был слишком далеко. По большому счёту, Юрий в очередной раз влез в авантюру, которая изначально была обречена на провал. Что и подтвердила затянувшаяся на несколько дней осада Городца. Бойцы Долгорукого отчаянно отбивались от наседавших со всех сторон врагов, но силы их быстро таяли, а помощи ждать было неоткуда. Как следствие, суздальский князь снова был вынужден признать своё поражение.

Однако в этот раз он был серьёзно наказан за свой обман и согласно новому договору был вынужден вывести из Переяславля сына Глеба и оставить его править в Городце Остерском. А Переяславль Изяслав отдал своему сыну Мстиславу, чем ещё больше укрепил свои позиции в Южной Руси. После этого влияние Юрия в регионе было подорвано капитально. Впрочем, больше всех в этом был виноват он сам, и никто иной. В очередной раз поцеловав крест, что будет соблюдать заключенный мир, Долгорукий удалился в суздальскую землю.

Однако весной следующего, 1152 года его ждал новый удар. Изяслав Мстиславич, Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодович привели полки к Городцу Остерскому и дотла его спалили. Согласно В.Н. Татищеву, здесь в роли провокатора выступил черниговский князь. Впрочем, и сын Мстислава прекрасно понимал, что, пока у Юрия есть хоть один оплот на территории Южной Руси, покоя никому не будет. В этот раз уже он выступал нарушителем договора, но тем самым киевский князь спасал свою землю от вполне возможных неприятностей. Долгорукому ничего не стоило в очередной раз сговориться с галицким князем, нанять половцев и подвергнуть разорению области Южной Руси. Сжигая Городец, Изяслав лишал своего дядю плацдарма для дальнейшей борьбы за Киев.

Поэтому приходится констатировать, что противостояние с племянником закончилось для Юрия военным и политическим крахом. Суздальские и ростовские полки были наголову разгромлены под Рутой, а все свои позиции в Южной Руси Долгорукий утратил. В Киеве его открыто ненавидели и готовы были признать князем кого угодно, только не пришельца из Суздаля. Поэтому, дважды захватывая столицу, сын Мономаха так и не сумел её удержать. Громадные средства и ресурсы были растрачены впустую.

Вот такой печальный итог борьбы князя Юрия за златой киевский стол.

И в довершение всех бед летом 1152 года волжские болгары пришли по Волге к Ярославлю и взяли город в плотное кольцо осады как со стороны реки, так и с напольной стороны. Как мы помним, в 1149 году Ярославль был разграблен и сожжен новгородцами, но к этому времени он был отстроен заново. Жители не ожидали нападения, но тем не менее ворота затворить успели и изготовились к бою. Проблема заключалось в том, что город был совершенно не готов к длительной осаде, в нём не было ни запасов продовольствия, ни достаточного количества воды. Волга была рядом, но подступы к ней перекрыли болгары. Согласно Типографской летописи, *«изнемогаху людие въ граде гладомъ и жажею».* Однако осаждённым удалось отправить вестника в Ростов с просьбой о помощи, подошедший ростовский полк нанес поражение болгарам и отогнал их от Ярославля. Юрий из случившегося сделал необходимые выводы и в том же году заложил крепость Городец на Волге. Это, по его мнению, должно было в какой-то мере воспрепятствовать разбойным набегам восточного соседа.

8. Походы на Чернигов и Рязань (осень 1152 — лето 1154 года)

Того же лета ходи Юрьи с ростовцы и с суздалцы, и с рязанцы, и с половцы к Чернигову.

Пискаревский летописец

Когда суздальский князь узнал о том, что Городец Остерский сожжен, он, по свидетельству В.Н. Татищева, *«весьма сим оскорбился»*. Летописец трактует реакцию князя несколько иначе: «Я *тогда въздохнувъ от сердца»* (Ипатьевская летопись). Понятно, что вздохнешь, когда твою волость спалили дотла, а людей вывели из крепости и развели по разным городам и селам! Начисто проиграв племяннику борьбу за Киев, Долгорукий тем не менее не собирался оставлять безнаказанными действия Изяслава Давидовича. Судя по всему, ему было хорошо известно, кто выступил инициатором нападения на Городец, и он решил покарать подстрекателя. Однако Юрий вполне резонно полагал, что Изяслав Мстиславич сможет вмешаться в его конфликт с черниговским князем, а потому желательно найти себе союзника.

На Святослава Ольговича надежды было мало, он пока сидел в своем Новгороде-Северском тише воды ниже травы. Хотя Юрий не сомневался, что если успех будет на его стороне, то старый соратник немедленно возьмется за оружие. Перебрав все возможные варианты, Долгорукий обратил свой взор на Рязань.

С начала 1150-х годов под властью потомков Ярослава Святославича некогда единое Муромо-Рязанское княжество постепенно разделяется на два — Муромское и Рязанское. Причем всё большую силу набирает именно более молодое Рязанское. Поэтому Юрий обращается к рязанскому князю Ростиславу Ярославичу с предложением совершить совместный поход на Чернигов. Хитрый суздальский князь учитывал, что у Ростислава были крепкие связи со степняками, а это в свете грядущих событий имело едва ли не решающее значение. Дело в том, что союзные Юрию половцы во время побоища на Руте понесли чудовищные потери и им требовалось время, чтобы отойти от разгрома и зализать раны. Поэтому Долгорукий и хотел в данной ситуации действовать через Ростислава.

Что же касается рязанского князя, то, поразмышляв, он решил принять участие в походе. И хоть Изяслав Давыдович приходился ему двоюродным братом, это циничного Ростислава не смутило. Перспектива поживиться в землях богатого Черниговского княжества прельщала его куда больше, чем поддержание добрососедских отношений с родственником. Ростислав Ярославич дал добро, и военный союз Рязани и Суздаля стал свершившимся фактом. Правда, В.Н. Татищев отмечает, что именно рязанский князь предупредил черниговского родственника о

том, что Юрий готовит против него поход. А уж Изяслав Давыдович доложил обо всем в Киев. Но, на мой взгляд, такого быть просто не могло.

Дело в том, Ростислав очень серьёзно готовился к грядущей войне, задействовав для этого все свои ресурсы. Ипатьевская летопись приводит впечатляющий список тех сил, которые выставил рязанский князь: *«Ярославичь Ростиславъ с братею, и с Рязанци и с Муромци, поидоша съ Гюргемъ, а не отрекоша ему, тако же и Половци, и Оперлюеве, и Токсобици, и вся Половецьская земля, что же ихъ межи Волгою и Днепромъ».* Вся Половецкая земля! Люди Ростислава рыскали по степи, задаривали ханов и их приближенных, и вряд ли такой прагматик, как рязанский князь, стал бы пускать столь большие средства на ветер ради того, чтобы предупредить черниговского родственника. Не тот он был человек, чтобы ради абстрактных понятий действовать в убыток себе.

Что же касается Изяслава Мстиславича, то узнать о грандиозных приготовлениях князей Северо-Восточной Руси он мог и из своих источников. Понятно, что в степи у него были шпионы, так же как и свои люди среди половцев. Слух о том, что Ростислав Ярославич поднимает степь, скрыть было невозможно, и рано или поздно он бы всё равно достиг ушей киевского князя. Поэтому Изяслав Мстиславич спешно послал в Смоленск, к брату Ростиславу, чтобы тот собирал полки и был готов в любой момент выступить.

Но Долгорукому показалось мало союза с Ростиславом, и он отправил послов в Галич. Причем Юрий постоянно декларировал, что воюет он против черниговского князя, а до Киева ему дела нет. Пусть племянник спит спокойно. Но Изяслав Мстиславич очень хорошо знал своего родственника, а потому и держал полки в боевой готовности. Ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля.

* * *

Осенью 1152 года Юрий и Ростислав пошли на Чернигов. Объединенное войско вступило в землю вятичей и, не встречая сопротивления через Мценск и Спашь, подошло к Глухову. Этот город принадлежал Святославу Ольговичу, и отсюда Юрий обратился к своему старому союзнику с предложением выступить против Изяслава Давыдовича: *«Поеди съ мною»* (Ипатьевская летопись). Князь Новгорода-Северского оказался в очень сложном положении. Совсем недавно он замирился со своими соседями, и вновь ссориться с Изяславом Мстиславичем ему не хотелось. Однако именно в это время к городу Ольгову, находившемуся в Северской земле, подошла половецкая орда, нанятая Ростиславом и Долгоруким. Святослав понимал, что в случае отказа он рискует навлечь на себя гнев могущественного родственника, которому ничего не стоит спустить с поводков своих половецких псов. В летописи четко прописано, что Святослав принял предложение Юрия, потому что *«убоявъся».* Так суздальскому князю в очередной раз удалось сколотить мощную коалицию. Соединившись с полками Святослава и половецкой ордой, Юрий подступил к

небольшому городку Березову, а через день перешел реку Сновь и остановился с войсками у Гуричева, который находился в непосредственной близости от Чернигова.

А вскоре объявился и сват Долгорукого Владимирко Галицкий. Этот вообще долго не раздумывал и, как только узнал, что Юрий выступил в поход, быстро собрал полки и двинул прямо на Киев. Изяслав Мстиславич немало удивился подобному развитию событий, поскольку с Галичем у него был заключен мир. Но в ситуации сориентировался быстро и повел рать навстречу врагу. Однако Владимирко не стал принимать бой, а неожиданно развернулся и ушел в своё княжество. В.Н. Татищев приводит слова, с которыми галицкий князь обратился к своему суздальскому родственнику, объясняя причину своего отступления. А сказано через послов было следующее: *«По обещанию Юриеву войска собрав, шел на Изяслава и уведав, что Юрий в Вятичах из-за увеселений медлит, а Изяслав, не опасаясь его, со всеми войсками на меня пошел, из-за того я принужден остаться в моих землях; и так как я три раза из-за него великий труд и убыток нес, но Юрий своею оплошностью все теряет, из-за того я более с Изяславом воевать за Юрия не хочу».*

Относительно *«увеселений»* Долгорукого историк явно погорячился, поскольку, как мы видели, у Глухова он поджидал половецкую орду и договаривался о союзе со Святославом Ольговичем. Но, как ни поверни, Владимирко усмотрел в этой задержке нежелание свата воевать и попытку в очередной раз решить свои проблемы с помощью галицких полков. Поэтому он и не стал вступать в битву с Изяславом Мстиславичем, тем самым развязав руки киевскому князю. А между тем в Чернигове происходили не менее значимые события.

Началось с того, что Святослав Всеволодович, который всё время поддерживал своего дядю Святослава Ольговича, в этот раз решил выступить на стороне Изяслава Давыдовича и со своей дружиной пришел в Чернигов. Мало того, одновременно с ним в город прибыл Ростислав Мстиславич со смоленскими полками. Таким образом, у Изяслава Давыдовича появился шанс не только успешно выдержать осаду, но и дать бой противнику в чистом поле. Однако военачальник из черниговского князя был, мягко говоря, никакой, а потому он решил отсидеться за стенами и валами города, дожидаясь подхода киевских полков.

Между тем Юрий начал военные действия. По его приказу половцы рассеялись по окрестностям Чернигова и начали методичное опустошение владений Изяслава Давыдовича. Был сожжен городок Семынь и захвачено множество пленных, не успевших укрыться от степняков. После этого орда собралась у Чернигова, и Долгорукий объявил приступ. Но случилось то, чего не ожидал никто. Изяслав Давидович и Ростислав Мстиславич, который тоже не стяжал лавров на бранном поле, с перепугу решили, что не смогут удержать внешний вал, и, бросив стены острога, отвели все войска в Детинец. Мы не знаем, как отнесся к этому Святослав Всеволодович, но в этой троице он был самый младший, а потому был вынужден подчиниться.

По большому счёту, то, что сделали князья, было глупостью, поскольку в их распоряжении было достаточно сил, чтобы удержать весь периметр укреплений. Ведь

следом за ратниками в Детинец ринулись и жители города, а при такой скученности народа риск возникновения эпидемий был очень велик. Ведь никто не знал, сколько продлится осада. Да и не могли не знать князья, что посад будет сожжен и разграблен. Поэтому оставление главного рубежа обороны, когда не были исчерпаны все возможности к сопротивлению, может вызвать только недоумение.

Тем временем половцы, увидев, как вражеские войска покидают острог, пошли в атаку, вскарабкались на вал и, перевалив через стены, ворвались в город. Сразу же начались грабежи и поджоги, огнем оказался охвачен весь посад, но князья и воеводы не дали разгуляться степнякам до конца и сумели вывести орду из города. Половцы разбили свой стан прямо у Чернигова и стали делить захваченную добычу. А на следующий день начался штурм Детинца. Но черниговцы бились крепко, и все попытки осаждающих сломить их сопротивление закончились неудачей. Приступ не удался и после того, как войска отошли от стен, Юрий собрал военный совет. Повестка собрания была проста: кто виноват и что делать? Вывод, который сделали участники достопамятного совещания, был удивителен: *«Князи же сдумавши, не крепко бьются дружина и Половиц, оже с ними не ездимы сами»* (Ипатьевская летопись). Таким образом, князья открытым текстом заявили о том, что во всём виноваты они сами, поскольку лично не водили в бой войска, доверив это воеводам.

А на вопрос: что делать? — ответил князь Андрей Юрьевич. Сын Долгорукого заявил, что с этого дня князья будут участвовать в сражениях и он первым поведет на битву своих гридней.

Сказал как отрезал и вскоре свои слова подтвердил делом. Потому что Изяслав Давыдович и Ростислав Мстиславич продолжили парад глупостей. Бездарно отдав без боя острог в руки врага, они вдруг решили его вернуть. Потому что ничем другим невозможно объяснить их стремление ни с того ни с сего сделать вылазку за стены Детинца. Логики в действиях черниговского и смоленского князей не было никакой, впрочем, как и всегда, когда речь заходила об их воинских талантах.

Когда распахнулись ворота Детинца и из них повалила смоленская и черниговская пехота, князь Андрей не растерялся, а повел на врага свою дружину и половцев. Слаженный удар конницы вдребезги разбил строй пеших ратников. Стрелков и лучников порубили прямо на месте, а копейщиков погнали обратно за крепостные стены. Кому повезло, тот успел добежать до ворот, а кому это не удалось, так и остались лежать среди сожженных домов посада, изрубленные кривыми половецкими саблями и суздальскими мечами. Победа оказалась настолько убедительной, что некоторые князья, *«поревновавъше»* Андрею, стали каждый день разъезжать с дружинами вокруг Детинца. Но Изяслав с Ростиславом, наученные горьким опытом, после поражения даже нос боялись высунуть за крепостные стены.

Что же касается Андрея Юрьевича, то в очередной раз чрезмерное увлечение рукопашной схваткой едва не закончилось для князя плачевно. Согласно Никоновской летописи, он был сбит с коня и *«и едва утече ко отцу своему князю Юрью Долгорукому, и бысть ранен велми»*.

Осада длилась двенадцать дней и закончилась, когда на помощь Чернигову выступили Изяслав Мстиславич и Вячеслав. Во время стычки дозорных половцам удалось захватить пленного, который и рассказал Юрию с союзниками о том, что киевские полки на подходе. И вот тут началось! Первыми заволновались половцы, они явно не хотели сражаться против закалённых в битвах бойцов Изяслава. А затем степняки и вовсе снялись с лагеря и подались в степь. Понимая, что теперь у них нет никаких шансов овладеть Черниговом, Юрий, Святослав и Ростислав сняли осаду и ушли за Сновь. Их никто не преследовал. К тому же грянули заморозки, ратники хотели вернуться по домам, да и воинственный пыл у князей угас. Боевые действия затихли.

Ростислав ушёл в Рязань, а половцы подались в степь, по пути разорив земли Святослава Ольговича. Долгорукий и сын Гориславича задержались у Новгорода-Северского, но затем Юрий отошёл к Рыльску и оттуда собрался идти в Суздальскую землю. Однако про это сведал Святослав и, прибыв к свату, стал убеждать его не уходить из Северской земли, поскольку сюда непременно придёт Изяслав Мстиславич. А в одиночку против него Святослав не выстоит. Но Юрий на уговоры не поддался и оставил в распоряжении союзника только сына Василька с пятьюдесятью дружинниками. Сам же вторгся в землю вятичей и, вдоволь пограбив, вернулся в Суздаль.

Так безрезультатно закончился поход Долгорукого на Чернигов.

* * *

Святослав Ольгович был прав, когда говорил о том, что Изяслав Мстиславич явится под Новгород-Северский. Киевский князь придумал довольно грамотный план, который позволял нейтрализовать Юрия и нанести удар по оставшемуся в одиночестве Святославу. Ростислав Мстиславич должен был отправить на помощь старшему брату сына Романа, а сам со смоленскими полками подойти к границам Ростово-Суздальской земли. Одновременно Ростислав должен был договориться с новгородцами о том, чтобы и они начали оказывать давление на границы земель Юрия. В этом случае Долгорукий при всем желании не сможет прийти на помощь союзнику, с которым Изяслав Мстиславич справится без особого труда. Что, собственно, и произошло.

Изяслав вместе с дядей Вячеславом выступил в поход, но по пути уговорил старика вернуться в Киев, оставив при этом в распоряжении племянника собственную дружину. Одновременно князь отправил своего сына Мстислава с черными клобуками против союзных Святославу половцев. В пути к киевскому князю присоединились с полками Святослав Всеволодович и племянник Роман Ростиславич. Кольцо вокруг Новгорода-Северского постепенно сжималось. Когда же объединенная рать в феврале подошла к городу, к ней присоединился с войсками и Изяслав

Давидович. Святослав Ольгович прекрасно понимал, что против такой силы шансов у него нет, но сдаваться не собирался. И последовавший приступ это подтвердил.

Войска Изяслава Мстиславича пошли на штурм и после упорного боя прорвались в острог, вытеснив из него войска Святослава. Но Ольгович лично повел гридней в контратаку, вышиб противника из города и гнал до самых обозов. Однако на большее у него просто уже не было сил, и князь отправил к Изяславу послов договариваться о мире. В Ипатьевской летописи есть информация о том, что киевский князь всячески противился заключению мирного договора, поскольку прекрасно понимал, что Святослав никогда не простит ему смерти брата Игоря, растерзанного толпой. Но Ольгович бился отчаянно, осада грозила затянуться, а между тем приближалась весна, и дороги вот-вот должны были превратиться в непроходимую кашу из воды и талого снега. Скрепя сердце Изяслав Киевский был вынужден пойти на мировую. А вскоре он получил весть о том, что его сын Мстислав разбил половцев, разорил их вежи и, захватив множество коней и огромные стада скота, возвращается на Русь. Тысячи русских пленных были освобождены из половецкой неволи и вернулись домой. После этого Изяслав Мстиславич велел распустить полки и вернулся в Киев.

Как видим, в 1152–1153 годах Юрия продолжали преследовать внешнеполитические неудачи, и в довершение всех бед он остался без союзников. Святослав был вынужден замириться с Изяславом, Владимирко Галицкий умер, а Ростислав Рязанский, если брать в расчёт то, что случится позднее, скорее всего, безоговорочно примкнул к победителям. Правда, в Галиче теперь княжил зять Юрия Ярослав Осмомысл, но ему необходимо было время, чтобы утвердиться на престоле. Политическая активность Долгорукого снижается, и он начинает вплотную заниматься тем, что у него получалось лучше всего, — обустройством Ростово-Суздальской земли.

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше. 1152 г. Древнейший каменный храм Залесской Руси. Фото автора

Именно под этими годами Воскресенская летопись помещает рассказ о белокаменном строительстве Юрия. В Кидекше возводится храм Бориса и Глеба, во Владимире-Суздальском церкви Спаса и Святого Георгия, а в Переславле-Залесском строится Спасо-Преображенский собор. Ещё более подробный рассказ содержится в Типографской летописи, где помимо прочего отмечается, что Долгорукий заложил города Переславль-Залесский и Юрьев-Польской, в котором начал строительство храма Святого Георгия. В 1154 году князь закладывает город Дмитров, названный так в честь его младшего сына Всеволода, родившегося в том же году и названного в крещении Дмитрием. Понятно, что, лишенный возможности активно вмешиваться в дела на юге, Юрий целиком сосредотачивается на внутренних делах своего княжества. Но при этом по-прежнему рассматривает свои земли лишь как базу для продолжения борьбы за Киев. Скорее всего, он и представить даже не мог, к каким

последствиям приведут результаты его внутренний политики в Залесской земле, что именно эти годы вынужденной политической изоляции станут определяющими в дальнейшей истории Руси.

Этот момент очень тонко подметил В.Н. Татищев: *«После многих столь несчастливых предприятий великий князь Юрий Владимирович Долгорукий, придя в Суздаль и видя себя Русской земли совсем лишенным, от великого княжения Киевского отделившись, основал престол в Белой Руси. Рязанских же и муромских князей к оному приобщил и крестным целованием их утвердил. Потом начал строить во области своей многие грады: Юриев в поле, Переяславль у Клюшина озера, Владимир на Клязьме, Кострому, Ярославль и другие многие грады с такими же именами, как в Руси были, желая тем утолить печаль свою, что лишился великого княжения русского. И начал те грады населять, созывая людей отовсюду, которым немалую ссуду давал и в строениях, и другими подаяниями помогал».*

Историк обратил вынимание, что даже при строительстве новых городов Долгорукий не смог избавиться от навязчивого стремления подчеркнуть свое право на власть в Южной Руси. Переславль-Залесский был назван по аналогии с Переяславлем-Южным, а протекающая через город речка имела такое же название, как и её сестра на юге, — Трубеж. В Поросье находился и город Юрьев (современная Белая Церковь), чьё название, что вполне вероятно, отразилось в названии Юрьева-Польского. Опять же нельзя не вспомнить, что во Владимире-Суздальском протекала речка Лыбедь и что в Киеве есть такой же одноименный приток Днепра.

Спасо-Преображенский собор Переславля-Залесского. Ровесник церкви Бориса и Глеба в Кидекше. 1152 г. Фото автора

* * *

В 1154 году Юрий посчитал, что собрал достаточно сил для нового противостояния с Изяславом. В поход на Киев выступили сыновья Долгорукого с дружинами, а также ростовские и суздальские полки.

В это раз Юрий шел воевать без союзников, но вполне возможно, что по ходу дела он надеялся снова привлечь Святослава Ольговича и своего зятя Ярослава Галицкого. Однако поход не задался изначально, поскольку едва войска Юрия вступили в землю вятичей, как на коней напал мор. Рать с трудом дошла до Козельска, где и остановилась. К тому же половцы, на чью помощь он рассчитывал,

пришли в малом числе, и Долгорукий был вынужден отправить сына Глеба в степь нанимать новую орду. Понимая, что чем дальше, тем будет хуже, Юрий свернул поход и вернулся в Суздаль.

Однако в том же 1154 году Юрий осуществил ещё одно военно-политическое мероприятие — попытался подчинить своей власти Рязань. Причем речь здесь шла не о том, чтобы призвать к порядку Ростислава Ярославича, а о том, чтобы отстранить от власти местную династию и утвердить свою. Рассказ об этих событиях содержится в Львовской летописи, он довольно краток, а потому есть смысл привести его полностью.

«Того же лета посади Юрьи сына своего въ Рязани, а Разанского князя Ростислава прогна въ Половцы. Потом Ростислав совокупя Половцы, поиде на Ондреа ночью, Ондрей же одва утече объ одномъ сапоге, а дружину его овехъ изби, а другиа засувъ во яму, а иные истопша в реце, а князь Ондрий прибеже къ Мурому и оттоле к Суждалю». Вот, собственно, и всё. Как говорится, не густо, но определенные выводы сделать можно.

Утверждение Андрея в Рязани — это прямая попытка Долгорукого наложить руку на соседнее княжество. И началось всё вроде неплохо, но, судя по всему, и отец и сын позволили себе расслабиться раньше времени. Андрей Юрьевич у рязанцев особой популярностью не пользовался, а чтобы завоевать любовь своих новых подданных, у него просто не хватило времени. Ростислав быстро поднял половцев и изгоном пошел на Рязань.

То, что произошло дальше, можно охарактеризовать двумя словами — внезапное нападение. Проспала дальняя и ближняя разведка, проспала городская стража, проспал сам князь Андрей. О том, что сын Долгорукого проспал вражескую атаку в буквальном смысле слова, свидетельствует тот факт, что бежал он из Рязани в одном сапоге. Если бы бодрствовал, то бежал бы в двух и не попал бы сей курьезный факт на страницы летописи. Очередная авантюра Юрия закончилась полным крахом, и сын Мономаха снова оказался в политической изоляции, поскольку земли его со всех сторон были окружены враждебно настроенными соседями.

Но энергии Долгорукого можно было только позавидовать. Он ни минуты не сомневался, что одолеет племянника и вернет себе златой киевский стол, а потому усиленно продолжал подготовку к новым боям и походам. Однако события приняли неожиданный оборот.

9. Последний поход на Киев (зима 1154 — весна 1155 года)

На вербьницю прииде князь Юрьи къ Кыеву и седе на столе, а Изяславъ изъбежа Давыдовиць к Чернигову; и прия Юрьи сынъ его в миръ с любовию, и волости имъ раздая достоиныя; и бысть тишина въ Рустеи земли.

Новгородская I летопись младшего извода

13 ноября 1154 года, тяжело разболевшись, в Киеве скончался Изяслав Мстиславич. Умер не побежденным, так и не уступив при своей жизни великое княжение своему дяде Юрию. Вполне вероятно, что сказались раны, полученные в битве на Руте, поскольку в летописях отмечается, что князь сильно заболел через какое-то время после этого достопамятного сражения. На мой взгляд, Изяслав является одним из незаслуженно забытых и до конца не оцененных деятелей русской истории. С Долгоруким всё достаточно просто, поскольку довольно долгое время от обвинений в многочисленных ошибках его надежно защищало имя основателя Москвы и великого градостроителя Ростово-Суздальской земли. То, что именно он развязал страшную междоусобицу и частенько наводил на Русь половцев, иногда оставалось без внимания, поскольку кровавые войны на Юге уравновешивались созидательной деятельностью князя на Северо-Востоке.

С Изяславом всё гораздо сложнее. Очень часто он воспринимается лишь как противник Юрия, и не более того. Он не оставил после себя такого монументального наследия, как дядя, и всю свою жизнь провел в походах и битвах, пытаясь удержать власть. Однако его заслуги несколько иного свойства, чем у Долгорукого. Сын Мстислава пользовался огромным уважением в Киеве, недаром летописец называет его царем. Именно Изяслав с оружием в руках отстаивал принцип передачи власти по прямой линии, от отца к сыну, а не по старшинству, от брата к брату. Он чётко усвоил заветы своего великого деда Владимира Мономаха, который боролся за тот же способ передачи власти. Но если Мономах сумел сделать великим князем своего сына Мстислава, то Изяславу этого повторить не удалось, хотя он и одержал победу над Юрием. Князь неожиданно умер, и всё вернулось на круги своя.

Изяслав Мстиславич прекрасно видел, что передача власти по старшинству порождает нескончаемый круг усобиц между дядьями и племянниками, и осознавал всю пагубность такого порядка вещей. Панацеей от нескончаемой череды кровопролитных войн он считал прямое наследование и всю жизнь сражался за это. И как знать, удайся Изяславу его замысел, то возможно, что очень многих бед удалось бы избежать в дальнейшем.

Подход Юрия к проблеме был иным. Он воевал совершенно за другие идеалы, за «старину», и его планы были прямо противоположны планам племянника. Изяслав был хорош в роли великого князя, а Юрий нет. Для киевлян он всегда оставался чужаком, которого они не признавали, а в итоге открыто возненавидели. Как уже отмечалось, захватывая власть, Юрий просто не знал, что ему с ней делать. Власть ради власти. И если в Ростово-Суздальской земле Долгорукий был на своем месте, то в Киеве он явно терялся. Но, несмотря на многочисленные поражения, суздальский князь оружие складывать не собирался, а был полон энтузиазма продолжать борьбу.

И вот теперь смерть племянника открывала перед ним заманчивые перспективы.

Расстановка сил перед заключительным этапом борьбы Юрия за Киев была следующая. В Киеве, на правах старейшего из рода Мономаха, сидел Вячеслав. В Переяславле-Южном княжил сын Изяслава Мстислав, во Владимире-Волынском его брат Ярослав, а в Смоленске по-прежнему сидел Ростислав Мстиславич.

Изяслав Черниговский, зная нерешительность Вячеслава, решил добыть себе Киев. Подняв дружину, он выступил к Днепру. На переправе его и застал гонец от киевского князя, который поинтересовался, а куда, собственно, идёт Изяслав Давыдович. Но тот нимало не смутился и важно ответствовал, что направляется в Киев отдать последний долг умершему родственнику. Однако получил от ворот поворот: *«Почто приехал, никем не зван будучи? Из-за того возвратись в Чернигов»* (В.Н. Татищев). Понимая, что силой он ничего сейчас не добьётся, Изяслав был вынужден подчиниться. Хотя, что вполне вероятно, он мог узнать о том, что Вячеслав послал в Смоленск за Ростиславом и теперь поджидает племянника. А смоленские полки были весомым аргументом, чтобы охладить амбиции черниговского князя.

Однако Вячеславу и этого показалось мало, и он спешно отправил вестника к сыну Всеволода Ольговича, Святославу, прося его спешно прибыть в Киев с дружиной и пробыть там до прихода Ростислава. Как мы помним, Святослав периодически поддерживал то своего дядю Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого, то Изяслава Мстиславича. И в этот раз он откликнулся на зов Вячеслава, поскольку посчитал, что ему это будет выгодно. Внук Олега Гориславича поддержал сына Мономаха. В ответ Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович обратились к суздальскому князю. Над Русью снова заклубились тучи очередной усобицы.

Тем временем в Киеве появился Ростислав и был принят всей землей. *«Сей князь ростом был средний, лицо широкое и борода круглая, широкая. Прилежал о церкви святой и едва когда пропустил пение, чин святительский чтил и многие милостыни священникам, вдовицам и сирым давал. О воинстве и судах не радел, из-за того в войнах мало счастия имел и в судах тиуны его мздою богатились, и было от них убогим утеснение»* (В.Н. Татищев). Как видим, Ростислав был полной противоположностью своему брату Изяславу, соответственно, и результаты его правления были несколько иные.

Между тем для Вячеслава ровным счетом ничего не изменилось, поскольку вместо умершего племянника бремя власти принял на себя другой. Как выяснилось, и Святослав Всеволодович не прогадал, поставив на Мономашичей, поскольку новый

киевский князь выделил ему в волость Туров и Пинск. Но междоусобица набирала обороты, и вскоре Ростислав получил весть, что Глеб Юрьевич идёт на Переяславль с половецкой ордой. Внук хана Аепы по матери, Глеб легко нашёл общий язык со своими степными родичами, и они оказали ему полную поддержку. Но и Ростислав не дремал, успев отправить в Переяславль к своему племяннику Мстиславу Изяславичу войска. Поэтому, когда под городом появился Глеб с половцами, им было оказано упорное сопротивление. У стен Переяславля завязались ожесточенные бои, Глебу не удалось прорваться в город, и он был вынужден отвести своих людей за Сулу.

Ростислав решил воспользоваться этой победой племянника и окончательно сокрушить Изяслава Давыдовича. Оставив в Киеве Вячеслава, он выступил в поход на Чернигов. Вместе с ним шли племянник Мстислав Изяславич с переяславскими полками, Святослав Всеволодович и черные клобуки. Киевский князь хотел действовать быстро, стремясь опередить Изяслава Давыдовича до его соединения с войсками Юрия и Святослава Ольговича. Огромная рать переправилась через Днепр и остановилась напротив Вышгорода, когда Ростислава настиг гонец и сообщил весть, которая всё переворачивала с ног на голову, — в Киеве умер Вячеслав.

Более неподходящего момента, чтобы покинуть этот бренный мир сын Мономаха и придумать не мог. Согласно летописям, старик весь вечер пировал со своей дружиной, после чего отправился спать. Но так и не проснулся. Поэтому можно понять потрясение Ростислава, который только руками развел и произнес: *«А мы вчера ехали, а онъ добръ и здоровъ»* (Ипатьевская летопись).

Ростислав был вынужден вернуться в Киев, похоронить дядю, а затем снова отправился через Днепр к войскам. Был собран военный совет, на котором должны были решить, как воевать против черниговского князя. И здесь началось разномыслие. Если князья Мстислав Изяславич и Святослав Всеволодович полностью поддерживали намерение Ростислава, то киевская знать теперь была категорически против этой войны. С одной стороны, их пугала складывающаяся коалиция Изяслава Черниговского, Юрия Суздальского и Святослава Ольговича, а с другой стороны, они не были уверены в Ростиславе так же, как и в его умершем брате. Киевляне заявили новому князю: *«Тебе же сейчас не время к войне, потому что ты, ныне приняв престол, довольно с киевлянами не спознался; к тому стрый твой Вячеслав умер и град без князя. Того ради советуем возвратиться в Киев, а не ввязывать себя в дело тяжкое, которому конец не виден»* (В.Н. Татищев). Но Ростислав их мнение проигнорировал и начал наступление на Чернигов.

Узнав об этом, Изяслав Давыдович понял, что ни Долгорукий, ни Святослав Ольгович не успеют прийти к нему на помощь. Выбора у него не было, и он отправил людей к князю Глебу Юрьевичу, который с половецкой ордой отступал от Переяславля. Глеб быстро сообразил, какие заманчивые перспективы открывает перед ним предложение Изяслава. Наступил момент, когда он с помощью половецких сабель и черниговских полков мог добыть отцу златой киевский стол. Изяславу Давыдовичу сейчас было не до Киева, ему бы Чернигов за собой удержать. Взвесив

все за и против, Глеб выступил на помощь. Стояла зима, реки встали, и ничто не задерживало стремительного продвижения орды.

Теперь судьбу киевского княжения Юрия решал не он сам и не его полки. Это делали другие люди и совершенно по другому поводу.

* * *

Когда Ростислав узнал, что к Изяславу Давыдовичу идет на подмогу князь Глеб с половецкой конницей, воинский пыл у киевского князя изрядно поубавился. Как полководец, он не шёл ни в какое сравнение со своим старшим братом и поэтому всегда предпочитал решать дела миром. Вот и в этот раз он затеял пересылку посольствами с черниговским князем. Ростислав требовал, чтобы черниговский князь подтвердил своё желание жить с ним в мире и целовал на этом крест. Но Изяслав на это вполне резонно ответил, что «я *и ныне никакой противности не учинил и мира не нарушал. Того ради крест мне целовать нет причины»* (В.Н. Татищев). Битва стала неизбежной.

Когда Глеб с половцами подошёл к Чернигову, то Изяслав не стал медлить. Вместе с новоявленным союзником он выступил против Ростислава и встретился с вражескими полками у Боловеса. Противников разделяла замерзшая река, но Глеб не рискнул её переходить, а просто выдвинул вперед половецких конных лучников, которые разъезжали вдоль берега и стреляли по киевским дозорным. Ростислав отправил к речке своих стрелков, и вскоре между противниками завязалась яростная перестрелка.

Но здесь произошло неожиданное — видя, что враг превосходит его войска числом, Ростислав снова затеял переговоры с Изяславом. Причем создается такое впечатление, что киевский князь был совершенно не уверен ни в себе, ни в своих войсках. Иначе ничем другим не объяснишь, что он в буквальном смысле слова решился на капитуляцию перед Изяславом Давыдовичем и Глебом: *«Мира прося поча даяти ему подъ собою Киевъ, а подо Мъстиславомъ Переяславлъ»* (Ипатьевская летопись). Но в Переяславле в это время княжит племянник Ростислава Мстислав, посаженный на этот стол отцом Изяславом! Для него решение дядей явилось такой пощечиной, что Мстислав Изяславич вскипел и, в гневе бросив старшему родичу: *«Да ни мне будет Переяславля, ни тобе Киева»* (Ипатьевская летопись), поднял свою дружину и пошёл прочь к Днепру. Оставив своего многоумного дядюшку с малочисленным войском перед лицом грозного врага.

Вот тут Глеб Юрьевич и блеснул ратным мастерством. Получив весть о том, часть вражеских полков покидает боевой стан, он велел половецкой орде переходить реку. Конная лавина устремилась на противоположный берег и пошла на врага. Часть половцев окружила воинство Ростислава, а другая ринулась вдогонку за Мстиславом. Грозно покачивались на ветру половецкие бунчуки, снежная пыль летела из-под копыт коней, несущих в битву степных всадников. Тысячи половцев закружились

вокруг полков Ростислава, привстав на стременах, конные лучники одну за другой посылали стрелы в густые ряды киевлян. Русские ратники поднимали большие щиты, чтобы укрыться от этого смертоносного дождя, но стрелы летели со всех сторон, и спасения от них не было. Ростислав послал в бой воинов с луками, однако ситуацию это не переломило, поскольку половцы, как ветер, носились вокруг русских полков, поражая противника с разных направлений, оставаясь при этом неуязвимыми.

Видя, что полки Ростислава зажаты крепко, Глеб поскакал за отступающей дружиной Мстислава. Половцы уже вели дальний бой с младшими дружинниками переяславского князя, но их было значительно больше, и сраженные стрелами гридни один за другим валились на истоптанный копытами снег. Мстислав понимал, что в этом бою ему не выстоять, а потому хлестнул коня и бросился наутек. За ним побежала дружина, а степняки, как стая волков, ринулись их преследовать. Гридни рассеялись в разные стороны, но половцы не отставали и долго вылавливали их по окрестностям. Сам Мстислав прибежал в Переяславль, быстро забрал оттуда свою семью и ушёл сначала в Луцк, а затем во Владимир-Волынский. Остальным его соратникам повезло меньше.

Ростислав сопротивлялся два дня. Снег стал красным от крови киевлян, убитых и раненых было великое множество. Осознав, что если он так и продолжит стоять на месте, то всех его ратников просто перестреляют, киевский князь велел отступать. Но едва киевляне нарушили строй и стали уходить к Днепру, как половцы взяли их в сабли. В первой же схватке под Ростиславом убили коня, и не избежать бы киевскому князю пленения, если бы не его сын Святослав. Спрыгнув с лошади, он отдал её отцу, а телохранители окружили Ростислава плотным кольцом, и князь покинул поле битвы. Ему удалось прорваться и уйти за Днепр, а Святослав Ростиславич позже также сумел выбраться из этой бойни и убежать в Переяславль. Что же касается Святослава Всеволодовича, то он далеко не ушел, поскольку во время бегства его заарканили половцы.

Разгром был полный и безоговорочный. Ростислав Мстиславич укрылся в Смоленске. Зато победители торжествовали. По этому поводу несвойственную ему щедрость проявил Изяслав Давыдович, который выкупил у степняков не только своего родича Святослава Всеволодовича, но многих киевлян. Впрочем, он уже примеривался к златому киевскому столу, а потому и посчитал необходимым облагодетельствовать своих будущих подданных. И хоть киевляне очень не хотели принимать к себе черниговского князя, но здесь лучшим аргументом в его пользу выступила половецкая орда. Изяслав Давидович вступил в Киев, Чернигов отдал Святославу Ольговичу, а Переяславль — своему союзнику Глебу. Именно новое княжество Глеба Юрьевича больше всего пострадало в этой междоусобице, поскольку во время боевых действий половцы сожгли даже церковь Бориса и Глеба на реке Альте.

Зато Святослав Ольгович проявил мудрость. Он сразу же отказался от Чернигова, пояснив Изяславу Давидовичу, что вскоре в Киеве появиться Юрий с полками. Пусть

лучше Изяслав идёт к себе домой и наслаждается миром. Но тот не внял благоразумному совету родственника и решил оставить всё как есть.

* * *

Всё это время Долгорукий находился в Суздальской земле. В этом году у него родился сын Всеволод, и счастливый отец праздновал его рождение. Однако события в Южной Руси снова отвлекли внимание князя. Прознав про смерть Изяслава Мстиславича, он стал собирать войска и готовиться к новой войне. Утверждение на златом столе Ростислава, смерть Вячеслава, битва у Боловеса и вступление в Киев Изяслава Давидовича происходили с калейдоскопической быстротой, и Юрий пребывал в неведении относительно этих событий. Но тем не менее у него создалось впечатление, что о нём, последнем сыне Мономаха, все забыли. Что ж, он о себе напомнит!

Снова ростовские и суздальские полки выступили в поход. Подойдя к границам Смоленского княжества, Долгорукий узнал, что навстречу ему выступил с полками Ростислав Мстиславич. В данный момент битва совсем не была нужна Юрию, поскольку он только что узнал о сражении у Боловеса. О том, что ему предшествовало, и о том, к каким это привело последствиям. Но тем не менее он изготовился к бою. Однако племянник не стал доводить дело до вооружённого столкновения, а бил дяде челом и признавал его старшинство. Ответ Юрия был очень примечателен: «Со *Изяславом я не мог никак в мире быть, а тебе, не помня зла братова, все оставляю и буду тебя иметь как брата и племянника»* (В.Н. Татищев). Вот и всё. Как оказалось, для Долгорукого проблема разрешалась очень просто: есть Изяслав Мстиславич — есть проблема, нет Изяслава — нет проблемы. Поэтому и был суздальский князь столь снисходителен к Ростиславу, невзирая на то что тот пытался утвердиться на киевском столе. Заключив мир, князья расстались — Ростислав ушел в Смоленск, а Юрий пошел на Киев.

По пути к нему присоединился старый союзник Святослав Ольгович с полками, а у Стародуба прибыл ещё один Святослав — Всеволодович. Князь каялся перед Юрием в том, что был вынужден воевать против него, да и Ольгович заступился за племянника. Юрий простил перебежчика и продолжил наступательное движение на Киев. Во время похода Святослав Ольгович дважды отправлял своих людей к Изяславу Давыдовичу, пытаясь уговорить того оставить столицу добровольно, но все было тщетно. Изяслав упорно не слушал советов двоюродного брата, поскольку *«зане улюбилъ бы Киевъ ему»* (Ипатьевская летопись).

Ситуация изменилась, когда полки Юрия подошли к Моровийску, а Святослав Ольгович встал у Чернигова. Суздальский князь послал в Киев вестника, который передал Изяславу Давыдовичу следующие слова: *«Мне отцина Киевъ, а не тобе»* (Ипатьевская летопись). Тут уже и до упрямого князя дошло, что шутки кончились и пришла пора держать ответ за свои деяния. Понимая, что против столь грозной силы

ему не выстоять, Изяслав был вынужден склониться перед волей Долгорукого и признать его старшинство. Оправдываясь тем, что на княжение его призвали сами киевляне, Изяслав Давыдович ушел в Чернигов. 20 марта 1155 года Юрий снова вступил в Киев и в третий раз сел на златом престоле своего отца.

* * *

Осталось сказать немногое. Те войны, которые повел Юрий в дальнейшем, он вел уже как киевский князь, а потому я не вижу смысла их разбирать. В очередной раз сев в Киеве, Долгорукий показал, что никаких выводов из прошлых неудач он не сделал. Как и положено, произвел новый передел волостей в пользу своих детей: Андрею дал Вышгород, Борису — Туров и Пинск, а Василько отправил в Поросье. Глеб же так и остался в Переяславле. Своим преемником Юрий видел Андрея, но старший сын совершенно не связывал своё будущее с Киевом, а отдавал предпочтение Ростово-Суздальской земле. Туда он вскоре и ушёл из Вышгорода, открыто воспротивившись отцовской воле.

Ещё хуже получилось в Новгороде. Там, согласно Новгородской I летописи младшего извода, *«бысть котора зла въ людъхъ, и въсташа на князя Мъстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити из Новагорода».* В очередной раз новгородцы погнали от себя очередного сына Долгорукого. Был перекрыт мост через Волхов, у городских ворот выставлена усиленная стража, а сам Мстислав оказался на положении пленника. Вскоре в городе появились сыновья Ростислава Смоленского Святослав и Давьщ. Вот тогда Мстислав воспользовался творившейся в Новгороде суматохой и ночью убежал из города. А через три дня на берегах Волхова объявился сам Ростислав и сумел призвать горожан к порядку. Это был тревожный звонок для Юрия, но он не обратил на него внимания.

В целом Долгорукий вел себя в Киеве так, будто и не было у него за плечами горького опыта прежних княжений. Затеял совершенно ненужную войну с волынским князем Мстиславом Изяславичем, а затем испортил отношения с Ростиславом Смоленским и Изяславом Черниговским. Но главное, он так и не сумел найти общий язык с киевлянами, которые были готовы призвать на княжение кого угодно, только бы не терпеть над собой Долгорукого. Всё это в совокупности и дало надежду Изяславу Давыдовичу попытать киевского стола. Хитрый черниговский князь никогда не решился бы на такое, если бы не видел, что Юрий как правитель совершенно провалился в делах внешней и внутренней политики. Хотя он и пытался урегулировать отношения с черниговским князем, женив сына Глеба на дочери Изяслава Давыдовича. Но не помогло.

Против Долгорукого объединились те, кому на роду написано было быть между собой злейшими врагами: *«Нача рать замышляти Изяславъ Давыдовичъ на Гюргя и примири и к собе Ростислава Мьстиславича и Мъстислава Изяславича»* (Ипатьевская

летопись). Звали и Святослава Ольговича, но тот отказался выступить против союзника.

Удивительно, но Юрий и в этот раз не заметил создание направленной против него коалиции. Он пил, гулял и веселился, а Изяслав в это время уже назначил день выступления в поход на Киев. Однако, когда черниговские полки были готовы выступить, к Изяславу Давыдовичу явилось посольство киевлян и попросило его на великое княжение. Месяца мая в среду на ночь скончался Юрий Долгорукий, и столица призывала к себе черниговского князя. Громогласно объявив, что так рассудил Бог его спор с Юрием, Изяслав отправился в Киев.

* * *

Причудливы были зигзаги судьбы князя Юрия. Прирожденный администратор и талантливый организатор, но посредственный полководец, он воевал всю свою жизнь. Трижды захватывая Киев и утверждаясь на златом столе, он реально не знал, как грамотно распорядиться полученной властью. Наводил на Русь половцев и явился зачинщиком многих междоусобиц. Жёг и опустошал русские земли. Единственным положительным результатом деятельности суздальского князя в Южной Руси для него лично стало то, что он сумел удержать Переяславль-Южный за своими потомками.

Хотя, с другой стороны, не будь многочисленных походов Юрия Долгорукого на юг, вряд ли его сын Андрей Боголюбский сумел бы нанести смертельный удар по Киеву. И низвести мать городов русских до положения столицы обыкновенного удельного княжества, сделав при этом новым центром Руси Владимир-Суздальский. В истории все взаимосвязано.

Возвращаясь к Юрию, стоит отметить, что совсем иной результат его деяний мы наблюдаем в Северо-Восточной Руси. Именно трудами Долгорукого залесское захолустье было превращено в одно из сильнейших княжеств Русской земли. Благодаря его титаническим усилиям стал возможен дальнейший небывалый взлет сначала Ростово-Суздальской, а затем Владимиро-Суздальской земли. Именно князь Юрий заложил первый камень в основание той России, в которой мы сегодня живем. Поэтому лучшим памятником легендарному князю являются основанные им города и белокаменные соборы, возведенные в те грозные времена и достоявшие до наших дней.

И совершенно справедливо, что в народной памяти Юрий Долгорукий остался именно как великий созидатель, а не разрушитель.

III. ПОХОДЫ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

1. Первые победы (1157–1164 год)

Того же лета ходи князь Андрей Юрьевич на Болгары сь сыном своим Изяславом и з братом своим Ярославом и с муромским князем Юрьем и з собою ношаху икону святыя Богородица чюдотворную.

Пискаревский летописец

Андрей Боголюбский не был таким воинственным правителем, как его отец Юрий Долгорукий. Человек отчаянной храбрости, лично водивший дружину в атаку и всегда сражавшийся в первых рядах, неоднократно находившийся на волосок от смерти и не раз раненный в бою, он не был склонен к частым военным авантюрам. Став князем в Суздальской земле, Боголюбский лишь один раз возглавит военный поход, а в остальные будет посылать сыновей или подручных князей. Да и больших походов при нем будет гораздо меньше, чем при Долгоруком, — всего четыре. Но зато два из них будут иметь решающее значение для дальнейшей судьбы Руси. Первый — это когда войска Андрея захватят Киев и после невиданного погрома мать городов русских навсегда потеряет своё прежнее значение. А второй знаменуется крупной неудачей, поскольку князю не удастся подчинить новгородскую вольницу.

У Андрея были иные приоритеты, чем у отца, и по мере своих сил он старался не влезать в кипящий котел усобиц Южной Руси. Делал это только тогда, когда напрямую затрагивались его интересы.

Начало княжения Андрея Юрьевича в Ростово-Суздальской земле не ознаменовалось ни какими-либо потрясениями, ни смутой. Согласно Лаврентьевской летописи, ростовцы и суздальцы после смерти Юрия Долгорукого в мае 1157 года единодушно признали Андрея как своего князя: *«И посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали».* Местная знать отлично знала, что внешняя политика Андрея будет радикально отличаться от той, которую проводил его отец. Что не будет изнуряющей борьбы за Киев и никому не нужных разорительных походов в Южную Русь. И хотя у нового князя было достаточно ресурсов, чтобы продолжить деятельность отца в этом направлении, Андрей полностью отказался от мысли вступить в схватку за златой киевский стол.

Этот судьбоносный момент очень точно подметил Н.М. Карамзин: *«.Суздаль, Ростов, дотоле управляемые Наместниками Долгорукого, единодушно признали Андрея Государем. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной, благоустройства в своем наследственном Уделе; основал новое Великое Княжение Суздальское, или Владимирское, и приготовил Россию северо-восточную быть, так сказать, истинным сердцем Государства нашего, оставив полуденную в жертву бедствиям и раздорам кровопролитным».*

И действительно, если мы посмотрим на первые годы правления Андрея, то мы увидим, что князь целиком сосредоточился на внутренних проблемах своего княжества, а о походах в соседние земли даже речи нет. Игнорируя развернувшуюся после смерти отца борьбу за Киев, Андрей Юрьевич разворачивает в Ростово-Суздальской земле масштабное строительство.

Согласно Лаврентьевской летописи, в апреле 1158 года князь закладывает во Владимире-Суздальском Успенский собор. Судя по всему, именно по его приказу зодчие строят храм выше Софийского собора в Киеве. Его высота по центральной главе составляет 32,3 м, в то время как киевский имеет 28,6 м. Андрей Боголюбский никогда ничего не делал просто так, и желание принизить Киев здесь налицо. Однако помимо строительства Успенского собора князь начинает расширять непосредственно и сам город Владимир. С запада, со стороны огромного Раменского поля, возводится система мощнейших укреплений, построенных по последнему слову оборонительной техники на Руси того времени. Высота земляных валов на этом участке достигает 10 м, а глубина рва доходит до 6 м. Четверо ворот — Медные, Иринины, Волжские и сложенные из белого камня Золотые — ведут в эту крепость, которую теперь называют Новым городом. Именно здесь располагались княжеские дворы Андрея Боголюбского и Юрия Долгорукого, посреди которых высились два белокаменных храма — Спаса и Святого Георгия. С восточной стороны городской посад защищали укрепления Ветшаного города, в который можно было попасть через каменные Серебряные ворота. Общая протяженность новой оборонительной линии теперь была более 7 км, и это делало Владимир-Суздальский самой большой крепостью на Руси.

Успенский собор во Владимире. XII в. Фото автора

В 10 км от города Андрей строит себе загородную резиденцию, каменный замок Боголюбово. В своё время Юрий Долгорукий построил в окрестностях Суздаля укрепленную резиденцию в Кидекше, и, скорее всего, здесь сын последовал примеру отца.

Однако, пока Андрей Юрьевич занимался сугубо мирными делами, в Южной Руси продолжали бушевать междоусобные войны. Рассмотрим вкратце, что же там происходило.

*** * ***

Утверждение в Киеве Изяслава Давыдовича не принесло земле спокойствия. Люди, недовольные его политикой, нашлись быстро, поскольку Изяслав сразу же занялся перераспределением княжеских столов. Впрочем, как и любой другой князь,

оказавшийся на златом киевском престоле. Не он первый, не он последний. Но тут неудачи посыпались на Изяслава.

Решив забрать город Туров у князя Святослава Ярославича, новый киевский князь сколотил мощную коалицию и выступил в поход. Однако предприятие закончилось полным провалом, поскольку бездарно простояв под стенами города десять недель, Изяслав не достиг даже малейшего успеха. И когда начался конский падеж из-за вспыхнувшего мора, он был вынужден с позором отступить от Турова.

Дальше — больше. Изяслав Давыдович вступил в военный конфликт с могущественным галицким князем Ярославом Осмомыслом. Гораздо более мудрый и рассудительный Святослав Ольгович, верный союзник Юрия Долгорукого, попытался предостеречь двоюродного брата от необдуманного шага, но куда там! Изяслав пообещал отнять у родственника Чернигов, а самого Олега прогнать в Новгород-Северский. Правда, после того, как сам закончит войну с Галичем: *«Аже ми Богъ даешь успею Галичю, а ты тогда не жалуй на мя, оже ся почнешь поползывати, изъ Чернигова къ Новугороду»* (Ипатьевская летопись). Однако, насмерть рассорившись с двоюродным братом, Изяслав сделал хуже только самому себе.

Не надеясь только на собственные силы, новый киевский князь послал своего племянника Святослава в степь за половцами, а сам расположился станом у Василева. Но пока он занимался этими организационными мероприятиями, политическая ситуация изменилась радикально, поскольку Ярослав Галицкий заключил союз с Мстиславом Изяславичем Волынским и Владимиром Андреевичем Пересопницким. И союзники сумели опередить Изяслава Давидовича. Мстислав вместе с двоюродным братом Владимиром вторгся в Киевские земли и с ходу захватил Белгород. Изяслав, понимая, что иного выбора у него теперь нет, ринулся отбивать город.

И тут ему сильно повезло. Когда Изяслав Давидович разбил лагерь у стен Белгорода, к нему на помощь прибыл хан Башкорд, приведя в распоряжение родственника 20 000 всадников. Дело в том, что этот знатный половец приходился отчимом племяннику Изяслава, Святославу Владимировичу. После трагической гибели Владимира Давыдовича в битве на реке Руте, его вдова бежала в степь и стала женой Башкорда: *«Бе бо маши его бежала в Половцы и шла за нь»* (Ипатьевская летопись). Обычно русские князья брали себе в жёны половчанок, а здесь всё случилось наоборот. Причем, судя по всему, мужа себе княгиня выбрала сама.

В. Верещагин. Князь Изяслав Давидович

Изяслав простоял под Белгородом двенадцать дней. Всё это время Мстислав и Владимир выводили за стены свои дружины и вступали в сражение с противником. Но помимо этого, они ввели тайные переговоры с черными клобуками, которые не желали видеть Изяслава Давыдовича киевским князем. И здесь, конечно, огромную роль сыграл тот авторитет, которым пользовался у киевлян отец Мстислава, князь Изяслав. Слава отца распространилась и на сына.

Всё закончилось достаточно быстро. Черные клобуки поехали к стенам Белгорода, призывая Мстислава, и князь выехал им навстречу, приветствуя своих новых союзников. Когда об этом стало известно Изяславу Давыдовичу, то он прихватил своего племянника Святослава и убежал в Вышгород, предварительно отправив гонца к жене в Киев. Княгиня бежала в Переяславль к зятю Глебу. Что же касается половцев, то, оставшись без командиров, они начали отступление в степь. Упорные бои развернулись у Юрьева и на переправах через Рось, поскольку черные клобуки старались перехватить отступающего врага. Множество половцев пало в сражениях и утонуло в реке, немалое количество попало в плен. Война Изяслава

Давыдовича против Ярослава Осмомысла закончилось полной катастрофой, и 12 декабря 1158 года полки Мстислава вступили в Киев.

Однако сын князя Изяслава поступил по совести и справедливости. Он прекрасно понимал, что старейшим в роду Мономаха является его дядя Ростислав Мстиславич. Невзирая на некоторые недоразумения в прошлом со своим старшим родственником, Мстислав знал, что его дядя — человек в принципе неплохой и незлопамятный. С другой стороны, волынский князь не хотел провоцировать новую усобицу, в которой правда будет не на его стороне. Поэтому он и отправил послов к Ростиславу, приглашая дядю занять киевский стол. Предложение было с благодарностью принято, и 12 апреля 1159 года киевляне торжественно встречали нового князя.

Однако не тот человек был Изяслав Давидович, чтобы вот так, без борьбы, уступить первенство на Руси. Для начала князь занялся поисками виноватого в собственных неудачах. Думать долго не пришлось, князь ушел в землю вятичей и с остервенением принялся грабить владения двоюродного брата. А затем, снова призвав под свои стяги половцев, пошел отбивать Чернигов. За город развернулись тяжелые многодневные бои, Изяслав то переходил в наступление, то спешно отступал прочь. Святослава Ольговича поддержал Ростислав Киевский, который прислал ему на помощь сына Рюрика с дружиной. Также Чернигов защищали полки Святослава Всеволодовича, племянника черниговского князя. В итоге всё закончилось очередным разгромом Изяслава Давыдовича, и тот снова убежал в землю вятичей.

В этот раз неугомонный князь засел в городе Вщиж, где правил его племянник Святослав Владимирович. Желая хоть как-то навредить своему недругу Ростиславу Мстиславичу, Изяслав стал совершать набеги на смоленские земли. Терпение киевского князя лопнуло, и он повелел смирить смутьяна. Объединенную рать возглавил Святослав Ольгович, с которым пошли сын Олег и племянник Святослав Всеволодович. Вместе с ними в поход выступили Рюрик Ростиславич с киевскими полками, его брат Роман со смоленской дружиной, полоцкие князья Ярослав и Константин, а также отряд из Галича. Устоять против мощной коалиции у Изяслава не было никаких шансов, а потому он стал лихорадочно искать себе союзников. Поразмышляв, Изяслав пришел к довольно печальному выводу: на Руси ему может помочь только один человек — суздальский князь Андрей Юрьевич. Только захочет ли он связываться с беглецом?

* * *

За тем, что происходит в Южной Руси, Андрей наблюдал со стороны, никуда не вмешиваясь. Напрямую его это пока не касалось, а торопить события Боголюбский не хотел. Однако, когда перед ним предстал посланец Изяслава Давыдовича и передал предложение своего князя, Андрей Юрьевич задумался крепко. А предлагал ему Изяслав ни много ни мало как военный союз, скрепленный династическим браком.

Для своего племянника Святослава Владимировича (того самого, у которого половецкий хан был отчимом) князь просил руку дочери Андрея.

С одной стороны, поддерживая Изяслава, владимирский князь рисковал втянуться в круговорот южнорусских усобиц, а это ему было абсолютно не нужно. Да и Изяслава Давидовича Боголюбский знал не с самой лучшей стороны, как человека ненадежного и вероломного. Но с другой стороны, Андрея не мог страшить союз между Мстиславичами и Ольговичами, пусть даже и вынужденный. Выбрав из двух зол, как ему казалось, меньшее, князь принял предложение Изяслава Давыдовича. Но сам в поход не пошел, а отправил своего сына Изяслава с полками. Мало того, ему удалось привлечь к этой войне и муромского князя, чья дружина тоже выступила под стягом Боголюбского.

Эта своевременная помощь была необходима бывшему киевскому князю, поскольку именно в это время рать Святослава Ольговича осадила Вщиж. Но Святослав Владимирович уже знал о том, что на помощь ему идут дядя Изяслав и суздальская рать, а потому бился крепко, уверенно отражая все вражеские атаки. Осада продолжалась пять недель, а успехи осаждающих оказались равны нулю. Когда же Святослав Ольгович со товарищи узнали о том, какие силы идут на помощь осажденному Вщижу, то они перепугались не на шутку. После этого осада закончилась быстро: *«Слъшавше идуча Изяслава Андреевича съ силою многою Ростовъскою, убоявшеся и даша ему миръ, възворотишася»* (Ипатьевская летопись).

Вот так. Одного только слуха о том, что идут ростовские и суздальские полки, оказалось достаточно, чтобы мощная коалиция свернула боевые действия. Это говорит только о том, насколько на Руси был высок авторитет Андрея и насколько остальные князья опасались военной мощи Владимиро-Суздальской земли. Узнав про отступление врага, Изяслав Андреевич развернул полки и пошел назад.

Впрочем, та же самая Ипатьевская летопись в другой версии рассказа об осаде Вщижа сообщает о том, что согласно условиям мирного договора Святослав Владимирович признавал Святослава Ольговича *«въ отца место»* и обещал *«въ всей воле его ему ходити»*.

Но это не значило ровным счётом ничего. Мы видели, как князья держали крестное целование или выполняли данные друг другу обещания. Поэтому и будущий зять Боголюбского мог действовать по принципу, что сказать можно всё что угодно, а там посмотрим. Он знал, что помощь ему идёт, вопрос заключался в том, когда она подойдёт. Ведь каждый день осады дорого обходился его земле, вражеские войска жгли его деревни и села. А быстро согласившись на предложенный ему мир, Святослав Владимирович просто спас свою землю от окончательного разорения. Могло быть и так.

Что же касается Изяслава Давыдовича, то он отправился в Волок Ламский, на встречу с Андреем Юрьевичем. Там при личной встрече князья ударили по рукам и обсудили дела как свадебные, так и политические. После чего расстались, взаимно довольные друг другом.

Как видим, первое вмешательство Андрея в южнорусские дела было довольно успешным, а главное, бескровным. Князь понял главное — его боятся, а раз боятся, значит, уважают.

Сразу же после встречи с Изяславом Давыдовичем Андрей отправил на берега Волхова посла, который передал новгородцам следующие слова: «**Хочю искати Новагорода, и добромъ и лихомъ**» (Ипатьевская летопись). Князь не скрывал своих намерений, а заявил о них конкретно и жестко. Как следствие, в Новгороде началась смута, поскольку определенные круги по-прежнему поддерживали Ростислава Киевского, а другие стали склоняться на сторону Андрея. Всё закончилось тем, что княживший в городе Святослав Ростиславич, сын киевского князя, был посажен в поруб, его дружинники арестованы, а имущество разграблено. Узнав о том, что Ростислав Мстиславич в ответ велел похватать всех новгородцев, оказавшихся в Киеве, вечевики отправили посольство в Суздаль — просить на княжение сына Андрея.

Но здесь дело неожиданно застопорилось. Проблема заключалась в том, что Боголюбский сватал им своего брата Мстислава, который раньше уже княжил на берегах Волхова, а новгородцы требовали княжеского сына. Стороны долго препирались, но в итоге сумели прийти к компромиссу, и в Новгород поехал племянник Андрея, тоже Мстислав, сын его старшего брата Ростислава.

Это был очередной успех владимирского князя. Конечно, он понимал, что всё это очень шатко и если дело касается Новгорода, то ни в чём нельзя быть уверенным до конца. Непостоянство и непоследовательность новгородцев были очень хорошо известны на Руси. Однако в данный момент Андрей победил, а о том, что будет дальше, гадать не имело смысла.

* * *

Вскоре напомнил о себе Изяслав Давидович. Воспользовавшись возникшими среди Ольговичей разногласиями, он перетянул на свою сторону Святослава и Ярослава Всеволодовичей и, что особенно примечательно, сына Святослава Ольговича Олега. Во главе дружин родственников и половецкой орды князь двинулся к Переяславлю, где княжил его зять Глеб, младший брат Андрея Боголюбского. Бывший киевский князь решил склонить родственника к совместному наступлению на Киев, но Глеб наотрез отказался. Не его это было дело.

Изяслав Давидович преисполнился праведного негодования и, решив проучить несговорчивого зятя, осадил Переяславль. Но это была серьёзная ошибка, поскольку, пока его войска пытались овладеть городом, Ростислав успел призвать под свои стяги союзных князей и выступил в поход. А дальше произошло то, что и должно было произойти: узнав о том, что полки киевского князя подошли к Треполью, Изяслав Давидович прекратил осаду и отступил. Половцы ушли в степь, а союзные Ольговичи разошлись по домам.

Изяслав Давыдович и не думал сдаваться: зимой 1161 года он повторил попытку. Вновь призвав Ольговичей и наняв половцев, неутомимый искатель златого киевского стола выступил в поход. В этот раз он действовал гораздо успешнее. Выведя свою рать напротив Вышгорода, Изяслав перешел Днепр по льду и подошел к киевскому пригороду Дорогожичи. Навстречу ему вышел с полками Ростислав, и 8 февраля произошла битва, решившая судьбу Киева. Сражение было масштабным и настолько ожесточенным, что летописец сделал довольно примечательное замечание: «**И тако страшно бе зрети, яко второму пришествию быти**» (Ипатьевская летопись). Однозначно, что подобное наблюдение могло быть записано только со слов очевидца.

Желая свести к минимуму потери от атак половецкой конницы, Ростислав и его союзник Владимир Андреевич перегородили частоколом пространство от Днепра до горы, а за ними расположили свои войска. После длительной перестрелки противники сошлись в рукопашной, и здесь перевес оказался на стороне ратников Изяслава Давидовича. Половцы прорвались через укрепления и проникли в город. Желая вызвать панику как среди населения Киева, так и в рядах войск Ростислава, степняки подожгли столицу: «*Я зажгоша дворъ Лихачевъ поповъ и Радъславлъ*» (Ипатьевская летопись). Расчёт оказался верен. Увидев поднимающиеся над Киевом густые клубы дыма, первыми дрогнули черные клобуки. Берендеи и торки обратились в беспорядочное бегство, причем одни побежали через город к Угорскому урочищу, а другие — в сторону Золотых ворот.

Видя, что единая оборона рухнула и сдержать вражеский натиск не удастся, ближняя дружина обратилась к Ростиславу с просьбой покинуть столицу и отступить в Белгород. И, засев в этой мощной крепости, дожидаться, когда на помощь придут племянники и другие союзники. Князь с этими разумными доводами согласился и вместе с семьей спешно уехал из города, предоставив воеводам самим выводить из Киева полки. Уже в Белгороде к нему присоединились племянники Ярослав и Ярополк, а Владимир Андреевич отправился в Поросье, чтобы привести новые отряды черных клобуков. Распорядившись сжечь острог и посад, Ростислав затворился в Детинце и приготовился к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Но пока торжествовал Изяслав Давыдович. Князь вступил в Киев 12 февраля, однако торжество было испорчено зловещими предзнаменованиями: *«Бысть знамение в луне страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо от въстока до запада, изменяючи образы своя»* (Ипатьевская летопись). Однако нового киевского князя это не смутило, он был полон энтузиазма добить своего врага. Снова отвергнув увещевания Святослава Ольговича прекратить братоубийственную войну, Изяслав выступил на Белгород. Однако, будучи бездарным военачальником, в очередной раз провалил успешно начатое дело. Что имело на этот раз для него роковые последствия.

Осада крепости затянулась на четыре недели, дружина Ростислава билась крепко, и как ни неистовствовал Изяслав Давыдович, но поделать ничего не мог. А тем временем на выручку Ростиславу Мстиславичу шло огромное войско союзников. Племянник Мстислав Изяславич вел на помощь дяде волынские полки и галицкую дружину, которую прислал Ярослав Осмомысл. Сын Рюрик, Владимир Андреевич и

правивший в Торческе сын Юрия Долгорукого Василько вели черных клобуков. Войска соединились у Котелничей и пошли к Белгороду.

Отправившиеся на разведку черные клобуки столкнулись с половецкими разъездами Изяслава и обратили их в бегство. А дальше степняки прискакали к Изяславу Давыдовичу и сообщили о приближении громадной рати союзников. Как вы думаете, что он сделал, когда получил столь тревожную весть? Правильно, бросил войско и пустился наутек. Не соизволил даже лазутчиков послать или сам съездить на разведку и посмотреть, что к чему. Такое безответственное и трусливое поведение удивило даже летописца: «**Изяславъ же ни полковъ видивъ, побеже от Белагорода**» (Ипатьевская летопись).

Впрочем, в этот раз даже быстрый конь не сумел уберечь авантюриста от беды. Ростислав с племянниками вывели из города дружины и атаковали вражеский стан. Практически одновременно подошли полки Мстислава Изяславича, и начался разгром войск Изяслава Давыдовича. Множество беглецов было иссечено черными клобуками, немалое количество приближенных Изяслава попало в плен. Сам князь бежал к озерам и уже практически въезжал в спасительный лес, когда его настигла погоня. Некто Воибор Негечевич догнал Изяслава и ударил саблей по голове. Князь стал заваливаться в седле, и в этот момент товарищ Негечича поразил беглеца копьем в бедро. Изяслав Давыдович рухнул с коня на землю и был окружен преследователями. Киевского князя смертельно раненного привезли к Ростиславу и Мстиславу Изяславичу, и там он отдал Богу душу. Случилось это 6 марта 1161 года.

В. Верещагин. Князь Ростислав Мстиславич и умирающий Изяслав Давидович

Вот и всё. Так закончился жизненный путь Изяслава Давыдовича, который, кроме горя и несчастий, ничего не принес Русской земле. Прожжённый интриган и бездарный полководец, он был зачинщиком многих междоусобиц. Гоняясь с братом Владимиром за личной выгодой, они дошли до того, что в битве на Руте встали один против другого, надеясь при любом раскладе получить прибыль. Чем это всё закончилось, нам известно. И вот теперь заслуженная кара настигла самого Изяслава. В.Н. Татищев так прокомментировал смерть князя: *«Сия была мзда неутолимой злобе и властолюбию, сие есть воздаяние за клятвопреступление от Бога: много неправо собрав, все вдруг погубил; никому не ведомо, какой суд примет он в будущем».*

Что же касается Андрея, то разгром и смерть Изяслава Давидовича ударили и по нему. Брат Василько Юрьевич потерял княжение в Торческе, откуда его вывел Ростислав Изяславич. А затем, пользуясь сменой власти в Киеве, новгородцы изгнали из города племянника Андрея Мстислава. В начале осени в Новгород приехал Святослав Ростиславич, сын киевского князя, и на берегах Волхова всё затихло.

Однако владимирский князь до поры до времени против новгородцев никаких мер не принимал, хотя и сделал зарубку на память. Боголюбский вновь занялся внутренними делами своего княжества.

* * *

Согласно сообщению Никоновской летописи и известиям В.Н. Татищева, в том же 1161 году Андрей отправил в поход против донских половцев своего сына Изяслава. Вместе с ростовскими и суздальскими полками в поход пошли муромские и рязанские князья со своими дружинами. Перейдя Дон, русская рать сошлась с половецкой ордой и в упорной битве нанесла поражение степнякам. Разбитая половецкая конница рассыпалась по степи, а княжеские дружины сломали строй и бросились их преследовать. Однако кочевники, в отличие от своих противников, прекрасно знали местность и, отступая, заманили гридней в болото. После чего вновь собрались под бунчуки ханов и ринулись в новую атаку.

Разбросанные по степи русские отряды были вынуждены снова вступить в бой с половцами. Потери с обеих сторон были страшные, но князья сумели привести свои войска в порядок и ещё раз разбить половецкую конницу. Степняки отступили, и в этот раз их никто уже не преследовал. Понимая, что к врагу могут подойти подкрепления, а также из-за больших потерь, Изяслав Андреевич принял решение поход прекратить и вернуться домой.

В течение нескольких лет Андрей Боголюбский не вел активной внешней политики, занимаясь делами внутренними. Желая упрочить свою власть и избежать дробления княжества на мелкие уделы, в 1162 году он пошел на радикальный шаг и изгнал из Ростово-Суздальской земли своих сводных братьев, племянников и старых отцовских бояр: *«Хотя самовластецъ быти всей Суждальскои земли»* (Ипатьевская летопись). В итоге Мстислав, Василько и малолетний Всеволод с матерью покинули Русь и отправились в Византию, а Михалка остался у брата Глеба в Переяславле-Южном. В феврале 1164 года умирает старый союзник Юрия Долгорукого Святослав Ольгович, и новым черниговским князем становится его племянник Святослав Всеволодович.

Между тем летом этого же года владимирский князь организовал масштабный поход против Волжской Болгарии. О причинах этого вооружённого конфликта летописи не сообщают, вполне возможно, что имели место мелкие болгарские набеги. Хотя всё могло быть и с точностью до наоборот, поскольку русские в своем продвижении на восток могли посчитать необходимым сокрушить недружественное государство.

Примечательно, но в этот раз Боголюбский лично возглавил войска, что являлось случаем исключительным. Как мы помним, в войнах Юрия Долгорукого Андрей всегда водил лично в бой как дружину, так и половецкую конницу, находясь на острие атаки. Не раз и не два подвергал он свою жизнь опасности, бросаясь в самую гущу

рукопашной, неоднократно был ранен. Но все изменилось, когда Андрей Юрьевич стал княжить в Ростово-Суздальской земле. Он теперь предпочитал посылать в походы сыновей, сам оставаясь при этом в столице. Но в войне против болгар Андрей во главе воинства идет на врага. Почему? Вполне возможно, что он считал ниже своего статуса водить полки против русских князей, а против врага внешнего полагал необходимым лично возглавить рать.

Но был и ещё один момент, который необходимо учитывать, когда речь заходит о том, почему Андрей отправился на войну, — религиозный. Дело в том, что в поход взяли икону Богородицы, ту самую, что князь когда-то вывез из Вышгорода. А это в корне меняло ситуацию, поскольку теперь поход против мусульманской страны принимал вид богоугодного дела. И кому же возглавить столь значимое мероприятие, как не самому князю!

Вместе с Андреем Юрьевичем в поход пошли его брат Ярослав, сын Изяслав и муромский князь Юрий Владимирович. Согласно Лаврентьевской летописи, взятию болгарских городов предшествовало масштабное сражение, в котором болгары потерпели полное поражение. Примечательно, что в этой битве русские полки осеняла чудотворная икона, что и было прилежно отмечено летописцем: *«Стояху же пеши съ святою Богородицею на полчище подъ стягы»* (Лаврентьевская летопись). Результат был соответствующий. Дружинники и пешие ратники перебили множество вражеских воинов и захватили неприятельские знамена. Болгарский военачальник (князь Болгарский, как называет его летописец) убежал с поля боя *«едва в моле дружине»* (Лаврентьевская летопись). Потери русских были минимальные, а потому они продолжили наступление.

Болгарская правящая верхушка засела в своей столице, которую летописец называет Великим городом, бросив беззащитную страну на произвол судьбы. Русская рать огнем и мечом прошлась по Волжской Болгарии, полки продвигались по реке Каме, разграбив и спалив дотла три болгарских города. Последней жертвой войск Андрея Боголюбского стал большой город Бряхимов, который летописец именует *«славный»*. На штурм русские шли с молитвами и под церковные песнопения, сметая вражеских воинов со своего пути. Победа была полной, но тем не менее Андрей Юрьевич войска на вражескую столицу не повел, а решил возвращаться в Суздальскую землю. Трудно сказать, почему он так поступил. То ли посчитал, что и так проучил восточного соседа достаточно, а может, были у князя и другие резоны.

Храм Покрова на Нерли. Фото автора

Однако сама победа была полной и безоговорочной. Но её радость вскоре омрачилась большим горем владимирского князя, поскольку после возвращения войск из похода умер его сын и наследник Изяслав. В память о нем и в честь победы над Волжской Болгарией по приказу Андрея возведут знаменитую церковь Покрова на Нерли. Причем, согласно одной из легенд, построена она будет из белого камня, который волжские болгары обязались поставить Андрею в качестве контрибуции для возведения соборов во Владимире-Суздальском. Боголюбский велел оставлять каждый десятый камень на месте будущего строительства, и вот из них и был возведен храм. Но это просто предание и не более того.

Между тем Андрей продолжил активную внешнюю политику. Под 1166 годом Лаврентьевская летопись сообщает о новом военном предприятии князя. В этот раз он лично в походе не участвовал, отправив во главе войск сына: *«Тое же зимы иде Мстиславъ за Волокъ».* Заволочьем в X—XIII веках называли район рек Онеги и Северной Двины, к северу от Белого озера. Земли эти были очень богаты пушниной,

также там добывали соль. Вполне естественно, что они стали местом столкновения интересов Владимиро-Суздальского княжества и Господина Великого Новгорода, желающих единолично распоряжаться в богатом регионе. Поэтому, отсылая туда Мстислава с дружиной, Андрей решал проблему радикально, подчиняя местное население своей власти.

2. Падение Киева (1165–1169 год)

Того же лета посла Андрей сына своего Мстислава с ростовцы и з суздалцы, и володимерцы на киевскаго князя Мстислава, и единех князей 11, и взя Киев.

Пискаревский летописец

14 марта 1167 года в селе Зарубе умер киевский князь Ростислав Мстиславич. Князь был старшим в роду Мономаха и последним из киевских князей, кто пользовался определенным авторитетом среди многочисленных родственников. Несмотря на то что между ним и племянниками иногда возникали конфликты и недоразумения, до вооружённых столкновений дело не доходило, поскольку благодаря личным качествам Ростислава проблема решалась мирным путем. Когда же старому князю самому угрожала непосредственная опасность, то младшее поколение потомков Мономаха с оружием в руках вставало на защиту дяди. И пусть равновесие было достаточно хрупким, тем не менее оно сохранялось. И вот теперь, в связи с кончиной Ростислава Мстиславича, оно грозило нарушиться.

Дело в том, что его смерть могла спровоцировать очередную усобицу, которая неминуемо возникла бы после нового передела княжеских столов. А в том, что такой передел будет, никто не сомневался. Однако, что всего вероятнее, вопрос о том, кто займет киевский стол после смерти старого князя, был решен ещё при жизни Ростислава. Как мы помним, Мстислав Изяславич в свое время уступил своему дяде Киев, выбив из столицы Изяслава Давидовича. Просто так столь широкие жесты не делают, и князья по-любому должны были обсудить вопрос наследования. В свое время отец Мстислава, Изяслав, имел похожую договоренность с дядей Вячеславом, только вот умер он раньше своего престарелого родственника. Но волынскому князю ничего не мешало пойти по стопам отца.

Разница была в том, что Изяслава киевляне любили и были готовы за него сражаться до конца, а Мстислав такой искренней любовью в столице не пользовался. Ростислава князья уважали как за старшинство в роду Мономаха, так и за рассудительность и порядочность, а Мстислава Изяславича они просто боялись. Да, многочисленные родичи Волынского князя согласились с тем, что он будет княжить в Киеве. Да, признали до поры до времени его старшинство. Но всё это было относительно, и никто даже и предположить не мог, как дальше будут развиваться события. Мстислав был силен, но был на Руси человек и посильнее его, ещё не сказавший своего слова, которое могло оказаться решающим. Как вы понимаете, это Андрей Боголюбский. Но владимирский князь молчал, и это молчание пугало остальных князей.

Все это знал и Мстислав. Поэтому он сначала действовал очень осторожно и даже довольно долго не появлялся в Киеве, послав туда сначала своего родственника

князя Василька Ярополчича. Мстислав Изяславич прекрасно понимал, насколько трудным будет его княжение в Киеве. Ситуацию блестяще охарактеризовал В.Н. Татищев: *«Мстислав же, видя, что великое княжество Киевское осталось и так весьма скудно, что всеми градами, издревле к Киеву принадлежащие, другие князи владели, как например в Переяславле — ГлебЮриевич, в Городце — Михалко Юриевич, в Вышгороде и всею Древлянскою землею — Ростиславичи, Поросье Васильку Юрьевичу дано, Пересопницей, Дорогобужем и Бужеском Владимир Андреевич владел,* **и тем сила великого князя так умалилась, что его уже мало почитали**». Вот из этого и исходил новый киевский князь, потому и был настороже. И действовать начал, лишь заручившись поддержкой Ярослава Осмомысла и польских союзников. Вступив в Киев 15 мая, он быстро договорился с Ростиславичами, сохранив за Давыдом Вышгород, а Рюрику передав Овруч. Однако, будучи человеком умным, Мстислав прекрасно понимал, что подобный расклад устроит не всех. Что, собственно, и произошло.

Примечательно, что племянник был старше почтенного дядюшки на семь лет и, соответственно, никакого уважения, как к его сединам, испытывать не мог. Да и сам Владимир был личностью, мягко говоря, неприятной. Больше всего он напоминал Изяслава Давыдовича, поскольку был столь же беспринципным и насквозь лживым человеком. Мстислав это знал прекрасно и не считал нужным скрывать свое отношение к родственнику. Вот в такой обстановке дядя и решил поискать под племянником златого киевского стола, для чего начал сеять смуту среди черных клобуков. Однако попытка вооруженного выступления против Мстислава закончилась полным фиаско, и Владимир Мстиславич ударился в бега.

Однако неожиданно выяснилось, что бежать ему некуда. Княживший в Дорогобуже Владимир Андреевич велел перед беглецом поднять мост и не пустил в город, поскольку не желал из-за смутьяна ссориться с Мстиславом. Тогда Владимир Мстиславич побежал туда, где, как ему казалось, у него будут все шансы получить политическое убежище, — к своему двоюродному брату Андрею в Ростово-Суздальскую землю. Однако, к великому удивлению князя, Боголюбский ему отказал в приюте и выпроводил из пределов своего княжества со словами: *«Иди в Рязань къ отчицю своему къ Глебови, а язъ тя наделю»* (Ипатьевская летопись). Делать было нечего, и Владимир, которого Андрей Юрьевич снабдил всем необходимым для безбедного существования, отправился в Рязань.

Возникает закономерный вопрос: почему же владимирский князь не поддержал двоюродного брата и не захотел ему помочь? Ведь в похожей ситуации с Изяславом Давыдовичем он поступил иначе. Неужели испугался Мстислава? Но Боголюбский никогда никого не боялся, и поэтому говорить об этом не имеет смысла. Ответ же может быть только один: Андрей ещё не был готов к решающему противостоянию с Киевом. Князю были необходимы союзники, и он их уже подыскивал. А Владимира Мстиславича до поры до времени убрал с политической арены. Правда, и из своего поля зрения уже не выпускал. При желании, имея под рукой Владимира Мстиславича, Андрей всегда мог выступить в роли правдоискателя, стоило только объявить на всю

Русь о том, что племянник обижает дядю. И возраст здесь не будет играть никакого значения.

Другой причиной, по которой Андрей никогда бы не пошел на поводу у Мстислава Изяславича, была личная ненависть владимирского князя к своему киевскому князю. Этот факт даже летописец счел необходимым отметить: *«В то же веремя бе Андреи Гюргевичь в Суждали княжа,* **и тъ бе не имея любьви къ Мьстиславу**» (Ипатьевская летопись). Как его отец Юрий ненавидел Изяслава, так же и Андрей ненавидел Мстислава. Примечательно, что с остальными племянниками у Долгорукого были вполне сносные отношения, о чём он сам им говорил. Но с Изяславом у Юрия мира быть не могло. Примерно такие же были отношения и у Андрея с Мстиславом, можно сказать, что ненависть отцов передалась их детям. Но был ещё один немаловажный момент. Дело в том, что если Юрий всю свою жизнь стремился к златому киевскому столу, то Андрей этого не делал. Он, мягко говоря, Киев не любил. Не любил сам город, не любил его жителей. Поэтому и ушёл из Вышгорода в Суздальскую землю вопреки воле отца. Рано или поздно конфликт между Андреем и Мстиславом из личного перерос бы в более глобальный, в конфликт между севером и югом. Причин для этого было много.

Однако неожиданно для всех именно события в Новгороде стали исходной точкой для той грандиозной катастрофы, которая постигла мать городов русских.

*** * ***

Новгородцы очень быстро забыли о той клятве, которую дали Ростиславу Мстиславичу незадолго до его смерти. А поклялись вечевики старому князю в том, что его сын Святослав будет княжить у них до самой смерти. Понятно, что новгородцы под влиянием момента в очередной раз лукавили. Когда после смерти Ростислава новгородцы стали злоумышлять против его сына Святослава, княжившего на берегах Волхова, они спровоцировали конфликт, который привел к изменению всей политической ситуации на Руси. Впрочем, затевая очередную смуту, вечевеки, в силу своей безалаберности и безответности, никогда не думали о последствиях. А надо было бы…

Потому что, как только Святослав Ростиславич узнал о том, что новгородцы решили его взять под стражу, то долго не думал, а собрался и вместе с дружиной отбыл в Великие Луки. Однако новгородцы спешно отправили к князю посадника Захарию, чтобы тот попросил Святослава покинуть город. Понимая, что против силы новгородской ему не устоять, Ростиславич ушел к Торопцу, а оттуда — к Андрею Боголюбскому. Так сложился союз могущественного владимирского князя с Ростиславичами, союз, который будет иметь далекоидущие последствия.

Оценив всю опасность, вечевики отправили в Киев посольство, прося у Мстислава Изяславича сына на княжение. Однако дороги через Смоленское и Полоцкое княжества были перекрыты, там на посланцев началась настоящая охота. И

пока новгородцы пытались договориться с Киевом, Андрей дал Святославу Ростиславичу войска, и тот вторгся в новгородские пределы. Был сожжен Торжок, а прилегающие к нему волости жестоко разграблены. Население из разоряемых областей ринулось в Новгород, и в городе снова началась смута, во время которой были перебиты явные и мнимые сторонники Святослава. И в довершение всех бед Роман и Мстислав Ростиславичи захватили и разорили Великие Луки, после чего огнем и мечом прошлись по новгородским землям. По приказу Андрея были перекрыты все дороги, на которых стали отлавливать новгородских купцов. Торговцев беззастенчиво грабили, а товары забирали в княжескую казну. Было от чего новгородцам схватиться за голову.

На их счастье, некоторым из посланцев пусть и с трудом, но удалось добраться до Киева и переговорить с Мстиславом. Тем временем новгородцы наконец организовались, собрали рать и выступили против Святослава. Два войска встретились около Русы, где дружинники князя обращали в дым и пепел новгородские деревни и села. Простояв какое-то время, друг против друга, противники так и не решились вступить в бой и разошлись в разные стороны. А 14 апреля 1168 года в Новгород прибыл сын Мстислава Роман.

Именно этот поступок двоюродного брата в буквальном смысле слова взбесил Давыда и Рюрика Ростиславичей. Киевский князь даже их мнения по этому вопросу не соизволил спросить, а ведь новгородцы целовали крест на том, что именно их брат Святослав до конца дней своих будет княжить на берегах Волхова! И сейчас, когда они вступили в борьбу с вечевиками, чтобы восстановить попранную справедливость, их родственник наносит им удар в спину!

* * *

Отправляя своего сына на берега Волхова, Мстислав Изяславич бросал открытый вызов Андрею Боголюбскому. Ладно, Ростиславичи, с ними киевский князь сумел бы справиться. Но связываться с владимирским князем! Неужели Мстислав не понимал, к чему это может привести?

Всё он прекрасно знал и отдавал отчет своим действиям, но киевский князь возгордился от успехов. И как следствие этого, Мстислав переоценил свои силы и возможности. А случилось это, скорее всего, потому, что в марте 1168 года он совершил успешный поход против половцев. Киевский князь получил мощнейшую поддержку от остальных князей, поскольку в поход выступили не только подручные Мстислава, но и Ольговичи с Ростиславичами.

В. Верещагин. Князь Мстислав Изяславич

Даже братья Андрея, Глеб Переяславский и Михалко, пошли под его стягами на степняков. Вполне возможно, что именно это единодушие и ввело Мстислава в соблазн думать о том, что теперь он является безоговорочным лидером среди князей. Но это было далеко не так.

Невзирая на то что поход увенчался полным успехом, именно после него и начался разлад между Мстиславом и Ростиславичами. Киевский князь просто забыл, что в данной ситуации он лишь первый среди равных и не более. Мстислав Изяславич действовал жестко, ни с кем не советуясь, чем вызывал озлобление родственников. Когда же выяснилась, что войска Мстислава захватили куда больше добычи, чем остальные, негодование только усилилось. И не случайно, что когда после возвращения из победоносного похода неожиданно поползли слухи о том, что киевский князь хочет расправиться с Давыдом и Рюриком Ростиславичами, те охотно им поверили. И никакие взаимные целования креста не могли уже исправить ситуацию. Сыновья Ростислава взяли четкий курс на разрыв отношений с киевским

князем и стали целеустремленно проводить его в жизнь. Не они одни были недовольны политикой Мстислава, поэтому очень быстро нашли себе новых сторонников. Большой удачей было то, что к Ростиславичам примкнули черниговские Ольговичи. Но первым и самым главным союзником братьев в противостоянии с Киевом, был Андрей Боголюбский.

Для Андрея Юрьевича, после того как Мстислав отправил своего сына в Новгород, наказать киевского князя стало делом чести. Ведь он желал видеть в Новгороде Святослава Ростиславича. Причем поддерживал он его исключительно потому, что Святослав в качестве новгородского князя его устраивал, а не потому, что новгородцы нарушили какую-то клятву. Владимирский князь договорился о совместных действиях со своим братом Глебом, княжившим в Переяславле-Южном, и война против Мстислава была решена: *«Иболши вражда бысть на Мьстислава отъ братьев, и начата снашивати речьми братья еси на Мьстислава»* (Ипатьевская летопись).

Коалиция сложилась мощнейшая, одиннадцать князей выразили готовность идти в поход на Киев: *«Глебъ изъ Переяславля Дюргевичь, Романъ изъ Смоленьска, Володимиръ Андреевичъ из Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручего, Давыдъ из Вышегорода, брат его Мъстиславъ, Олегъ Святославичъ, Игорь брат его, и Всеволодъ Гюргевичъ, Мъстиславъ внукъ Гюргевъ»* (Ипатьевская летопись). Примечательно, что в числе участников похода назван и самый младший брат Боголюбского, Всеволод. Тот самый, который после изгнания из Ростово-Суздальской земли жил в Византии, а впоследствии получит от современников прозвище Большое Гнездо. И вот теперь он с оружием в руках выступал против врагов старшего брата.

Что же касается Андрея, то, как мы видим, сам он в поход не пошел. Князь послал на Киев ростовские, суздальские и владимирские полки под командованием сына Мстислава и воеводы Бориса Жидиславича. Вместе с ними отправились ратники из Рязани и Мурома, хотя сами князья этих земель в поход не пошли. Номинально командование над объединенной ратью принадлежало Мстиславу Андреевичу, человеку храброму и воинственному. Другое дело, что советников с большим боевым опытом при нем было хоть отбавляй. К примеру, дядя Глеб Переяславский или тот же Борис Жидиславич. В конце зимы 1169 года войска одиннадцати князей с разных концов Руси стали стягиваться к Вышгороду, откуда должны были выступить на Киев.

* * *

В Вышгороде в это время княжил Давыд Ростиславич. Вполне вероятно, что, узнав о том, что именно в Вышгороде будет собираться рать союзных князей, он не на шутку встревожился. Дело в том, что у него не было уверенности, что об этом не узнает Мстислав. От Киева до Вышгорода рукой подать, а потому и не мог Давыд исключать возможность того, что в один прекрасный день киевские полки появятся под стенами его города. Ведь Вышгород — это ключ к Киеву с севера, и потому

Мстислав мог запросто пожелать обрести этот «ключ». Это было бы логично и напрашивалось само собой. Но ничего, обошлось.

Действительно, та пассивная позиция, которую занял киевский князь накануне вражеского вторжения, удивляет. А ведь ему было достаточно обратиться к опыту отца в противостоянии с Юрием Долгоруким и вспомнить о том, как Изяслав Мстиславич успешно защищал Киев. И действительно, Изяслав тогда стянул к столице всех своих союзников. В итоге, собрав все наличные силы в кулак, киевский князь нанес поражение князю Суздальскому. Изяслав Мстиславич действует довольно активно, он старается не допустить соединения Юрия с галицкими полками и стремится разбить врагов по отдельности. И как следствие — полная победа над врагом.

У Мстислава мы ничего подобного не наблюдаем. Хотя говорить о том, что князь пребывал в счастливом неведении относительно намерений своих врагов, не приходится. Такое грандиозное мероприятие, как поход одиннадцати князей, вряд ли могло долго оставаться тайной. Да и свои доброхоты имелись у Мстислава Изяславича по всей Руси, а уж они бы всяко постарались его упредить. Поэтому говорить о том, что всё случившееся было для Мстислава полной неожиданностью, не приходится.

И тогда возникает закономерный вопрос: почему же он не обратился за помощью к Ярославу Галицкому? Ведь тот Мстиславу периодически оказывал вооруженную поддержку. Почему не послал к сыну Святославу во Владимир-Волынский? Почему не договорился с теми же венграми и ляхами, с которыми у него были неплохие отношения? Трудно сказать. Скорее всего, князь просто не мыслил столь широко, как его отец Изяслав, который всегда очень точно схватывал самую суть проблемы. Изяслав Мстиславич никогда не зацикливался на решающем сражении, он постоянно думал обо всей войне в целом. Изяслав старался просчитать все возможные варианты развития событий, в том числе и на случай поражения в отдельно взятой битве. Просто князь считал, что, проиграв сражение, он ещё не проиграл войну. Что, собственно, не раз и доказывал.

У Мстислава подход к делу был иным. Воинственный и храбрый, он оказался довольно слабым стратегом. Судя по всему, он переоценил свои силы да понадеялся на неприступность киевских укреплений, которые ещё не были ни разу взяты в результате прямого штурма. Да, бились князья под самым городом. Часто бывало, что врывались победители в Киев на плечах бегущих вражеских воинов или же входили в него с помощью измены. Но чтобы взять столицу в осаду, а затем пойти на приступ и захватить её — такого ещё не было. Вполне возможно, что именно это и давало Мстиславу определенную надежду на успех. Князь решил нанести врагу поражение, опираясь на мощнейшие укрепления столицы. И надо признать, что определенный резон в этом был.

Киев считался одной из сильнейших крепостей на Руси. Он располагал двумя линиями обороны, причем наиболее мощной была первая, так называемый «город Ярослава». Её общая протяженность была 4,5 км. Высоченные земляные валы,

построенные при Ярославе Мудром, насчитывали до 14 м в высоту и 19 м в ширину. Укрепленные стенами и башнями, они были практически неприступны. Попасть в Киев можно было через трое ворот — Жидовские, Золотые и Лядские, которые были сложены из камня. Но, даже прорвавшись через первую линию обороны, противник натыкался на вторую, которая называлась «город Владимира». Проникнуть туда можно было только через Софийские ворота, и хотя сами оборонительные сооружения не были столь мощными, как в «городе Ярослава», преодолеть их было достаточно сложно. Поэтому и избрал Мстислав тактику от обороны, другое дело, что он не подумал о том, что будет делать, если она себя не оправдает.

Тем временем полки союзных князей сходились к Вышгороду. И здесь мы сталкиваемся с одним очень интересным фактом — дело в том, что на стороне Мстислава оказался младший брат Андрея Боголюбского, Михалко. Как мы помним, владимирский князь прогнал родственников из своих владений, и всё это время Михалко находился на юге Руси. Киевский князь его приблизил к себе, но когда угроза вторжения стала реальностью, решил его отослать в Новгород. Ведь родство Михалко с Андреем никто не отменял. Дав Михалко Юрьевичу отряд ковуев, он отправил его в распоряжение сына Романа. Однако в пути Михалко перехватили Давыд и Роман Ростиславичи с дружинами. Ковуи сразу перешли на их сторону, а младший брат Боголюбского угодил в плен. Но на общую расстановку сил это никак не повлияло.

В начале марта, когда все одиннадцать князей собрались в Вышгороде, Мстислав Андреевич объявил поход на Киев.

* * *

Огромная рать союзных князей подошла к киевскому пригороду Дорогожичам 9 марта в Федорову неделю и встала у Кириллова монастыря. Простояв здесь ночь, войска на рассвете подступили к Киеву и начали окружать город. Тысячи киевлян толпились на городских валах столицы и наблюдали за тем, как огромная стальная змея обтекает их город сплошным стальным кольцом. Яркие солнечные лучи играли на остроконечных шлемах и кованых кольчугах гридней, на пластинчатых панцирях бояр и воевод. Копья словно лес колыхались над рядами пеших ратников, месивших весенний снег, а от огромного количества знамен и стягов у горожан стало пестрым-пестро в глазах.

Мстислав Андреевич в окружении союзных князей и воевод, остановился напротив Жидовских ворот и внимательно изучал укрепления древней столицы. Рядом весело переговаривались Ростиславичи, что-то говорил, тыкая плетью в сторону городских валов, дядя Глеб. Но Мстислав его не слушал, он думал совсем о другом. Молодой человек прекрасно помнил рассказы отца о том, как дед Юрий подступал к Киеву и пытался взять его штурмом. В тот раз Изяслав Мстиславич сумел

одолеть Долгорукого и отстоять город. И вот теперь у внука появился шанс превзойти легендарного деда славой и отомстить сыну победителя суздальцев.

Мстислав знал, что его войска имеют большой численный перевес над ратью Мстислава Изяславича, а потому и решил этим воспользоваться. Он не стал повторять ошибок своего деда, который не сумел организовать четкого взаимодействия своих войск во время штурма Киева, из-за чего и потерпел досадное поражение. Мстислав Андреевич решил действовать по-другому, сделав ставку на одновременный штурм столицы с разных направлений. Он понимал, что в этом случае у Мстислава Изяславича просто не хватит сил. Ему не раз докладывали о том, что никто не пришел на помощь киевскому князю и лишь черные клобуки предоставили свои контингенты в его распоряжение. Но о том, насколько ненадежны эти люди, многие из окружающих сына Боголюбского князей знали не понаслышке.

Приступ начался 10 марта. Едва успев развернуться в боевые порядки, войска Мстислава Андреевича пошли на приступ. Закрываясь большими щитами, ратники бросали в ров огромные вязанки хвороста, заваливая его перед наступающими на город войсками. Проваливаясь в глубокий снег, воины под дождем летевших со стен и башен стрел бежали к городским валам, таща осадные лестницы и веревки с железными крюками. Быстро преодолев ров, они достигли подножия валов и по лестницам стали карабкаться вверх по крутым откосам. Со стен полетели камни, бревна, тележные колеса, но лавину атакующих было не остановить. Сотни крюков впились в двускатные кровли, покрывающие боевые площадки, десятки лестниц были приставлены к стенам, и суздальцы, ростовцы, владимирцы, муромцы, рязанцы, смоляне вместе с ратниками из других земель ринулись наверх. Киевляне отложили в сторону луки и схватились за топоры и мечи.

Битва развернулась по всему кольцу городских укреплений и продолжалась до самой ночи. Видя, что успех не приходит, а войска несут потери, Мстислав Андреевич велел трубить отступление. Однако молодой князь не отчаивался, он знал, что его тезка в Киеве будет биться люто, и упорное сопротивление защитников его нисколько не смущало. Рано утром он снова послал свои полки на приступ, и битва возобновилась с новой силой. Ратники подтащили к воротам сколоченные за ночь навесы и под их прикрытием стали ломать дубовые створки.

В этот момент дрогнули черные клобуки. Они видели, какую многочисленную рать привели князья под стены Киева, и пришли к выводу о бессмысленности сопротивления. Их предводители затеяли тайные переговоры с Мстиславом Андреевичем, выражая желание сложить оружие и перейти на его сторону. Но пока стороны обсуждали условия сдачи, битва за столицу продолжалась. Горожане и гридни киевского князя стояли крепко, успешно отражая все вражеские атаки, и Киев вновь устоял. Союзники снова отвели свои войска от стен, и казалось, что Мстислав Изяславич может в очередной раз торжествовать победу, но всё было не так однозначно, как казалось на первый взгляд.

Проблема заключалась в том, что защитники Киева несли тяжелые потери и им всё труднее было отражать вражеский натиск. Одновременная массированная атака

по всему фронту выматывала киевлян, которые изнемогали в неравной борьбе. Мстислав Изяславич изначально допустил роковую ошибку, выбрав неправильную стратегию в войне с Андреем Юрьевичем. И теперь за неё расплачивался весь Киев.

Опыт — великая вещь. Вряд ли сын Боголюбского додумался до этого сам, скорее всего, эту мысль ему подсказал кто-то из старших товарищей по оружию. Тот же дядя Глеб, например. В этот критический момент противостояния вспомнили о том, как действовал Изяслав Мстиславич во время сражения за Киев против Юрия Долгорукого. Тогда киевский князь выделил из всех полков определенное количество людей и, не нарушая общего построения войск, сумел создать мощный резерв. Забавно, но в похожей ситуации этой идеей воспользовались противники его сына. Сборный отряд возглавил Глеб Переяславский, он незаметно вывел его к Сереховицкому ручью и там скрыл в засаде до поры до времени.

Решающий приступ начался 12 марта. Десять князей повели свои войска в бой, а одиннадцатый внимательно следил за развитием событий и выжидал удобный момент для нанесения удара. Время пришло, когда натиск союзников стал неудержим, и для его отражения Мстиславу Изяславичу пришлось снимать войска с менее опасных участков обороны. Заметив это, Глеб по рву подвел свои войска вплотную к стенам и, не встречая сопротивления, перевалил через городские укрепления. После этого воины Глеба разбежались по стенам и стали рубить защитников, не ожидавших атаки с тыла. Другие же достали луки и стали сбивать воинов Мстислава Изяславича стрелами. Киевляне дрогнули и стали отступать.

Когда об этом доложили киевскому князю, то он, собрав гридней, бросился к месту прорыва. На боевых площадках и крепостных переходах, а также на прилегающих к городским укреплениям улицах завязалось упорное сражение. Теперь уже отступали бойцы Глеба, а Мстислав Изяславич с дружинниками их постепенно вытеснял из города. Казалось, ещё немного, и враг будет выбит из Киева, но ситуация вновь изменилась. Воспользовавшись тем, что киевский князь увел свою дружину на другой конец города, Мстислав Андреевич велел усилить натиск на ослабленные вражеские позиции. Войска союзных князей пошли на решительный приступ и, сломив сопротивление защитников, прорвались в город. Начался разгром киевских полков.

Победители рекой растекались по Киеву, уже занимались первые пожары, а Мстислав Изяславич продолжал выбивать из города отряд Глеба. Весть о том, что противник прорвался за крепостные валы, поразила князя, как удар грома. Спешно развернув дружину, он поспешил назад, к оставленным позициям. Но было уже поздно. Гридни киевского князя бились отчаянно, однако переломить ход битвы уже были не в состоянии. Отряды союзников обкладывали Мстислава Изяславича со всех сторон, стремясь взять живым. В яростных схватках гибли лучшие бойцы, и в итоге дружина, не выдержав накала боя и понимая бесперспективность дальнейшего сопротивления, обратилась к своему князю: *«Что, княже стоиши? поеди из города; намъ ихъ не перемочи»* (Ипатьевская летопись). Впрочем, и сам Мстислав уже уяснил, что его дело проиграно, а потому и остается только искать спасения в бегстве.

Прорываться решили в сторону Василева. Гридни вскочили на коней, теснее сбили ряды и пошли на прорыв. Прорубившись через строй вражеских ратников у Золотых ворот, дружина Мстислава вырвалась из смертельной ловушки и стала уходить прочь от города. Однако следом за ними ринулись ковуи, те самые, что когда-то вместе с Михалко Юрьевичем шли в Новгород, а затем перешли на сторону союзников. Во время отчаянного прорыва и последовавшего за ним бегства дружина Мстислава Изяславича понесла страшные потери, многие его военачальники и приближенные были убиты и попали в плен.

Киев пал. Начался разгром поверженной столицы.

Это был неслыханный погром. В течение трех дней войска одиннадцати князей грабили, жгли и разрушали древний город. Были полностью разграблены два величайших храма Руси — Софийский собор и Десятинная церковь. Едва не сгинул в огне Печерский монастырь, подожжённый черными клобуками, переметнувшимися на сторону победителей. Немало церквей в самом городе погибло во время пожара, а все монастыри были обчищены христианским воинством. Полностью были разграблены Подол и Гора, а тысячи киевлян уведены в плен. Причем действовали русские в лучших традициях половцев, разбивая семьи и разлучая родных и близких. Бесконечные обозы, набитые награбленным добром, тянулись из городских ворот. На санях везли великое множество трофеев, среди которого были иконы, церковные книги и драгоценные ризы. Даже колокола были сняты и вывезены из Киева.

…Мстислав Андреевич смотрел на гибнущий город и ликовал. Он не только добросовестного выполнил поручение отца, но и превзошёл славой своего деда. Юрий Долгорукий не смог овладеть Киевом штурмом, а его внук сумел это сделать и взял на щит столицу. Захваченная добыча была огромной, обозы просто ломились от награбленного барахла. Было отчего радоваться молодому человеку. Вместе с ним радовался и сидевший рядом на коне князь Рюрик Ростиславич. И никому в тот момент не могло даже в голову прийти, что пройдет несколько десятков лет и этот самый Рюрик, будучи уже в преклонных годах, приведет на Русь половецкую орду, захватит Киев и подвергнет его ещё более страшному и беспощадному разгрому, чем тот, что происходил в данный момент.

Через три дня войска одиннадцати князей покинули сожженный и разграбленный Киев.

* * *

Теперь есть смысл задаться вопросом: кто виноват в страшной трагедии, постигшей один из величайших и богатейших городов Европы? Казалось бы, что ответ лежит на поверхности — Андрей Юрьевич Боголюбский, князь Владимирский. А кто же ещё? Не Ростиславичей же делать крайними, они бы никогда не сумели взять Киев без помощи Андрея. Но не следует забывать о ещё одном виновнике

случившейся трагедии. И этот кто-то — князь Мстислав Изяславич. Возможно, что это утверждение прозвучит довольно странно, но тем не менее это так.

Дело в том, что именно Мстислав своим грубым вмешательством в новгородские дела спровоцировал Андрея на конфликт. Боголюбский достаточно спокойно отнесся к тому, что волынский князь утвердился в Киеве, и есть большая вероятность того, что если бы он там сидел тихо, то трагедии могло бы и не случиться. Зато новгородские дела Андрей считал своей прерогативой, и с этим соглашались все, даже Ростиславичи, которые обладали на берегах Волхова определенным влиянием. Не понимал этого только Мстислав Изяславич. Этот момент очень четко обозначил В.Н. Татищев: *«Он же, рассуждая, что Новгород издревле принадлежит великому князю и определить туда князя в его воли, не посоветовавшись о том с племянниками своими Ростиславичами, которые сильно оного держались,* **и не снесшись с Андреем, который также оного домогался, отпустил к ним сына своего Романа**». К такому же выводу приходит и Н.М. Карамзин: «Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание Новогородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими».

И вот здесь мы подходим к довольно тонкому моменту — ответственности правителя за свои деяния. Мстислав должен был просчитывать возможные последствия своих действий. Но князь этого не сделал. В отличие от своего отца Изяслава он был слишком узколобым, за что и поплатился. Мстислав мог игнорировать недовольство Ростиславичей, но с позицией Боголюбского он просто обязан был считаться. Но это сделано не было, и заложниками ситуации оказались жители Киева.

С другой стороны, разворошив это осиное гнездо, киевский князь должен был организовать защиту своих подданных, иначе зачем вообще он тогда нужен. Но и здесь Мстислав Изяславич проявил удивительную беспечность и некомпетентность. Вместо того чтобы поднимать союзников и собирать полки со всех подвластных земель, чтобы силе противопоставить силу, он решает отсидеться за киевскими стенами. А ведь достаточно было вспомнить, как в похожей ситуации поступил его отец Изяслав, который не только отстоял столицу, но и нанес поражение Юрию Долгорукому. Но Мстислав, судя по всему, отцовские уроки усваивал плохо. Поэтому за провал его политики расплатились киевляне.

О том, что на второй день боев стал ясен трагический исход осады, указывает Ипатьевская летопись: *«И бысть брань крепка отовсюду;* **Мьстиславу изнемагающю въ граде**». Но здесь уже возникает другой вопрос: раз сын Изяслава видит, что дело идет к катастрофе, то почему бы ему не вступить с врагом в переговоры и не начать договариваться? Хотя бы о том, чтобы спокойно покинуть Киев и уйти на Волынь и тем самым сберечь столицу от разгрома, а киевлян от смерти и плена? Ведь отец Изяслав тоже так поступал! Но я уже говорил о том, что отцовская наука сыну впрок не шла, а тактическим приемом Изяслава Мстиславича воспользовались именно враги, а не наследник!

Разгром дружины Мстислава Изяславича во время бегства из города стал закономерным финалом его деятельности в Киеве как политика и как полководца: *«Имного изоимаша дружинъг около его: яша Дмитра Хороброго* и *Олексу Дворьского, Сбыслава Жирославича и Иванка Творимирича, Рода тивуна его, и ины многы»* (Ипатьевская летопись).

Что же касается взятия Киева, то оно произвело колоссальное впечатление на современников, недаром летописец посчитал необходимым это отметить: «**Сего же не было никогдаже**» (Лаврентьевская летопись). Ипатьевская летопись красочно и в подробностях рассказывает о тех зверствах, которые творили в городе войска одиннадцати князей, но, на мой взгляд, суть происходившего очень точно и емко передал В.Н. Татищев: «**Суздальцы, смоленчане, черниговцы и другие все разнесли**».

Здесь уже без комментариев.

Подводя же итоги противостояния киевского и владимирского князей, можно сделать следующий вывод: Боголюбский сделал то, что и должен был сделать, Мстислав же из того, что должен был сделать, не сделал ничего.

*** * ***

Но на этом беды Киева не закончились, Андрей Боголюбский нанес последний и решающий удар. Сын Долгорукого не отправился на берега Днепра и не сел на златой стол в древней столице. Наоборот, он выразил этому городу полное презрение, отправив княжить туда своего младшего брата Глеба. И что примечательно, в летописях указали, что дядю на златой стол посадил племянник: *«Мстиславъ же Андреевичь посади в Кыеве стрыя своего Глеба»* (Лаврентьевская летопись). Хотя всем было понятно, кто же в действительности стоял за всем этим. Недаром впоследствии половцы будут говорить Глебу, что *«Бог посадилъ тя и князь Андрей на отчине своей и на дедини в Кыеве»* (Лаврентьевская летопись). Получалось, для того, чтобы стать киевским князем, теперь не надо было быть самым сильным, самым умным и вообще самым, самым, самым. Надо просто получить разрешение от Андрея Юрьевича и всё! Владимирский князь демонстративно показал всем русским людям, что Киев больше не является главным городом на Руси. Что есть города и поважнее, например Владимир-Суздальский. И это было гораздо страшнее самого погрома. Потому что таким действием Боголюбский просто низвел Киев в разряд обычных городов. Слава древней столицы обратилась в дым.

Именно после киевского разгрома главной политической силой на Руси становится Владимиро-Суздальская земля, и это первенство уже никто не отнимет. Будут ещё предприниматься попытки восстановить престиж Киева, и по-прежнему будут биться князья за златой стол, соблазняясь на отблеск былой славы матери городов русских. Но прошлое величие к Киеву никогда не вернется. Поход одиннадцати князей в 1169 году стал тем водоразделом в русской истории, после

которого судьба Руси изменилась радикально и навсегда. Начинает происходить процесс четкого разделения страны на Русь Северо-Восточную, Русь Юго-Западную и Русь Южную. Причем у каждой будут свои интересы, своя политика, как внешняя, так и внутренняя. Суздальским князьям будет глубоко наплевать на проблемы своих коллег на юге, а князьям из Галича не будет дела до того, что творится в Рязани. Начинается то самое отчуждение, которое со временем приведет к далекоидущим последствиям. Что же касается Новгорода, то он давно уже жил сам по себе.

Те глобальные изменения, которые произошли на Руси после падения Киева, очень точно охарактеризовал Н.М. Карамзин: *«Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным Великим Князем России, и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию нелюбви Андреевой к Южной России».*

Именно после своей победы над Киевом, Андрей Боголюбский и стал считать себя вершителем судеб Руси, вольным смещать и назначать князей в уделы по своему усмотрению. К чему это привело, мы узнаем в следующей главе.

3. Битва суздальиев с новгородцами (25 февраля 1170 года)

Въ то же лето, на зиму, придоша подъ Новъгородъ суждальци съ Андреевицемь, Романъ и Мьстислав съ смольняны и съ торопьцяны, муромьци и рязаньци съ двема князьма, полоцьскыи князь съ полоцяны, и вся земля просто Русьская.

Новгородская I летопись старшего извода

Логическим продолжением разгрома Киева войсками Андрея Боголюбского стал поход его полков на Великий Новгород. Это верно подметил Н.М. Карамзин: «**Падение Киева предвещало гибель и Новогородской независимости**». И это прекрасно понимали современники событий. Если бы владимирскому князю удалось исполнить задуманное и подчинить себе Новгород, то очень многих бед можно было бы избежать в дальнейшем.

Причин для войны было несколько, но самой главной, на мой взгляд, было то, что на берегах Волхова продолжал править князь Роман, сын ненавистного Андрею Мстислава Изяславича. Ведь, как мы помним, всё началось из-за того, что новгородцы изгнали Святослава Ростиславича, а киевский князь посадил у них своего сына. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: из Киева прогнали Мстислава, а Роман в Новгороде остался! То есть сама причина войны не была устранена. А раз так, то проблему требовалось решить, и чем быстрее, тем лучше.

Но был у Андрея и другой повод для похода на своевольный город. Дело в том, что в начале того же 1169 года в Заволочье произошло вооруженное столкновение между суздальцами и новгородцами. Согласно В.Н. Татищеву, Андрей послал за Белое озеро, в район Северной Двины, отряд из 150 воинов собирать дань. Но практически одновременно с ним в регион прибыл новгородский боярин Данислав с отрядом из 500 человек. Считая, что эти земли принадлежат Новгороду и что другим здесь делать нечего, Данислав атаковал суздальцев и многих из них побил. Как ни поверни, а вооруженное нападение на княжеских людей было налицо, и Андрей не мог оставить эту дерзость без последствий. Боголюбскому требовалось поставить вечевиков на место.

Однако есть здесь один интересный момент. Дело в том, что Новгородская I летопись как старшего, так и младшего извода, рассказывающая об этом событии, делает существенное уточнение. Согласно летописному тексту, Андрей послал в Заволочье не небольшой отряд, а целый *«полкъ»,* численностью в 7000 человек. И только тогда, когда узнал, что в Заволочье объявился этот самый Данислав с отрядом в 400 бойцов. Честно говоря, не верится ни в такую чудную цифирь, ни в подобный ход развития событий. Дело в том, что отправлять 7000 воинов у Андрея не было никакой

нужды. Места там были довольно дикие и безлюдные, и вопрос снабжения такого многочисленного воинства встал бы в полный рост.

Опять же сама местность в Заволочье подразумевает действия малыми мобильными отрядами, а не большой ратью, которой просто негде будет развернуться. И на кой тогда она там нужна? Воеводам даже гарнизоны негде было разместить по причине отсутствия городов. А уж рассказ о потерях сторон после боевого столкновения и вовсе выглядит как песня — 15 убитых новгородцев против 1300 суздальцев. Понятно, что под пером автора летописи его земляки самые храбрые, самые сильные и самые умные. Но не до такой же степени! Поэтому математические изыскания новгородского летописца не будем воспринимать всерьез, версия Татищева выглядит куда более логичной и убедительной. И что примечательно, в Лаврентьевской летописи, которая отражает взгляд на события с другой, суздальской стороны, упоминания об этом столкновении нет вообще. Поэтому если верна точка зрения Василия Никитича, то можно предположить, что летописец Андрея Боголюбского просто не посчитал нужным упомянуть об этой мелкой стычке. Хотя в свое время отметил поход в Заволочье Мстислава Андреевича.

Но сообщение Новгородской летописи нам интересно тем, что дает информацию о том, как для новгородцев закончился этот поход и какую прибыль они с него поимели: *«Възяшя всю дань, а на суждальскылхъ смьрдехъ другую».* На мой югляд, здесь речь может идти о тех *«суждальскылхъ смьрдехъ»,* которые были приведены под власть Андрея Боголюбского сыном Мстиславом во время похода в Заволочье зимой 1166–1667 годов. Поэтому счет владимирского князя к вечевикам увеличился, и к нападению на суздальский отряд прибавилось и ограбление княжеских земель. На требование Андрея выдать Данислава со товарищи новгородцы ответили отказом. Это была уже дерзость, и Боголюбский просто обязан был ответить. Хотя, учитывая сложившуюся ситуацию, мог бы найти и другой повод или же вообще его не искать, поскольку главной причиной войны с Новгородом был князь Роман Мстиславич. Остальное уже были частности.

В канун войны с новгородцами Андрей Боголюбский находился на вершине могущества, под его контролем были Киев и Переяславль-Южный, а рязанский князь Глеб Ростиславич был послушным вассалом, выставлявшим полки по первому требованию грозного сюзерена. То же самое касалось и муромских князей. Если к этому добавить союз со смоленскими Ростиславичами, то получалось, что в данный момент не было на Руси силы, способной противостоять владимирскому князю. Лишь могущественный Ярослав Осмомысл мог спокойно править в своем Галиче, поскольку его интересы с интересами Андрея не пересекались. Да и в случае конфликта Ярослав Владимирович вполне мог за себя постоять. Однако князьям не было друг до друга никакого дела, их интересы лежали в совершенно разных плоскостях.

Для войны с Новгородом Боголюбский собрал значительные силы. Правда, в отличие от похода на Киев список князей не был столь впечатляющ, но самих войск было более чем достаточно. Новгородская I летопись старшего извода приводит

подробный список участников похода: *«Въ то же лето, на зиму, придоша подъ Новъгородъ суждальци съАндреевицемъ, Романъ и Мьстислав съ смолъняны и съ торопьцяны, муромьци и рязаньци съ двема князьма, полоцьскыи князь съ полоцяны,* **и вся земля просто Русьская**». В Лаврентьевской летописи говорится о том, что рязанский и муромский князья сами на войну не пошли, а отправили сыновей: *«Тое же зимы князь Андрей посла сына своего Мстислава* **съ всею дружиною** *на Великый Новъгородъ, и Романъ Смолиньскый князь с братом Мьстиславом, и Рязанъскый князь сына посла, и Муромьскый сына же посла».* Впрочем, поскольку сам Андрей в поход не шёл, снова отправляя старшего сына, то и поведение подручных ему князей вполне объяснимо. Пусть молодые воюют да славу себе добывают, а старшему поколению и своей славы достаточно. Боголюбский решил действовать по шаблону, применив ту же стратегию и тактику, что и во время похода на Киев. Зачем изобретать что-то новое, если есть оправдывающие себя наработки? Вновь отправив в поход вместе с сыном главного воеводу Бориса Жидиславича, Андрей Юрьевич успокоился и посчитал дело сделанным.

По его мнению, всё должен был решить подавляющий численный перевес. Летописец недаром отметил, что Андрей послал своего сына *«съ всею дружиною»,* подразумевая под дружиной не гридней Мстислава Андреевича, а войска со всего Владимиро-Суздальского княжества. Да и Ипатьевская летопись отмечает небывалую численность союзной рати: *«И толико бысть множъство вой, яко и числа нетуть».* Но дело в том, что всё собранное Боголюбским войско было достаточно рыхлым и разнородным как по составу, так и по своим целям. И если у Андрея и Ростиславичей были свои резоны, чтобы воевать с Новгородом, то ратникам из Рязани и Мурома это было не нужно. Они вообще не могли взять в толк, с чего им биться-ратиться с новгородцами, которых они и в глаза не видели. Все эти настроения не самым лучшим образом влияли на боевой дух в полках.

Но едва войско в конце зимы 1170 года выступило в поход и вторглось в новгородские земли, как случилась первая напасть — неожиданно умер Святослав Ростиславич, бывший князь Новгородский. Ипатьевская летопись отмечает, что князь скончался в самый разгар боевых действий: *«Томъ же лете преставися князъ Святославъ Ростиславичь на Волоце, бе бо тогда воюхе Новгородьскую волость».* Это был серьёзный удар по идеологической составляющей похода. Ведь если раньше союзники шли восстанавливать Святослава на новгородском княжении и покарать вечевиков за клятвопреступление, то со смертью князя этот вопрос отпал сам собой. Но в данный момент это уже никого не интересовало.

Однако кончина Святослава должна была произвести очень нехорошее впечатление на войска, поскольку смерть одного из предводителей во время боевых действий, и к тому же не от вражеского оружия, должна была восприниматься как дурной знак. Поэтому, чтобы пресечь распространение ненужных слухов, тело князя тайком отправили в Смоленск, где и захоронили в Успенском соборе.

Наступление союзников продолжалось. Согласно известиям В.Н. Татищева, были захвачены и сожжены Торжок и Великие Луки, а затем у города Руса и на реке Мете

были побиты новгородские воеводы. Последнее как раз и вызывает определенные сомнения, поскольку новгородцы должны были прекрасно понимать, что в чистом поле такую грозную силу не остановишь. Наоборот, они должны были стягивать все войска в один кулак, а затем, опираясь на укрепления Новгорода, дать бой врагу. Что в общем-то и произошло. К тому же в летописях никаких сведений о боях на подступах к городу не содержится, поэтому я и буду исходить из того, что никто никаких воевод не побеждал. А вот насчет того, что союзники огнем и мечом прошлись по Новгородской земле, сомневаться не приходится. Андрей Юрьевич повел против Господина Великого Новгорода тотальную войну, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Лаврентьевская летопись в подробностях расписывает подвиги ратников Боголюбского: *«И пришедше в землю ихъ много зла створиша, села вся взяша и пожгоша, и люди по селомъ исекоша, а жены и дети, именья и скотъ поимаша».* Примерно теми же словами рассказывает о бесчинствах союзников в Новгородской земле и Ипатьевская летопись. Примечательно, что Новгородская I летопись как старшего, так и младшего извода об этом не сообщает, концентрируя внимание на подготовке новгородцев к отражению вторжения. А приготовления были проведены очень серьёзные.

У крепостных стен был выстроен деревянный острог, который затруднял подходы к главным городским укреплениям. На этом моменте хотелось бы остановиться чуть подробнее. Дело в том, что в «Слове о знамении святой Богородицы в год 6677», или, как оно ещё называется, «Сказании о битве новгородцев с суздальцами», говорится следующее: *«И соорудили они острог вокруг всего Новгорода, а сами укрылись за острогом».* Проблема в том, что такого быть просто не могло. Как мы знаем, река Волхов делит Новгород на две части — Софийскую и Торговую, и окружать каждую из них деревянным острогом было бы несусветной глупостью. Тому были две причины. Во-первых, каждая из них и так обладала достаточно мощными укреплениями. Во-вторых, в этом случае значительно увеличивалась территория, которую новгородцам пришлось бы оборонять, а это было смертельно опасно при колоссальном численном превосходстве врага. Ведь укрепления острога не были столь мощными, как крепостные стены и башни Новгорода, преодолеть их было гораздо легче.

Но если мы примем версию о том, что острог был выстроен новгородцами в том месте, где городские укрепления были наиболее уязвимы и где существовала реальная опасность вражеского прорыва, то все встанет на свои места. Примечательно, что Новгородская I летопись как старшего, так и младшего извода ни слова не говорит о том, что острог был построен вокруг Новгорода. Наоборот, в летописях употребляется совсем другое слово: «и *устроиша острогъ* около *города»,* «и *устроиша* город около города». Поэтому, на мой взгляд, говорить о том, что острогом был окружен весь Новгород, возможным не представляется.

Но помимо строительства дополнительных укреплений, новгородцы приняли и другие меры предосторожности. Они вполне резонно посчитали, что осада может

затянуться, и поэтому свезли в город огромное количество продовольствия. А чтобы захватчикам жизнь медом не казалась, всё, что не вместилось в городские амбары, развезли по дальним местам. И теперь огромная рать союзников оказывалась перед сильно укреплённым городом, в совершенно опустошенной местности. В довершение всего февральские морозы не располагали к длительному стоянию под стенами города. Задача для Мстислава Андреевича и союзных князей усложнялась многократно, однако её решения никто не отменял. 22 февраля 1170 года полки Мстислава Андреевича и Романа и Мстислава Ростиславичей подошли к Новгороду.

* * *

Мстислав Андреевич в окружении князей и воевод ездил вдоль новгородских укреплений, выбирая место для решающего приступа. Подступив к Новгороду, он не стал брать его в тесное кольцо, растягивая свои войска, а предпочел держать рать в едином кулаке. Поэтому и велел разбить стан в отдалении от городских стен. После объезда в шатре у Мстислава ещё долго судили-рядили о том, как штурмовать город, но к единому мнению так и не пришли. Зато все сошлись в одном: город надо брать приступом, с осадой затягивать нельзя, поскольку вся волость опустошена самими же новгородцами. Через несколько дней огромную рать будет просто нечем кормить, и тогда мало никому не покажется. На следующий день князья и воеводы продолжили изучать расположение новгородских войск, прикидывали, как расставить полки и где сподручнее нанести главный удар. Ратники отправились в соседние леса валить деревья и сколачивать осадную технику — лестницы, навесы, большие переносные щиты. Дело спорилось, но вечером Мстислав Андреевич получил очень неприятную весть — в полках начался мор. От напасти этой стали умирать как люди, так и кони.

Быстро собрали военный совет и назначили приступ на утро 25 февраля. В спешном порядке были ускорены работы по подготовке к штурму, полки разводились по заранее намеченным местам, и каждому определялся участок для атаки. Ночь прошла спокойно, а на рассвете союзники пошли на приступ.

Стоявшие на городских валах и стенах острога новгородцы содрогнулись от страшного рева сотен боевых труб суздальских, ростовских, смоленских, муромских и рязанских полков. Тысячи ратников бежали, уминая ногами снег, стремясь как можно скорее преодолеть простреливаемое противником пространство. Засевшие на городских стенах и за кольями острога новгородцы открыли прицельную стрельбу из луков и самострелов по наступающему противнику. Но атакующих было не остановить. Достигнув острога, часть воинов ринулись рубить и расшатывать бревна частокола, другие же, обойдя укрепление, устремились на штурм городской стены.

По приставным лестницам бойцы вскарабкались на гребень стены и схватились на мечах с новгородцами. К воротам подтащили навесы от стрел и камней, в створки ударили тяжелым бревном, а подоспевшие ратники принялись с остервенением рубить их топорами. Теперь сражение кипело повсюду — бились у острога и на

стенах, на валах и у городских ворот. Союзники постепенно усиливали натиск, но новгородцы сражались отчаянно, не отступая ни на шаг. С грохотом рухнули разбитые створки ворот, и суздальцы ринулись в город, но новгородцы, встав щит к щиту, плечо к плечу, отразили эту атаку.

Икона «Чудо от иконы Знамение» (Битва новгородцев с суздалъцами

Видя отступление союзников, князь Мстислав Ростиславич надвинул поглубже шлем, опустил наперевес копьё и погнал коня к воротам. За ним ринулась в бой дружина, и земля вздрогнула от удара сотен копыт о землю. Князь влетел под арку

ворот и ударом копья поверг на землю новгородского ратника. Стоптав нескольких человек конем, Мстислав продолжал поражать копьем врагов и в итоге прорвался в город. Но тут на него со всех сторон насели новгородцы, и белгородский князь, отшвырнув в сторону обломки копья, продолжал отбиваться мечом от окружающих его врагов. Однако новгородцев здесь было больше, и сколь люто ни бился Мстислав Ростиславич, его все же вытеснили за ворота. Князь отъехал от стен, вложил в ножны меч и, сняв с головы шлем, подставил разгоряченное лицо холодному ветру. Его гридни также вышли из боя, многие слезли с коней и теперь отдыхали, набираясь сил перед новой атакой.

Битва продолжалась весь день. Но как ни неистовствовали союзники, как ни старались прорваться в город, новгородцы стояли крепко, повсеместно отражая вражеский натиск. Сражение затихло лишь под вечер, когда Мстиславу Андреевичу и остальным князьям стало ясно, что город взять не удастся. В сгущающихся сумерках измотанные многочасовым боем ратники побрели от Новгорода в свой стан, многие тащили на плечах своих раненых товарищей. И в этот момент по отступающим полкам ударила из острога дружина князя Романа Мстиславича. Множество суздальцев было изрублено во время этой атаки, немало угодило в плен. Яростные схватки вспыхивали по всему полю боя, и лишь наступившая ночь развела сражающихся бойцов. Легендарная битва суздальцев с новгородцами закончилась.

*** * ***

После того как прямой штурм Новгорода провалился, союзникам ничего иного не оставалось, как отступить. И дело даже было не в том, что их войско было разбито, вовсе нет. Да, взять город с первого приступа не удалось, но, по большому счету, это ровным счетом ничего не значило. Киев тоже штурмовали три дня. Войск у союзников было столько, что они без особых проблем могли организовать ещё несколько таких же мощных атак на город. И не факт, что в итоге новгородцы сумели бы устоять. Беда была в том, что, как уже говорилось выше, в полках начался мор: *«Бысть же моръ великъ въ конехъ и въ полкохъ»* (Ипатьевская летопись). Как мы помним, в свое время Юрий Долгорукий был вынужден отменить поход на Киев и с полдороги вернуться домой, поскольку тоже столкнулся с проблемой конского мора. А здесь болезнь поразила не только лошадей, но и ратников.

Однако была ещё одна проблема, решить которую в данной ситуации союзники не могли. Начался голод, и как с ним бороться, никто из князей и воевод не имел понятия. Очевидно, что здесь свою роль сыграли те меры, которые предприняли новгородцы накануне вторжения: *«Но поскольку тогда был великий недород и голод, а к тому новгородцы все жита и скот из ближних мест собрали во град и в дальние места отвезли, так что войска, придя, ничего достать не могли. И учинился такой великий в пище недостаток, что коней в великий пост ели»* (В.Н. Татищев). О том, что среди отступающих полков царил жуткий голод, сообщается в большинстве

летописных сводов: *«Людъе помроша съ голода; и не бысть бо николиже толь тяжька пути людемъ симь, друзии бо отъ нихъ и конину едоша»* (Ипатьевская летопись). Примерно такими же словами рассказывает об этом и Лаврентьевская летопись. Поэтому невольно напрашивается вывод о том, что отступление полков Мстислава Андреевича от Новгорода явилось не следствием великой победы новгородцев в открытом бою. Мор и голод — вот два важнейших фактора, благодаря которым поход на Новгород закончился полным провалом.

Что же касается новгородцев, то, к их чести, они сумели грамотно использовать все свои немногочисленные преимущества. Не желая доводить дело до длительной осады, они сами опустошили свою волость. Не имея возможности сразиться с врагом в чистом поле, они грамотно дают бой от обороны, опираясь на городские укрепления, и одерживают победу. За тот небольшой отрезок времени, что им был предоставлен, они сумели как следует подготовиться к обороне. И итог противостояния оказался в какой-то мере закономерным, хотя и совершенно неожиданным для современников.

Но здесь возникает другой вопрос: кто виноват в провале похода на Новгород? Почему войско оказалось совершенно не готово к длительной войне в зимнее время? Ответ может быть только один: вся ответственность за провал лежит на Андрее Юрьевиче Боголюбском и ни на ком другом. Именно владимирский князь собирал войска, именно он готовил их к походу, и именно он назначал военачальников. Опять же сам Андрей в поход не пошел, что тоже не самым лучшим образом сказалось на положении дел. С другой стороны, в «Слове о знамении святой Богородицы в год 6677» содержится следующая информация о том, почему Боголюбский не встал во главе полков: *«Сам же он тогда разболелся»*. Что ж, вполне могло так и быть, ведь князь был уже не молод.

Что же касается обеспечения войска продовольствием, то здесь можно предположить, что Андрей Юрьевич исходил из того, что война должна кормить войну. В принципе, мыслил князь правильно, только вот не учел, что новгородцы сами опустошат свою область и вывезут из неё всё, что можно будет вывести. Однако в летописях говорится о том, что во время похода к Новгороду войска *«скоты поимаша»* (Ипатьевская летопись). Хотя могло оказаться и так, что этого самого скота просто не хватило для такого огромного войска. Не продумав до конца ситуацию с продовольствием, Андрей фактически лишил свои войска возможности вести длительную осаду. И всё решилось одним сражением.

Отступление было тяжелым, вполне возможно, что потери, которые при этом понесли полки союзников, значительно превысили боевые: *«Большая часть войска пешком, и в пути от голода немало померло»* (В.Н. Татищев).

Ну а новгородцы предались ликованию. Непосредственная угроза городу миновала, и можно было заняться любимым делом — торговлей. Пленных было захвачено очень много, и с тех пор вечевики с удовольствием вспоминали это славное время: *«Ипродаваху суздалца по две ногате»* (Новгородская I летопись младшего извода). Соответственно, и Роман Мстиславич остался на княжении.

По престижу Боголюбского был нанесен страшный удар. Вся Русь увидела, что можно противостоять диктату владимиро-суздальского властелина. Именно новгородский поход стал первым в той череде неудач, которые постигнут Андрея в последние годы жизни. Но тогда об этом никто даже и не догадывался, потому что, потерпев поражение на поле боя, Боголюбский стал действовать против новгородцев другими методами. Менее затратными и зрелищными, но гораздо более эффективными. По приказу Андрея в очередной раз перекрыли пути подвоза хлеба в Новгород, и всё сразу же встало на свои места. После радостных излияний новгородского летописца о продаже пленных суздальцев появляется довольно грустная запись: *«Бысть дорого въ в Новегороде, купляхут кадь ржи по 4 гривне, а хлебъ по две ногате, а мед пуд по 10 кунъ»* (Новгородская I летопись младшего извода).

Когда в двери стучится голод, то становится не до демократических ценностей. Князь Роман Мстиславич отправился на вольные хлеба, а новгородские послы явились во Владимир-Суздальский и заключили с Андреем мир. Пришли к тому, с чего и начали, — вместо умершего Святослава Ростиславича на берега Волхова отправился княжить его брат Рюрик. Многим тогда казалось, что все встало на свои места, но Андрей понимал, какое жестокое поражение потерпел. Ведь не ради Святослава Ростиславича он затевал всё это грандиозное мероприятие! Покончить с новгородской самостийностью и установить на берегах Волхова твердую власть владимиро-суздальского князя — вот конечная цель этого похода. К сожалению, она достигнута не была, и это имело далекоидущие последствия.

4. Вышгородская конфузия (1173 год)

Того же лета посла князь Андрей сына своего Юрья со многими полки на Давыда Ростиславичя к Вышегороду и стояще около Вышегорода 9 недель, не успев ничто же, возвратившеся.

Пискаревский летописец

Пока Андрей Боголюбский воевал с новгородцами, в Южной Руси продолжалась вялотекущая усобица, поскольку киевский князь Глеб Юрьевич увяз в противостоянии с Мстиславом Изяславичем. Борьба между ними продолжалась с переменным успехом, Мстиславу даже удалось ненадолго захватить Киев, но удержать город он не смог, и всё опять вернулось на круги своя. К тому же волынский князь вскоре умер, а его наследнику Роману, недавно изгнанному из Новгорода, стало не до Киева.

Однако и здоровье князя Глеба резко ухудшилось, и этот некогда сильный и мужественный воин даже не смог сесть на коня и повести войска против половцев, которые вторглись на Русь. Разболевшийся князь призвал своих младших братьев Михалко и Всеволода, поручив им отразить половецкий набег. Михалко Юрьевич был опытным воеводой и необычайно храбрым бойцом. Совсем недавно по поручению Глеба он с малыми силами — сто переяславских дружинников и полторы тысячи берендеев — ходил против семитысячной половецкой орды. В битве Михалко лично повел свои немногочисленные войска в бой, был ранен копьем в бедро, но продолжал мужественно рубиться с кочевниками. Половцы были разгромлены наголову, полторы тысячи их попало в плен, а остальных посекли ратники Михалко. Лишь хан Тоглий сумел тогда убежать с поля боя. И вот теперь Глеб снова просил младшего брата выступить против степняков.

Михалко вновь проявил себя как талантливый военачальник. Выяснив, что противник перешел Буг, князь выступил в поход. Собрав под свой стяг торков и берендеев, он атаковал половцев, когда те, отягощенные добычей и полоном, возвращались в степи. Численный перевес врага никогда не смущал храброго князя, и он, по ходу движения развернув войска в боевые порядки, обрушился на растянувшуюся в походе орду. Разгром степняков был полный и безоговорочный. Примечательно, что в разгар сражения часть пленных половцев была перебита, поскольку княжие мужи посчитали, что они могут освободиться и вновь ударить по русским и черным клобукам. Воевода Володислав обратился к князьям со следующими словами: *«Се держим колодникы собе на смерть, но повели княже ать посекуть и»* (Ипатьевская летопись). Михалко с доводами согласился, и черные клобуки порубили половцев саблями. Братья с победой вернулись в Киев, но Глеб Юрьевич недолго радовался их триумфу, поскольку 20 января умер от болезни.

Хоть В.Н. Татищев и пишет, что Глеб *«был муж: правдивый, кроткий и всяким благонравием украшен»,* но это далеко не так. Рассуждения про кротость оставим в стороне, отметим лишь, что, за исключением правдивости, у князя была и масса других положительных качеств. Будучи наполовину половцем, Глеб был храбрым воином и грамотным военачальником. Никогда не покушался на чужое, но и свое не отдавал. По большому счету, именно он, командуя половецкой ордой в битве у Боловеса, в третий раз добыл своему отцу Юрию Долгорукому златой киевский стол. И Андрей мог быть спокоен за Киев, пока там находился Глеб. Теперь же всё менялось.

К тому же по Руси поползли слухи о том, что князь был отравлен киевлянами. Это нашло отражение на страницах летописей, поскольку в дальнейшем Андрей потребует у Ростиславичей выдачи тех, кого он подозревал в этом черном деле: *«Выдайте ми Григоря Хотовича, и Степанъца, и Олексу Святословця, яко те суть умориле брата моего Глеба»* (Ипатьевская летопись). Но слухи слухами, а на первый план вышел вопрос о том, кто будет княжить в Киеве.

Лучше всех в ситуации сориентировался Владимир Мстиславич, дядя недавно умершего Мстислава Изяславича. Князь быстро появился в стольном городе и уселся на златой киевский стол, руководствуясь принципом: кто не успел, тот опоздал. Но времена изменились, и теперь, чтобы стать князем Киевским, требовалось разрешение от властелина Залесских земель. А Боголюбский такого подарка Владимиру делать не собирался, у него были свои виды на нового кандидата в киевские князья. Летописец так и записал: *«Аньдрееве же не любо бяше седенье Володимере Киеве»* (Ипатьевская летопись). Владимир Мстиславич против силы Андрея сделать ничего не мог.

Боголюбский предложил стать киевским князем своему союзнику Роману Ростиславичу Смоленскому, который с благодарностью принял это предложение. К тому же владимирский князь в случае необходимости обещал Роману вооруженную поддержку. Мы не знаем, что стал бы делать в данной ситуации Владимир Мстиславич, поскольку он вскоре заболел и умер. Но скорее всего, он, как обычно, убежал бы из города. Недаром В.Н. Татищев дал ему довольно нелестную характеристику: *«Сей князь многие беды и гонение от Мстислава, племянника своего, претерпел, бегая в Галич, Рязань, к венграм и к половцам, но все за свою вину и непостоянство, и никто из князей его не любил».*

Итак, достойный кандидат на княжение в Киеве был найден. Но тут случился казус. Из Торческа прибыл младший брат Андрея Михалко и уселся на златой стол. Правда, с могущественным родственником он это решение не согласовывал, действуя на свой страх и риск. Вскоре в городе появилось посольство из Владимира-Суздальского и объявило киевлянам о том, что княжить у них будет Роман Ростиславич. Правление Михалко быстро закончилось, потому что киевские послы ушли в Смоленск звать Романа на княжение. Но времена были смутные, и киевлянам было страшно оставаться без князя. Потому били они Михалко челом и, зная его

храбрость, просили остаться в городе до прибытия Романа. Князь согласился и правил вплоть до появления в Киеве Романа Ростиславича. Это произошло 1 июля 1171 года.

* * *

Относительная стабильность в Южной Руси привела к тому, что в феврале 1172 года войска Андрея Боголюбского совершили большой поход на Волжскую Болгарию. В который уже раз владимирский князь действовал по установившемуся шаблону — сам в поход не шел, а отправлял сына Мстислава и главного воеводу Бориса Жидиславича.

Зимой Боголюбский объявил о походе и стал собирать войска. Князь Мстислав Андреевич и воевода Борис Жидиславич со своими личными дружинами прибыли к Городцу на Волге. Старый союзник Андрея, рязанский князь Глеб Ростиславич, опять в поход не пошел, а отправил сына с дружиной. Примеру своих коллег последовал и муромский князь. Собравшись в Городце, князья стали поджидать прибытия пеших полков.

Но ожидание неожиданно затянулось на целых две недели. Судя по всему, ни ратники, ни воеводы не хотели идти в этот поход. Этот момент четко подметил летописец: *«Зане непогодье есть зиме воевати Болгаръ,* **и подуче не идяху**» (Лаврентьевская летопись). В.Н. Татищев тоже обращает внимание на то, что *«войска весьма лениво собирались».* Полки в поход выступили, но шли медленно, с остановками, задерживаясь по поводу и без. В итоге в Городец так никто к назначенному сроку не пришел. Я не думаю, что такое было бы возможно, если бы во главе войск стоял сам владимирский князь.

Между тем зима заканчивалась, и надо было что-то делать. Будучи человеком решительным, Мстислав Андреевич выступил в поход со всеми наличными силами. Таким образом, в Волжскую Болгарию вторглись лишь княжеские дружины, без поддержки пеших полков. Но с другой стороны, располагая лишь конными гриднями, Мстислав получал возможность быстрого маневра на вражеской территории. Что сын Боголюбского блестяще и использовал.

В.Н. Татищев определяет численность его отряда в 2000 бойцов. Для ведения большой войны силы были невелики, но для стремительного набега их было вполне достаточно. Сначала русские вторглись в мордовские земли и разорили шесть больших сел, после чего напали непосредственно на Волжскую Болгарию. Был захвачен некий город, причем всё мужское население было перебито, а женщины и дети уведены в плен. Видя, что главные силы так и не подходят, войско Мстислава, отягощенное большим полоном и богатой добычей, повернуло назад и пошло к Оке.

Это было сделано вовремя, поскольку болгары оправились от первого шока, вызванного внезапным нападением, собрали до 6000 воинов и кинулись в погоню за Мстиславом. Понимая, что с большим обозом ему без боя не уйти, князь отправил всю добычу и пленных вперед, а сам с конными дружинами решил отвлечь внимание

врага. Маневр удался, и большой обоз, а также тысячи пленных были благополучно переправлены через Оку. После этого стал уходить и сам Мстислав. Вот здесь и сыграл решающую роль тот фактор, что все дружинники были конные. Мобильная рать Мстислава Андреевича сумела оторваться от преследования и отойти к Оке. Противников разделяло всего двадцать верст, но болгары так и не сумели догнать русских, которые благополучно ушли на противоположный берег.

Как можно оценить итоги этого похода? С одной стороны, он закончился весьма успешно, поскольку были взяты богатая добыча и множество пленных. Но с другой стороны, он неожиданно показал, что в княжестве существует мощнейшая оппозиция Андрею. И дело здесь не в простых ратниках, а в воеводах и боярах, которые всячески поддерживали царившие в полках настроения. Подобная медлительность могла произойти только при их полном попустительстве, а никак иначе. Ситуация настойчиво требовала присутствия Андрея Юрьевича в войсках, но он по-прежнему упорствовал в своем заблуждении, считая участие в походах необязательным и не желал видеть очевидного. Выводов не было сделано никаких. В этот раз обошлось, но продолжаться до бесконечности так не могло.

А вскоре князя постиг ещё один жестокий удар. Практически сразу после возвращения из похода, 28 марта, скончался его сын и наследник Мстислав. О причинах смерти князя летописи не сообщают, поэтому можно предположить, что она связана с закончившейся войной. Либо князь был ранен, либо заболел во время похода. И случилось это как раз в тот момент, когда Андрею, как никогда, был нужен рядом тот человек, на которого он мог всецело положиться.

* * *

Вскоре произошли события, которые имели самые негативные последствия для владимирского князя, — случился его разрыв с Ростиславичами. Причем произошёл он явно по вине Андрея, который совершенно перестал считаться с мнением других князей, окончательно утвердившись в роли *«самовластца»*. По большому счёту, в отношениях с братьями Боголюбский совершил ту же ошибку, что и Мстислав Изяславич. Считая себя единственным, кто может распоряжаться судьбой княжеских столов на Руси, он перестал соблюдать даже внешние приличия при принятии решений, которые напрямую касались сыновей Ростислава.

Как и полагается, очередной конфликт начался из-за Новгорода. *«Выбеже Рюрикъ из Новагорода»* — так повествует об этом знаковом событии Лаврентьевская летопись. Почему выбежал, становится понятным после сообщения летописца о том, что новгородцы отправили посольство к Андрею просить на княжение сына Юрия. Такое могло случиться только в одном случае — если сам Боголюбский спровоцировал ситуацию. Ведь именно с его подачи Рюрик сел в Новгороде, и вряд ли бы кто посмел его оттуда изгнать без соизволения Андрея. Очевидно, владимирский князь решил, что настало время окончательно прибрать Новгород к

рукам, поэтому и затеял там смену князей. Но сделал это настолько грубо и бестактно, что вызвал вполне заслуженное возмущение Ростиславичей.

В.Н. Татищев приводит ответ братьев владимирскому князю: *«Отец и брат, мы тебя ради твоей старости именуем и почитаем отцом себе, но ты учинил неправо, что взял наш Новгород, ибо ведаешь сам довольно, что Новгород издревле принадлежит к великому князю русскому к Киеву, а особенно новгородцы сколько раз деду и отцу нашим и нам крест целовали, что от нас не отступать. И ты сам то утвердил. А ныне, не объявив нам вины нашей, то нарушил».* Как видим, Ростиславичи упирали на то, что, согласно древнему обычаю, Новгород всегда находился в сфере влияния киевского князя. А поскольку в Киеве правил старший из братьев — Роман, то ему и решать, кто будет княжить на берегах Волхова. И не Андрею туда лезть. На что Боголюбский возразил, что сейчас он старший в роду Мономаха, а потому имеет полное право назначать в Новгород князей.

И пошло-поехало. Сочтя эти возражения прямым вызовом, Андрей отправил к братьям своего мечника Михна с ультиматумом, который иначе, как оскорбительным, назвать нельзя. Прежде всего Боголюбский потребовал выдать ему тех людей, которые подозревались в убийстве его брата Глеба. Владимирский князь устами своего посла заявил на всю Русь о том, что Роман должен покинуть Киев, Давыд — Вышгород, а Мстислав — Белгород. При этом было добавлено, что *«а то вы Смоленескь, а темъ ся поделите»* (Ипатьевская летопись). Издеваясь, Боголюбский рекомендовал всем братьям идти в Смоленск и разделить между собой княжество. Но четыре князя было очень много для Смоленска, поэтому требования Андрея были изначально невыполнимы.

В воздухе запахло большой войной, но старший из братьев, Роман, решил не связываться с владимирским князем и покинул Киев, уйдя в Смоленск. Андрей пожелал видеть на златом столе своего брата Михалко, княжившего в Торческе, но тот по какой-то причине не смог прибыть в Киев, отправив туда младшего брата Всеволода и племянника Ярополка.

Княжение Всеволода Юрьевича в Киеве продолжалось недолго, всего пять недель. За это время Рюрик, Давыд и Мстислав отправили к Андрею ещё одного посла, взывая к совести властелина Северо-Восточной Руси: *«Но ты брата нашего Романа выслал из Киева и нам без всякой нашей вины велишь из Русской земли, нашего наследия, идти. Просим тебя, чтоб ты, помня свое к нам обещание, более нас не обижал»* (В.Н. Татищев). А в конце многозначительно добавили, что если правды они у Андрея не добьются, то Бог их рассудит с владимирским князем.

Но Боголюбский не посчитал нужным даже ответить братьям. Очевидно, он сознательно провоцировал этот конфликт, надеясь сломить Ростиславичей и превратить их, подобно рязанским и муромским князьям, в своих покорных вассалов. Но такой расклад братьев совершенно не устраивал, и видя, что от Андрея справедливости не дождешься, они решили сами её восстановить. Дело в долгий ящик не откладывали, и в ночь на 26 июля дружины Давыда и Мстислава Ростиславичей захватили Киев. В плен попали Всеволод с Ярополком, а также те

владимирские бояре, которые были в городе. После этого из Овруча прибыл Рюрик Ростиславич и уселся на златой киевский стол.

Новый киевский князь был человеком предусмотрительным и, понимая неизбежность военного конфликта с Андреем, решил обезопасить себя со всех сторон. В Торческ, где княжил Михалко Юрьевич, прибыл посол от Рюрика Ростиславича и велел покинуть город. Но Михалко ответил отказом, и тогда Рюрик вместе с Давыдом и Мстиславом подошёл к Торческу, взяв город в осаду. Противостояние продолжалась шесть дней и завершилось примирением сторон. Михалко покидал Торческ, но взамен получал более престижный Переяславль-Южный, и это его более чем устраивало. К тому же Рюрик отпустил из плена Всеволода с боярами, что уничтожило последний повод для вражды между ним и Михалко. Правда, в Киеве продолжал оставаться Ярополк Ростиславич, но Михалко было глубоко наплевать на своих племянников, и Ярополка в частности. Последующие события это подтвердили.

Едва новый переяславский князь ушёл в свой удел, как Рюрик Ростиславич выгнал из Треполья другого его племянника — Мстислава. Тот кинулся было к дяде за помощью, но Михалко не только не помог родственнику, но даже не пустил его в город. В итоге беглец ушёл в Чернигов, к своему деду по матери Святославу Всеволодовичу.

Узнав о событиях на юге, Андрей страшно разгневался. И тут ещё во Владимир-Суздальский явились послы от черниговских Ольговичей, которые предлагали князю ни много ни мало как военный союз против Ростиславичей. Сказано было четко: *«Кто тобе ворогъ, то ти и намъ; а се мы с тобою»* (Ипатьевская летопись). У черниговского князя Святослава Всеволодовича были свои резоны, чтобы пойти на такой шаг. Хитрый и опытный политик, принимавший активное участие в войнах Юрия Долгорукого за Киев, он попеременно воевал то на одной, то на другой стороне. То поддерживал суздальского князя, то рьяно сражался на стороне его противников. Подталкивая Боголюбского к этой войне, он вбивал такой клин во взаимоотношения владимирского князя с Ростиславичами, выбить который в дальнейшем было бы весьма проблематично. Раздувая усобицу среди потомков Мономаха, он тем самым усиливал Ольговичей. Святослав сам поглядывал в сторону Киева, и начавшееся противостояние было ему на руку. Хотя имела место и обычная политика черниговских князей — поддержать в конфликте сильнейшую сторону и после победы получить определенные дивиденды.

Что же касается Андрея, то теперь он окончательно уверился в правильности принятого решения воевать с Ростиславичами и вновь отправил к ним своего мечника Михна. То, что он передал братьям, в буквальном смысле слова шокировало князей: *«Ты же Рюриче пойди вь Смолнъскь кь брату во свою отцину; а Давыдовы рци: а ты пойди вь Берладь, а в Русъкой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: в тобе стоить все, а не велю ти в Руской земле быти»* (Ипатьевская летопись). Как видим, Андрей Юрьевич лихо определил, куда и кому из князей идти, а также назначил главного стрелочника. Это был неприкрытый диктат, который, кроме ненависти,

ничего не мог вызвать в ответ. Боголюбский своей волей не только лишал Мстислава Ростиславича удела, но и изгонял его из пределов Русской земли.

Когда эти слова услышал Мстислав, он впал в бешенство. Князь махнул гридням рукой, и те быстро заломили руки посланцу Андрея. По приказу Мстислава мечнику Михну большими ножницами обкорнали бороду, а затем остригли голову. На наглость Андрея Юрьевича Мстислав Ростиславич ответил неслыханной дерзостью, опозорив на всю Русь в лице своего посла владимирского князя.

Это была публичная пощечина, на которую Андрей обязан был ответить, иного пути у него просто не было. Боголюбский был в ярости, в Ипатьевской летописи отмечено, что *«образъ лица его попуснелъ»*. В.Н. Татищев это прокомментировал так: *«Андрей Юриевич хотя умом, а более храбростию прежде во всей Руси славился, только сею невоздержною яростию и гневом неправым на ближних своих сродников, желая их неправо достояния лишить, посрамился и великое неистовство изъявил»*. Князь поднял всю Северо-Восточную Русь, войска сходились со всех сторон его необъятного княжества. В поход пошли полки ростовские, суздальские, владимирские, белозерские, переславские, муромские, рязанские и новгородские. Согласно Ипатьевской летописи, общая численность воинства достигала 50 000 ратников, для Руси это было более чем достаточно. Все думали, что в этот раз войска поведет сам Андрей, поскольку оскорбление было нанесено ему лично. К тому же, если бы он возглавил рать, сам по себе отпал бы спор о том, кто же, собственно, командует, и раздоры бы прекратились, так и не начавшись. Однако князь снова поступил вопреки здравому смыслу и поставил во главе войск своего малолетнего сына Юрия, под присмотром всё того же Бориса Жидиславича. Прошлые уроки впрок не пошли.

Почему он снова так поступил? Говорить о том, что князь был стар и немощен, не приходится, поскольку в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» четко написано, что князь оказал убийцам отчаянное сопротивление, *«ибо он был силен»*. Дело, скорее всего, было в другом. В той же «Повести об убиении Андрея Боголюбского» он назван ВЕЛИКИМ князем. И это при том, что в Киеве Андрей никогда не правил. Получалось, что тот, кто теперь княжит во Владимире-Суздальском, автоматически получает этот титул. Поэтому есть большая вероятность того, что теперь Боголюбский считал ниже своего достоинства ходить в походы вообще, как против врагов внешних, так и против врагов на Руси. Возможно, что, с его точки зрения, это было и правильно, но беда заключалась в том, что после смерти сына Мстислава Андрею просто некого было поставить во главе такого огромного войска. Юрий был ещё малец, а Борис Жидиславич для того же Святослава Всеволодовича, который хотел чуть позже присоединиться к походу, был никто и звали его никак. Поэтому недостаток авторитетного командующего неизбежно должен был привести к склокам и раздорам среди князей, а отсутствие единоначалия, как известно, есть первый шаг к поражению. Но тем не менее Андрей предпочел в очередной раз остаться дома.

В конце лета 1173 года полки выступили на Киев. Сыну Юрию и Борису Жидиславичу князь дал строгий наказ: Рюрика и Давыда Ростиславичей изгнать из Русской земли, а Мстислава взять живым и явить пред светлые очи Андрея. А уж владимирский князь найдёт, как наказать супостата. Маршрут же, по которому шли войска, оказался довольно необычным для такого большого войска. Если обычно суздальские князья ходили на Киев через земли вятичей, то теперь рать шла по Волге в сторону Днепра. И, судя по всему, связано это было с тем, что Андрей считал необходимым припугнуть смоленского князя Романа, дабы тот не вздумал помогать братьям.

И действительно, Роман не посмел противодействовать такой огромной рати и был даже вынужден отправить в распоряжение Юрия Андреевича смоленский полк под командованием сына. Затем к войску присоединились князья полоцкий, туровский, пинский и городенский с дружинами. Когда же войско встало напротив Киева и лишь Днепр теперь отделял союзников от города, подошли черниговские полки Святослава Всеволодовича. Затем прибыли Михалко и Всеволод Юрьевичи с переяславским полком, а также их племянник Ярополк Глебович с дружиной. Сила собралась такая, что не то что Ростиславичей из Киева можно было выгнать, а даже половцев из степей вытеснить. Одних князей собралось более двадцати, гораздо больше, чем в тот раз, когда войска Андрея взяли Киев на щит.

Ну а что же Рюрик, Давыд и Мстислав, как они хотели противиться такой напасти? Пример Мстислава Изяславича, который безуспешно пытался оборонять Киев, был у братьев перед глазами, благо они сами участвовали в тех судьбоносных событиях. Да и киевляне хорошо помнили, чем закончилась для них прошлая осада и все ужасы, которые после этого последовали. Повторения пройденного они явно не хотели и вполне могли отказаться сражаться за Ростиславичей. Поэтому тактика была выбрана другая — Рюрик ушел в Белгород и там затворился, а Давыд и Мстислав окопались в Вышгороде. Правда, Давыд там долго не засиделся, а уехал в Галич просить помощи у могущественного Ярослава Осмомысла. Но тот просителю отказал, не желая связываться с Андреем. И действительно, скоро полки союзных князей вступили в Киев, после чего двинулись на Вышгород, где засел с дружиной Мстислав. Святослав Всеволодович и Михалко подняли черных клобуков, которые пусть и неохотно, но в поход выступили. Для Ростиславичей наступил момент истины.

* * *

Передовые части войск Юрия Андреевича появились под Вышгородом 8 сентября. Командовали ими Всеволод Юрьевич и Игорь, сын Святослава Ольговича, будущий герой «Слова о полку Игореве». Молодые князья быстро развернули свои полки в боевые порядки: в центре встали Всеволод и Игорь с дружинами, а на флангах новгородцы и ростовцы.

Стоя на крепостной стене Вышгорода, Мстислав Ростиславич внимательно наблюдал за перемещениями вражеских войск. Противник превосходил его ратников численно, но Мстислав знал, что скоро подойдут главные силы и тогда преимущество противника станет подавляющим. Глядя на изготовившиеся к бою вражеские полки, у князя появилась мысль попробовать разбить этот передовой отряд до подхода Юрия Андреевича с союзниками. Стянув к воротам всё своё воинство и оставив на стенах лишь дозорных, Мстислав повел бойцов в атаку. Тяжелые створки распахнулись, и из темной арки хлынули закованные в броню конные гридни, за которыми повалила пешая рать.

Лучники младшей дружины вырвались вперед и стали осыпать стрелами воинов Всеволода. Но молодой князь выдвинул в передние ряды стрелков, а затем отправил в атаку конных лучников. Завязался упорный бой, всадники били друг друга стрелами, разъезжались, затем снова шли в атаку и вновь обращались в притворное бегство. Но пока шла круговерть кавалерийской схватки, Мстислав успел изготовить свои войска к бою. Видя, что его лучники истомлены длительным сражением, уступают врагу и вот-вот обратятся в бегство, Мстислав Ростилавич велел им отступить за строй пехоты и уходить в город. После чего встал во главе дружины и приказал трубить атаку.

Навстречу гридням Мстислава повели свои дружины Игорь и Всеволод. Две конные лавины столкнулись в поле, и началась рукопашная. Белгородский князь рубился отчаянно, и постепенно его бойцы стали теснить врага. После упорного боя дружинники Всеволода и Игоря были смяты и стали стремительно отступать. Видя, что их союзники с минуты на минуту обратятся в бегство, пришли в движение ростовский и новгородский полки. С двух сторон они ударили по прорвавшимся в центр ратникам Мстислава и остановили их натиск. Битва затянулась и продолжалась до самой ночи, после чего Всеволод отступил от города, а Мстислав ушел за крепостные стены. С обеих сторон было очень много раненых, однако количество убитых было невелико. Вскоре подошли с полками Юрий Андреевич и Святослав Всеволодович, и Вышгород оказался в тесной осаде.

Борьба продолжалась девять недель. Войска союзников каждый день ходили на приступ города и каждый раз отступали, не достигнув каких-либо результатов. С утра до вечера гремело сражение на валах и стенах Вышгорода, атакующие сменяли друг друга в непрерывных атаках, но всё было без толку. Мстислава спасало то, что протяженность городских укреплений была невелика, и это позволяло князю маневрировать своими немногочисленными резервами, посылая воинов на наиболее опасные участки битвы. Союзники же не могли извлечь никакой пользы из того, что их войска имели громадное численное преимущество над защитниками. Невероятно, но факт — огромное войско топталось перед небольшой крепостью и ничего не могло поделать с малочисленным гарнизоном. По ночам тысячи костров озаряли черное небо в окрестностях Вышгорода и стоявшие на стенах караульные в страхе крестились, глядя на обложившее город неисчислимое воинство. Но зато среди

защитников был человек, который стал настоящей душой обороны и равного которому не нашлось во вражеском стане. Что и сыграло решающую роль.

Это был звездный час Мстислава Ростиславича. Впоследствии, уже после смерти князя в 1180 году, летописцы наградят его прозвищем Храбрый. Хотя князю больше подошло бы прозвание Неистовый, поскольку его храбрость выходила за границы здравого смысла. Ведь когда перед ухмыляющимся Мстиславом гридни кромсали ножницами бороду посла Андрея Боголюбского, то уже тогда можно было усомниться в том, что белгородский князь находится в здравом уме. Потому что, действуя таким образом, он наносил оскорбление лично Андрею, что исключало всякую возможность компромисса в дальнейшем. А это было очень глупо, учитывая изначальное неравенство сил.

Длительное и безуспешное стояние под стенами крепости действовало угнетающе на союзную рать. Командование над войском прибрал к рукам хитрый Святослав Всеволодович, чем вызвал недовольство среди остальных князей. Но настроение союзников было поднято появлением нового большого отряда, который привел им на помощь князь Ярослав Изяславич Луцкий. Но он не просто так появился под стенами Вышгорода с Волынскими полками. У князя были свои виды на Киев, и мысленно он уже представлял себя на златом столе.

Однако Ярославу пришлось вступить в жесточайший конфликт с Ольговичами, желавшими видеть киевским князем лишь Святослава Всеволодовича и никого другого. Итогом этой распри стало то, что Ярослав Изяславич вступил в тайные переговоры с Ростиславичами и, урядив с братьями вопрос о Киеве в свою пользу, перешел на их сторону. Покинув лагерь союзников, он демонстративно увел полки к Белгороду, где сидел Рюрик Ростиславич. Это стало началом конца длительной осады.

Первыми, кто среагировал на изменение ситуации, оказались черные клобуки. Их предводители четко заявили Юрию Андреевичу и Святославу Всеволодовичу, что не желают помогать Ольговичам в борьбе за Киев, после чего подняли свою конницу и ушли в Поросье. Сделано это было под вечер, на виду у всех, и как только черные клобуки покинули боевой стан, в лагере началось нестроение. Слухи один другого страшнее распространились среди воинов, говорили, что черные клобуки ушли на соединение с ратью Ярослава Осмомысла, который с бесчисленными полками идёт на помощь осажденному Вышгороду. И что с минуты на минуту враг будет здесь.

Этого оказалось достаточно, чтобы вспыхнула паника и охватила всю союзную рать. Воинство не слушало увещеваний князей и воевод, пытавшихся разъяснить ситуацию и объяснить насмерть перепуганным ратникам, что никто на них походом не идёт и никакого Ярослава Осмомысла рядом нет. Но всё было тщетно. Кто-то закричал, что враг уже рядом, и этого оказалось достаточно, чтобы огромная толпа, в которую превратилось некогда грозное воинство, обратилась в бегство. Тысячи людей ринулись к Днепру, прыгали в ладьи и насады, торопливо выгребая на середину реки. Многие хватались за мечи и топоры, отвоевывая себе место на судне, воды Днепра окрасились кровью, и огромная армия союзников перестала существовать как единый

военный организм. Видя, что всё пропало, побежали и князья со своими дружинами, воеводы с боярами и прочие начальные люди.

Князь Мстислав Ростиславич поднялся на угловую башню Вышгорода, где он и так проводил большую часть времени, и с недоумением глядел на происходящую внизу суматоху. Но постепенно до князя дошло, что вражеский стан охвачен жутким смятением. Мстислав не стал задаваться вопросом, почему это всё происходит, а просто велел собрать дружину. Увидев, что гридни готовы к бою, князь вихрем слетел с башни, вскочил в седло и велел растворять ворота. Тяжелые, почерневшие от огня дубовые створки со скрипом раскрылись, и дружинная конница пошла в атаку на вражеский лагерь.

Это был неслыханный разгром. Большинство ратников из воинства Юрия Андреевича и Святослава Всеволодовича сумели благополучно переправиться через Днепр и уйти. Другим повезло меньше, поскольку они просто разбежалась по окрестностям, где их и вылавливали гридни Мстислава Ростиславича. Пленных было захвачено великое множество, также победителям достался весь громадный обоз. Очередной поход войск Андрея Боголюбского закончился полным крахом.

* * *

Летописец так подвел итоги этого противостояния: *«Мьстислав же много пота утеръ с дружиною своею, и не мало мужъства показа с мужьми своими»* (Ипатьевская летопись). Примечательно, что потери в войсках союзников могли быть небольшими, поскольку в Новгородской I летописи младшего извода так говорится о вернувшихся из похода новгородцах: «**И приидоша в Новъгород вси здрави**». А раз это удалось вечевикам, которые с самого первого дня осады участвовали в боевых действиях, то почему не должно было получиться у других? Поэтому можно говорить о том, что главной причиной конфуза под Вышгородом стало нежелание простых ратников воевать непонятно за что. При первом же удобном случае они запаниковали и массово обратились в бегство.

А на Руси просто не могли поверить в то, что произошло. Ведь случилось то, чего в общем-то не должно было быть, поскольку Ростиславичам удалось выйти победителями в противостоянии с владимирским князем. Не имея ни малейшего шанса на успех, братья мастерски воспользовались ошибками врага и сумели переломить ситуацию в свою пользу. Однако в ещё большем выигрыше оказался Ярослав Изяславич, который проявил политическую мудрость и сел на златом киевском столе.

Что же касается Андрея, то он получил новый сокрушительный удар по своему престижу. Но хуже всего было то, что это было второе поражение подряд. Сначала новгородцы, а теперь и Ростиславичи показали остальным князьям, что не так страшен черт, как его малюют. На Руси открыто говорили о том, что это Бог наказал Андрея за гордыню и высокоумие, что и нашло отражение на страницах летописей:

«Итако вьзвратишася вся сила Андрея князя Суждальского: совокупилъ бо бяшетъ все земле и множеству вой не бяше числа пришли бо бяху высокомысляще, а смирении отидоша в домы своя» (Ипатьевская летопись). О том же поведал и В.Н. Татищев: «*А войско Андрееве возвратилось со срамом и великим вредом, из-за гордости его наказал его Бог».*

Мы не знаем, как бы в дальнейшем развивались события, сделал Андрей Юрьевич выводы из случившегося или нет. Вполне возможно, что князь отбросил бы свои принципы и, как в старые добрые времена, сел на коня и лично повел в бой полки. Но эта война оказалась последним военным предприятием Андрея, поскольку в ночь с 28 на 29 июня князь был убит в своем загородном замке.

Подводя же итоги, можно сказать, что походы Андрея Боголюбского в 1169 году на Киев ив 1170 году на Новгород имели решающее значение для дальнейшей судьбы Руси. В первом случае Киев навсегда утратил значение первого города на Русской земле, уступив это место Владимиру-Суздальскому, со всеми вытекающими из этого последствиями. Во втором случае князю не удалось сломить новгородскую независимость и навсегда подчинить вольный город владимирским князьям.

IV. РАТНЫЕ ДЕЛА ВЕЛИКОГО ВСЕВОЛОДА

1. Битва на Болоховом поле (15 июня 1176 года)

И не дошедь Володимера за пять верст от Москвы, идучи, бися Михайло с Ростиславичи, и поможе бог Михаилу июня 15 вь день недельный.

Пискаревский летописец

Убийство Андрея Боголюбского взорвало Владимиро-Суздальское княжество изнутри. *«И великъ мятеж бысть в земли той, и велика беда, и много паде головъ, яко и числа нету»* (Новгородская I летопись старшего извода). В окрестностях Владимира-Суздальского и Боголюбова произошло избиение представителей великокняжеской власти — посадников и тиунов. Убивали дружинников и мечников. Причем все эти убийства ознаменовались массовыми грабежами и погромами. Подобное развитие ситуации не на шутку перепугало местную элиту, и в Суздале спешно собрались представители местной знати. Прибыли также делегации из Ростова и Переславля-Залесского. Срочно нужен был новый князь, но, как на грех, представителей правящей династии в княжестве не было. Сын Боголюбского Юрий в это время находился в Новгороде, а младшие братья Андрея — Михалко и Всеволод — в Переяславле-Южном. Их племянники, Мстислав и Ярополк Ростиславичи, были в Чернигове, у своего деда Святослава Всеволодовича.

Собрание в Суздале было бурным, страсти бушевали нешуточные. Ситуация усугублялась тем, что власть имущих Владимиро-Суздальской земли тревожило не только внутреннее положение дел в княжестве, они опасались и вмешательства извне. В Лаврентьевской летописи чётко указано, что суздальцы боялись своих соседей, рязанского и муромского князей: *«Боимся льсти ихъ, еда поидуть изънезапна ратью на насъ, князю не сущю у насъ»*. Открытым текстом заявлено — обманут и нападут внезапно, а князя у нас нет. Наиболее разумные бояре хотели призвать из Новгорода сына Андрея, Юрия. Но поскольку тот был ещё очень молод, то до совершеннолетия князя должен был править его дядя Михалко, а другой дядя, Всеволод, получал княжение в Ростове. В принципе, при таком раскладе возможность междоусобицы в княжестве сводилась к минимуму. Но тут взвились убийцы Боголюбского, влиятельные бояре Кучковичи, которые вполне резонно опасались за свои жизни, поскольку прекрасно понимали, что сын и братья убитого спросят с них жестоко.

Вот тут на сцену и вышли два рязанских боярина, которые присутствовали на этом собрании, — Борис Куневич и Детилец. Честно говоря, даже удивляет, как рязанцы оказались на собрании представителей Владимиро-Суздальской земли. Нечего им там было делать, не их эта забота думать о князе для своих соседей. К тому же отношение высокого собрания к Глебу Рязанскому было известно. Но тем не менее два боярина не только присутствуют, но и активно участвуют в прениях. И агитируют они за братьев Ростиславичей, сестра которых замужем за князем Глебом. А Глеб

сейчас — эта реальная военная сила, с которой приходится считаться. В итоге в нарушение всех прав, по которым власть в княжестве должна была принадлежать Михалко и Всеволоду как сыновьям Юрия Долгорукого, на княжение позвали их племянников. При этом ростовцы умудрились переругаться с суздальцами, поскольку стали выяснять, какой город старше и где будет княжеский двор.

По окончании совещания было отправлено посольство в Рязань, и там было окончательно обговорено с Глебом, что он посодействует в утверждении на княжении своих родственников. После этого, прихватив с собой рязанских вельмож, посольство отправилось в Чернигов за Ростиславичами.

Черниговский князь Святослав Всеволодович был человеком очень умным и дальновидным, недаром он прошел хорошую школу во время войн Юрия Долгорукого. Когда к нему явилось это пресловутое посольство и объяснило цель своего визита, князь прекрасно понял, к чему идет дело. А шло оно к большой крови. Святослав был уверен, что Михалко и Всеволод от своих прав на княжение никогда не отступятся и будут бороться с племянниками до конца. В.Н. Татищев указывает, что поскольку Ростиславичи были внуками Святослава по линии матери, то дед постарался объяснить им всю неразумность принятия предложения от ростовских и суздальских бояр. Что закон и право не на их стороне: *«Сия есть вотчина Юриева, которого настоящий наследник сын его, а ваш стрый Михалко, которым оные прежде крест целовали. И не могут сии своего права вам уступить, но воздвигнут войну и разорят землю, и кто ведает, кому в том Бог поможет. Ежели же хотите без пролития крове получить себе участие, то лучше о том договор учинить со стрыями вашими»* (В.Н. Татищев).

Ситуация осложнялась тем, что в данный момент Михалко вместе с Всеволодом приехал в гости к Святославу и здесь они могли узнать о целях посольства. Да и спорить с могущественным дедом Ярополку и Мстиславу было себе дороже. Поэтому Ростиславичи для виду согласились с его доводами и целовали крест, что признают старшинство Михалко. Но одновременно они продолжали вести переговоры с посольством и вельможами Глеба, обговаривая все условия будущего вокняжения. Свои козни им удалось сохранить в тайне, и в итоге племянники с дядьями выехали из Чернигова, отправившись в Залесье. Первыми в Москву приехали Михалко и Ярополк, а там коварный племянник посоветовал дяде подождать его пару дней, поскольку есть большая необходимость отъехать по делам. А сам прямым ходом рванул в Переславль-Залесский, где и был с честью принят ростовскими боярами. Там же собрались полки со всего княжества, включая и 1500 владимирских дружинников. Владимирцы явно не желали видеть на княжении Ростиславичей, но, поскольку от Михалко и Всеволода не было никаких известий, были вынуждены согласиться с решением ростовской и суздальской знати.

В. Верещагин. Князь Михалко Юрьевич

Князь Михалко был личностью довольно примечательной. Любопытную его характеристику оставил В.Н. Татищев: *«Ростом был мал и сух, борода узкая и длинная, волосы долгие и кудрявые, нос нагнутый, весьма знающим был Писание, с греками и латинами говорил на их языках, как по-русски, но о вере никогда прения иметь не хотел и не любил, поставляя, что все прения от гордости или невежества духовных происходят, а Закон Божий всем один есть».*

Казалось бы, книгочей и учёный человек. Но мы знаем, что в битвах князь был храбр, да и в ратном деле смыслил. Поэтому, когда Михалко узнал о подлости племянника, он не растерялся, а двинул прямиком на Владимир-Суздальский, где и был с радостью принят жителями. Но Ярополк моментально оценил обстановку, а потому, воспользовавшись тем, что у него под рукой оказались войска, собранные боярами со всего княжества, выступил в поход на Владимир. Очевидно, что племянник планировал быстро расправиться с дядей. Владимирцы оказали Ярополку отчаянное сопротивление, и осада города затянулась на семь недель. Причем это не

было топтанием под стенами города с целью взять врага измором, как это частенько практиковали русские. За Владимир-Суздальский развернулись ожесточенные бои, воины Ярополка штурмовали город, а защитники отражали их атаки на валах столицы. В Лаврентьевской летописи так и прописано: *«Володимерцы бъяхутся с города».* Сильнейшую крепость Северо-Восточной Руси, имеющую три линии обороны, взять было очень не просто. Тогда на помощь Ярополку явился брат Мстислав, а затем прибыли муромские и рязанские полки. Новоявленные союзники выжгли и разграбили окрестности Владимира, а Ростиславичи этому не сумели помешать. Хотя, что вполне возможно, просто не захотели. После прихода к врагу подкреплений положение осажденных значительно ухудшилось, потому что в городе начался голод.

В итоге, когда голод сделался нестерпимым, защитники решили открыть ворота. Михалко тайно покинул столицу и отправился в свой удел, в Переяславль-Южный, пообещав горожанам вернуться. А владимирцы тем временем били челом Ярополку, говоря, что бились не против него, а против ростовских мужей, которые, по свидетельству Лаврентьевской летописи, хотели посадить во Владимире-Суздальском посадника, а сам город пожечь. Об этом же пишет и В.Н. Татищев. Он отмечает, что горожане заслужили снисхождение тем, что покаялись перед победителем.

После бегства своего главного врага Ростиславичи стали делить добычу. Ярополк получил Владимир и Юрьев-Польской, а Мстислав — Ростов и Переславль-Залесский. Суздаль братья оставили в совместном владении. Глеб Рязанский, набив обозы награбленным во владимирских волостях добром, убрался восвояси, прихватив заодно меч святого Бориса и образ Пресвятой Богородицы, привезённый из Вышгорода Андреем Боголюбским. Ещё одним следствием победы Мстислава и Ярополка стало то, что Юрий Андреевич был вынужден покинуть Новгород.

Казалось, что теперь во Владимиро-Суздальской земле наступит мир и покой, но не тут-то было! Князья стали ублажать тех, с помощью кого сумели захватить власть, раздавая этим людям земли и волости. Сразу же начались грабежи и поборы, мздоимство в княжеских судах достигло невиданных размеров, и народ буквально стонал от творившихся несправедливостей. Но что примечательно, сами Ростиславичи в делах правления участия практически не принимали, служа лишь своеобразной парадной вывеской княжества. Зато для бояр наступило полное раздолье: «**А сама князя молода бяста, слушая боляръ, а боляре учахуть я на многое именье**» (Лаврентьевская летопись). А боярину главное — закрома свои боярские добром набить.

Больше всего в данной ситуации досталось жителям Владимира-Суздальского. Победители, ростовское и суздальское боярство, сформулировали постулат, который являлся сутью их политической программы: «*В Белой же Руси старейшие грады Ростов и Суздаль,* **а Переяславль же, Владимир и прочие суть пригороды сих двух, из-за того их совет не потребно слушать**» (В.Н. Татищев). Горожан сильно утесняли и притесняли, а они уже не имели возможности выступить против новой власти. Поэтому приходилось терпеть. И сносили они всё это до тех пор, пока в

городе не начался ничем не прикрытый грабеж церквей и монастырей. Когда же наиболее ретивые сторонники Ростиславичей запустили руку в церковную казну Успенского собора, терпение жителей Владимира лопнуло. Для начала посланцы от города побывали в Ростове и Суздале, где прозондировали почву по поводу будущего совместного выступления против Ростиславичей. Ответ они получили примерно такой: мы с вами совершенно согласны, но местные бояре поголовно поддерживают Мстислава с Ярополком, а потому мы вам в сем деле не помощники.

И что оставалось делать владимирцам? Только идти на поклон к Михалко и Всеволоду. Двое знатных горожан отправились в Переяславль-Южный и там, напомнив братьям Юрьевичам об их законных правах на Ростово-Суздальскую землю, позвали на Владимирское княжение. Просили защитить силой наследие их старшего брата Андрея, обещая всяческую помощь со своей стороны. Михалко и Всеволоду терять было нечего, и они это предложение приняли.

* * *

Михалко был человеком предусмотрительным и прекрасно понимал, что их с братом сил явно не хватит для борьбы с Ростовом и Суздалем. Даже если учесть ту помощь, что обещали оказать жители Владимира. Нужен был союзник, и союзник сильный. Им оказался Святослав Черниговский. Михалко и Всеволод действовали очень хитро — они обратились к князю с просьбой о помощи, указав при этом, что договор с Ростиславичами заключался при его непосредственном участии. Ярополк и Мстислав нарушили крестное целование, сознательно пошли на обман и этим поступком опозорили не только себя, но и своего деда. После того как ими была захвачена власть, в Суздальской земле воцарилась смута, и чем там теперь все закончится, неизвестно.

Поразмышляв, Святослав решил оказать помощь братьям Юрьевичам. С одной стороны, у него были очень неплохие отношения с Михалко, который не раз помогал Святославу в трудную минуту. С другой стороны, он видел, что Ростиславичи не по праву владеют Ростово-Суздальской землей, и понимал, если подобные эксцессы не пресечь на корню, то они захлестнут всю Русь — от Волги до Карпат. И наконец, князя бесил сам факт, что Ярополк с Мстиславом столь бессовестно нарушили клятву Юрьевичам, данную у него в доме. Немалую роль сыграло и то, что своим соседом черниговский князь хотел видеть человека всем ему обязанного.

21 мая 1176 года дружины Михалко и Всеволода вместе с черниговскими полками, которые вел сын Святослава Владимир, выступили в поход. Вначале всё складывалось удачно, но затем случилась беда — Михалко разболелся, да так сильно, что не мог ехать на коне, и его пришлось нести на носилках. Чуть живого князя донесли до Москвы и там войска были вынуждены остановиться, ожидая, пока Михалко станет лучше. Между тем в бывшей вотчине боярина Кучки Юрьевичей

встретила представительная делегация из Владимира, которая поднесла князьям дары и просила как можно скорее прибыть в столицу.

Тем временем, узнав о том, что дядья вместе с черниговцами идут на них войной, выступили в поход и Ростиславичи. Из Ростова через Переславль-Залесский на Москву пошел Мстислав, а Ярополк повел полки из Суздаля. Однако Михалко стало лучше, и, узнав о наступлении Ростиславичей, он решил разбить их поодиночке. Первой жертвой он наметил Ярополка. Но в лесах рати враждующих князей разминулись, и Юрьевичи продолжили движение на Владимир-Суздальский, а Ярополк как ни в чём не бывало продолжил движение к Москве. До него уже дошли слухи о болезни Михалко, и князь пребывал в уверенности, что если они с братом зажмут заклятого врага с двух сторон, то покончат с ним раз и навсегда.

Но, когда Ярополк узнал о том, что вражеских полков в Москве нет, он не на шутку перепугался и спешно отправил гонца к Мстиславу, прося того срочно идти к Владимиру-Суздальскому. Сам же быстренько развернул войска и тоже поспешил на защиту столицы.

Но и Михалко со Всеволодом понятия не имели о том, где находятся Ростиславичи. Дремучие леса, а также то, что у тех и у других дальняя разведка была поставлена из рук вон плохо, сделали возможными подобные метания и блуждания. Однако в отличие от своих врагов братья Юрьевичи оказались более предусмотрительными. Шли они не спеша, высылая вперед разъезды и дозоры, ведя полки полностью снаряженными для битвы. В итоге, воспользовавшись медлительностью врага, Ярополк и Мстислав успели свои силы перед решающим сражением объединить, но зато, когда рать Михалко в пяти верстах от города Владимира была внезапно атакована, его гридни и ратники оказались готовыми к бою…

Войска сыновей Юрия Долгорукого медленно переходили речку Кужляк и через Болохово поле продолжали движение на столицу. Впереди шел черниговский полк Владимира Святославича, за ним походным порядком тянулись остальные войска. В это время Ростиславичи и нанесли удар. Мстислав и Ярополк сразу бросили в бой свои отборные войска, надеясь смять противника одним решительным натиском. Укрываясь за горой, князья выждали удобный момент, а затем лично возглавили атаку. Взгромоздившись на могучих боевых коней, шли на битву во главе личных дружин ростовские и суздальские бояре. Прикрываясь большими червлеными щитами, железной лавиной катилась через поле дружинная конница, за которой бежала пехота. Ярко сверкали на солнце начищенные до блеска доспехи, в глазах пестрело от множества развевающихся знамен и стягов. Грозный боевой клич сотрясал воздух. И вся эта громада неслась на черниговский полк.

Но князь Владимир не сплоховал. Он быстро развернул своих ратников в боевой порядок и послал гонцов к Михалко за помощью. Черниговцы ощетинились копьями и, теснее сбив ряды, плечом к плечу встретили вражескую атаку. Конным бойцам Ростиславичей не удалось разбить вражеский строй, полк Владимира устоял, и битва быстро перешла в рукопашную. Между тем Юрьевичи моментально перестроили

своё войско из походного порядка в боевой и пошли на помощь Владимиру. По приказу Михалко вперед выдвинулись лучники и стрелки с самострелами. Они обошли черниговский полк и, зайдя с флангов, открыли густую стрельбу по скучившимся всадникам Мстислава и Ярополка. Стрелы ударили в самую гущу дружинников, люди и кони десятками валились на землю. Боевой порядок нарушился, некогда стройные ряды смешались, началась сумятица и неразбериха. Между тем стрелки подошли ещё ближе и усилили стрельбу. Тяжелые болты из самострелов прошибали самые прочные доспехи, выбивая из седел одного знатного мужа за другим. Державший княжеский стяг дружинник повалился на землю со стрелой в горле, и это внесло ещё большее смятение в ряды воинства Ростиславичей. Увидев падение стяга и не выдержав ливня стрел, гридни и бояре стали разбегаться в разные стороны.

Видя, как побежали их дружины и что уже подошли остальные полки Михалко и Всеволода, Мстислав и Ярополк бросили свою пехоту, которая так толком и не вступила в бой, на произвол судьбы и кинулись наутек. Побежали князья — побежало и остальное войско. Преследователи гнали их через все поле, кого побивая, а кого беря в плен. По приказу Михалко вскоре избиение прекратилось, а пленных он велел отпускать, отбирая у них при этом оружие и всё ценное. Лишь только знатных людей велел забирать в полон.

После битвы на Болоховом поле путь на Владимир-Суздальский для сыновей Юрия Долгорукого был открыт.

* * *

Невзирая на значительное численное преимущество, решающую битву Ростиславичи проиграли. И произошло это благодаря грамотному командованию князя Михалко, у которого войска оказались готовы к битве, а сам он сумел быстро сориентироваться в сложной ситуации. По этому поводу В.Н. Татищев заметил, что *«Михалко довольно искусен в бою был»*. Большое значение имела и стойкость черниговцев, выдержавших лобовой удар отборной конницы Ростиславичей. А оригинальное использование Михалко стрелков окончательно похоронило надежды братьев на победу. После этого разгрома Мстислав бежал в Новгород, а Ярополк ушёл к Глебу Рязанскому и стал просить родственника о помощи.

Что касается победителей, то они в этот же день около полудня вступили во Владимир-Суздальский, где с ликованием были приняты как знатью, так и простым народом. Впереди полков гнали толпу пленных ростовцев и суздальцев, показывая владимирскому люду его обидчиков. В городе была захвачена семья Ярополка, поскольку во время бегства князь просто забыл о своих родных и близких.

Немного отдохнув от болезни и ратных трудов, новый великий князь принялся исправлять то, что сотворили его предшественники. Прежде всего, церкви вернули всё её движимое и недвижимое имущество, которое было конфисковано

Ростиславичами. Затем Михалко лично объехал свои владения, выясняя, как происходит восстановление порядка, как творится суд и не терпят ли люди каких-либо притеснений от представителей власти. Несмотря на то что в Ростове и Суздале бояре продолжали поддерживать Ярополка, простой народ не собирался лить за них кровь. Первыми признали Михалко Юрьевича суздальцы, они били князю челом и призвали в город, где приняли с великою честью. Уже в Суздаль к князю прибыли послы от Ростова и Переславля-Залесского, они каялись и просили отпустить им вины. Михалко не свирепствовал, не желая понапрасну ожесточать народ и знать, а просто посадил в Переславле-Залесском брата Всеволода, а по остальным городам — преданных посадников. Замирив таким образом княжество изнутри, он обратил внимание на дела внешние.

Владимира Святославича вместе с воеводами и ратниками богато одарили и отпустили к отцу в Чернигов со словами большой благодарности. Впрочем, Святослав Всеволодович, сам того не желая, оказал сыновьям Долгорукого ещё одну услугу. Пользуясь смутой в Северо-Восточной Руси, он послал своего сына Олега отбить у Глеба Рязанского город Свирельск. Князь Глеб ринулся отбивать город, но Олег не струсил, а выйдя навстречу, наголову разгромил шурина, невзирая на численное превосходство противника. Сам Глеб Ростиславич едва спасся.

Вот таким положением дел Михалко и воспользовался. Понимая, что Глеб останется ему врагом, он решил раз и навсегда с ним покончить. Да и за разграбление владимирской земли не мешало спросить с соседа. Юрьевичи начали собирать полки для похода на Рязань, и когда Глеб об этом сведал, то перепугался не на шутку. К Михалко явились рязанские послы и от имени своего господина покаялись в винах, клялись не помогать Мстиславу с Ярополком, а также обещали вернуть всё награбленное. Поразмыслив, великий князь эти предложения принял. И действительно, Глеб слово сдержал и вернул всё, что вывез из Владимира-Суздальского и окрестностей. В том числе церковную утварь и книги, а также меч святого Бориса и икону Пресвятой Богородицы.

Казалось, что теперь Михалко сможет насладиться заслуженным отдыхом, но этого не произошло. 20 июня 1177 года он умер в Городце на Волге, во время очередного объезда своих земель, и был похоронен в Успенском соборе города Владимира.

2. Битва на Липице (27 июня 1177 года)

И бишася у Липиць, у Юрьева на поле. И поможе богь Всеволоду.

Пискаревский летописец

Поначалу казалось, что всё обойдется. Владимирцы дружно признали своим князем Всеволода Юрьевича, младшего брата Михалко, и перед Золотыми воротами целовали ему крест на верность. Затем прибыли представители Переславля-Залесского и тоже признали Всеволода своим князем. Ростов и Суздаль пока молчали. Молчание же это было зловещим и многозначительным. Затем ситуация прояснилась, поскольку прибыла делегация из Суздаля и била челом Всеволоду. Задержка объяснялась тем, что среди самих суздальцев произошёл раскол, поскольку часть местной элиты при поддержке определенного количества горожан наотрез отказалась признать своим князем младшего сына Долгорукого. И мотивировали это тем, что владимирцы не согласовали своих действий относительно Всеволода с другими городами княжества, и с Суздалем в частности. Но дальше разговоров и споров дело не пошло, поскольку столица была рядом, а помощи в данный момент смутьянам было ждать не от кого.

Ростов — дело другое. И от Владимира-Суздальского значительно дальше, и возможностей у местной знати значительно больше. Бояре Добрыня Долгий, Иванко Степанкович и Матей Шибутович из кожи вон лезли, подбивая земляков не признавать Всеволода, а послать в Новгород за Мстиславом Ростиславичем. Объявить его князем, а затем всей силой Ростовской земли выступить на Владимир. Ростовцы единодушно поддержали своих лучших мужей, и на берега Волхова отправилось посольство, чтобы позвать на княжение Ростиславича.

Но тут возникла одна проблема. Дело в том, что в данный момент Мстислав был новгородским князем и просто всё бросить и уехать не мог. Мы помним, как в своё время новгородцы изгнали Всеволода Мстиславича после того, как он позарился на княжение в Переяславле-Южном. Но Всеволоду было где голову преклонить, родственники не оставили бы его без удела. А вот у Мстислава ситуация была совершенно иной, и в случае ухода из Новгорода и неудачи в Суздальской земле он фактически становился изгоем. Риск был очень велик. Наиболее простым решением в данной ситуации для Ростиславича было обратиться за помощью к самим новгородцам. Здесь он ничего не терял. Если откажут — что ж, видно не судьба, придется справляться собственными силами. Зато если удастся убедить новгородскую верхушку в том, что Мстислав им будет выгоден в качестве князя Суздальской земли, то здесь появится реальный шанс на успех.

Однако из всех вариантов развития событий Мстислав выбрал наихудший. По свидетельству В.Н. Татищева, он покинул Новгород тайно. Правда, на всякий случай

оставил в городе своего сына, но сути дела это уже не меняло. Новгородцы были серьёзно обижены. Ведь после разгрома на Болоховом поле они приняли беглеца Мстислава честь по чести и посадили у себя княжить, а он… Ладно бы прямо и открыто сказал о своих намерениях, но нет, бежал вместе с дружиной, как тать в ночи.

Тем временем Ростиславич прибыл в Ростов и энергично взялся за дело. Князь поднял на ноги всю Ростовскую землю, в город со всех сторон стекались боярские дружины, отряды ратников и дворовые служители. Воеводы собирали ростовский полк, распределяли воинов по сотням и тысячам. Со всей округи свозили припасы, а на улицах города стоял страшный грохот, поскольку в кузнецах день и ночь ковали оружие. К предстоящей войне Мстислав готовился очень серьёзно.

Но с неменьшей серьёзностью отнеслось к ней и ростовское боярство, которое прекрасно понимало, что именно сейчас решается судьба их родного города. Будет Ростов первым городом в Залесской земле или окончательно уступит свое место Владимиру-Суздальскому? Будут они первыми среди лучших мужей княжества или подчинятся владимирцам? Поэтому и не скупились бояре в этот раз на снаряжение гридней и ратников.

Тем временем во Владимире стало известно о событиях в Ростове. Всеволод в полной мере оценил размер опасности, которая угрожала не только ему лично, но и всему княжеству. Дело в том, что князь прекрасно понимал, что, как только Мстислав выступит против него, в дело сразу же вмешается Глеб Рязанский. Князь Рязани был страшно зол на Всеволода за недавнее унижение, когда он устами своих послов был вынужден не только покаяться в совершенных злодеяниях, но публично вернуть всю награбленную добычу. И теперь он не упустит шанса прийти на помощь родственнику, тем более что такая помощь была напрямую связана с корыстными интересами Глеба. Поэтому Всеволод оказался перед реальностью войны на два фронта: с севера Мстислав, с юга — Глеб. Единственное спасение было в быстроте действий.

Князь спешно собирает во Владимире совет, куда приглашается суздальская и владимирская знать. Даже ростовские бояре, которые в это время находились в столице, были вызваны на это собрание. Единогласно порешили идти походом на Мстислава и не допустить вторжения вражеских войск на территорию суздальского ополья. В этом был прямой резон, поскольку никто из присутствующих не сомневался в том, что ростовцы будут подвергать грабежу и разорению земли своих противников. Начали спешно собирать большой владимирский полк, подняли суздальскую дружину, отправили гонцов в Боголюбово. В сторону рязанского порубежья были высланы усиленные дозоры, которые должны были докладывать о каждом движении войск князя Глеба. В Переславль-Залесский спешно выехал племянник Всеволода Ярослав Мстиславич, который должен был организовать оборону города, если к нему подойдут войска Мстислава Ростиславича.

Все организационные мероприятия были завершены довольно быстро, и, когда прибыл боголюбский полк, княжеская рать выступила в сторону Суздаля. У города войска Всеволода объединились с суздальской дружиной и продолжили движение в

сторону Юрьева-Польского. Но, ведя полки на решающую битву со своими заклятыми врагами, владимирский князь тем не менее делает попытку договориться с Мстиславом по-хорошему. Он предлагает племяннику те же условия, на которых тот правил в Ростово-Суздальской земле вместе с Ярополком. Всеволоду — Владимир, Мстиславу — Ростов, а Суздаль либо в общем владении, либо там правит тот, кого предпочтут сами суздальцы. Очень достойное предложение.

Другое дело, почему Всеволод решил проявить в решающий момент мирную инициативу. На мой взгляд, сын Юрия Долгорукого был не из той породы людей, которые готовы всё поставить на кон в опасной игре. Если есть шанс избежать кровопролития, то он постарается его использовать. Но могла быть и другая причина. Вполне вероятно, что своим главным врагом Всеволод считал не Мстислава, а рязанского князя. И вполне вероятно, он исходил из того, что с племянником можно договориться, а с Глебом — нет. Замирившись с Мстиславом, он мог бросить все силы на Рязань и раз и навсегда решить эту проблему. Вполне возможно, что Ростиславич с радостью бы ухватился за это предложение, но тут вмешались ростовские бояре.

Добрыня Долгий со товарищи неистовствовал в буквальном смысле слова, лишь бы отговорить Мстислава от переговоров с родственником. Договорились до того, что князю заявили прямо в лицо: *«Аще ты мир даси ему, но мы ему не дамы»* (Лаврентьевская летопись). Смысл сказанного был прост: если хочешь, мирись, но нам до тебя дела нет, мы войну продолжим. При таком градусе ненависти о чём-либо договариваться было бессмысленно. Но что примечательно, лютая злоба ростовских бояр была направлена не конкретно на Всеволода, а против города Владимира-Суздальского, который виделся им источником всех бед.

Между тем к рати Всеволода присоединился полк из Переславля-Залесского, и войска продолжили движение к Юрьеву-Польскому. Владимирский князь уже знал, что его племянник стоит у села Липицы, на краю Юрьевского поля, и поджидает врага. Всеволод хотел было лично встретиться с Мстиславом, но этому воспротивилось всё его окружение, резонно указывая на то, что враг в данной ситуации готов на любую подлость.

Разговоры закончились, исход противостояния должны были решить мечи.

* * *

На рассвете 27 июня Всеволод перевел свои полки через речку Гзу, выстроил их в боевые порядки и пошёл на Мстислава. Ростовский князь, видя, что враг выступил, двинулся ему навстречу. Тогда Всеволод Юрьевич распорядился остановить движение войск и велел воеводам приготовиться к отражению атаки.

В центре позиций Всеволод поставил большой владимирский полк, на левом крыле встали ратники из Переславля-Залесского, а суздальцы расположились слева. Вперед выдвинулись лучники и воины с самострелами, именно они должны были

первыми вступить в бой с воинством Мстислава. Но Ростиславич не стал утруждать себя стратегическими изысками, а так же выдвинул своих стрелков вперед. Битва началась с массированной перестрелки передовых частей, а затем в бой вступили главные силы.

Закованные в тяжелые доспехи дружины ростовских бояр съехались с владимирскими и суздальскими дружинами, а в центре владимирский полк сошелся с ростовским полком. Всеволод повел своих конных гридней туда, где был виден стяг Мстислава, однако ростовский князь не стал отсиживаться за спинами ратников и бросился в битву со своими телохранителями. Сражение было упорным и жестоким. Ростовцы изо всех сил старались сломить сопротивление врага, но все их попытки оказались тщетными. Владимирцы стояли насмерть, поскольку хорошо знали, что грозит лично им и их родному городу в случае поражения.

Между тем переславский полк мощной атакой разбил правое крыло рати Мстислава и погнал противника с поля боя. Видя бегство соседей, стали отступать и ростовцы, а суздальцы и владимирцы усилили натиск. Ростовский полк медленно пятился под вражеским напором, но в итоге не выдержал давления по всему фронту и обратился в бегство. Мстислав попытался остановить свое разбегающиеся воинство, но был подхвачен потоком беглецов и покинул поле сражения. Боярина Добрыню Долгого стащили с коня и прикололи рогатиной, а Иванка Степанковича забили палицами. После этого побежала и ростовская дружина.

Разгром был полный и безоговорочный. Множество ростовских бояр полегло в битве, а ещё больше попало в плен. Простые ратники вылавливали по кустам знатных ростовских мужей, скручивали веревками и гнали к обозу. Гридни Всеволода веером рассыпались по Юрьевскому полю, рубя беглецов направо и налево, не давая им возможности собраться и вновь организовать сопротивление. Войско князя Мстислава перестало существовать.

*** * ***

Битва на Липице 27 июня 1177 года была одной из самых крупных битв на территории Северо-Восточной Руси вплоть до монгольского нашествия. По свидетельству Лаврентьевской летописи, войска «**покрыша поле Юрьевское**». Другое дело, что это сражение оказалось в тени битвы 1216 года, которая происходила на этом же самом месте и как по количеству сражающихся, так и по количеству павших значительно превзошла первую битву. Мы же обратим внимание вот на какой момент.

Примечательно, что князя Всеволода поддержали все крупные города княжества, включая Суздаль и Переславль-Залесский. Ростов же оказался в одиночестве. Знать Суздальской земли прекрасно помнила, как союзник Мстислава Глеб Рязанский жег и грабил их земли, а в том, что он обязательно придет на помощь родственнику, никто не сомневался. Владимирцы рязанского князя люто ненавидели, и тень этой

ненависти падала и на Мстислава Ростиславича. К тому же все помнили, какой произвол творился в княжестве во время правления Ярополка и Мстислава, и никто не хотел повторения подобного беспредела. Что же касается амбиций ростовского боярства, то они вызывали резкую антипатию как во Владимире, так и в Переславле-Залесском. Даже Суздаль в итоге отказал Ростову в поддержке. А с другой стороны, часть ростовцев сражалась на стороне Всеволода.

Что же касается Мстислава, то он сначала убежал в Ростов, а оттуда направился прямиком в Новгород. Но новгородцы всё припомнили своему бывшему князю, не без злорадства сказав ему при этом: *«Ударилъ еси пятою Новгород»* (Лаврентьевская летопись). Летописец оставил довольно ехидную запись о том, какая встреча ожидала Ростиславича на берегах Волхова: *«Ивъзвратися Мьстиславъ въ Новъгородъ, и не прияша его новгородьци, нъ путь ему показаша»* (Новгородская I летопись младшего извода). А заодно выпроводили и его сына. Понимая, что деваться ему больше некуда, Мстислав подался в Рязань, а новгородцы приняли на княжение племянника Всеволода Ярослава Мстиславича.

Всеволод Юрьевич в полной мере воспользовался плодами своей победы. На следующий день после битвы он вторгся в ростовскую волость и подверг её беспощадному разгрому. Однако на сам город не пошел, поскольку узнал о том, что Глеб Рязанский со дня на день атакует Владимир-Суздальский. Полки спешно развернулись и выступили к столице. Однако именно в этот момент в стане Глеба объявился побитый Мстислав, и рязанский князь благоразумно решил отказаться от похода, распустив набранные войска. Когда об этом стало известно Всеволоду, то он не стал медлить, а снова пошёл на Ростов. Город сдался без боя. В Ростове князь провел остаток лета, наводя порядок и карая виновных. Все враждебно настроенные к сыну Долгорукого бояре были отправлены во Владимир, а их земли и имущество конфискованы в пользу князя. Ростов был вынужден склониться перед волей Всеволода.

Несмотря на то что в это время на молодого князя свалилась масса различных дел, он никогда не забывал о том, как погиб его старший брат Андрей. Всеволод знал, кто и почему убил Боголюбского. И если раньше, во время борьбы с Ростиславичами, у него просто руки не доходили, чтобы заняться этим делом, то теперь, когда он утвердился во Владимире, ситуация изменилась. Убийцы, бояре Кучковичи и их единомышленники, всячески поддерживали Ростиславичей, и, судя по всему, те смотрели на виновников преступления сквозь пальцы. Теперь ситуация изменилась радикально, и пришла пора держать ответ за содеянное. Согласно Новгородской I летописи младшего извода по Комиссионному списку, убийцы Боголюбского понесли заслуженную кару. В статье «А се князи Русьстии» говорится о том, что Всеволод, *«мсти за обиду брата своего Андрееву: Кучковичи поималъ и в коробы саждая, въ озере истопилъ»*.

Недалеко от города Владимира, рядом с рекой Клязьмой, находится Георгиевский лес. Его можно увидеть, если подняться на смотровую площадку Водонапорной башни. Вот в глубине этого леса и находится то самое Плавучее озеро, в котором

Всеволод Юрьевич топил убийц брата. Правда, В.Н. Татищев называет озеро Поганым, но сути дела это не меняет. Озеро было очень глубоким, с тёмной, практически черной водой. На первый взгляд озеро как озеро. Но иногда на тихой водной глади появляются маленькие торфяные островки. Согласно местным преданиям, это и есть те самые поросшие мхом короба, в которые по приказу Всеволода посадили преступников. В день убийства Андрея Боголюбского, 29 июня, на озере начинается волнение, которое раскачивает древние короба, из которых раздаются глухие стоны. Вот такая местная легенда.

Выводы же напрашиваются следующие: Всеволод разгромил не только оппозиционные силы в Ростове и Суздале, но и те, которые были в столице. Ведь Андрея убивали не представители старых городов, а люди из его ближайшего окружения. Люди, имевшие огромное влияние как во Владимире-Суздальском, так и в Боголюбове, те, кто своим возвышением был обязан лишь Андрею Юрьевичу. Расправившись с ними, молодой князь ликвидировал остатки оппозиции.

3. Сражение на реке Колокше (20 февраля 1177 года)

И бишася за Калакшею, и ту победиша рязанце, и яша князя Глеба и съ сыномь и Мьстислава съ братомь Яропълкомь.

Новгородская I летопись старшего извода

Разгромив на Юрьевском поле Мстислава, Всеволод решил внутренние проблемы княжества. Но оставались проблемы внешние, которые представляли гораздо большую опасность для Владимиро-Суздальской земли. Братья Ростиславичи сидели у Глеба в Рязани и подбивали своего родственника к нападению на Всеволода. Как мы помним, рязанский князь раздумал было воевать с соседом, но Мстислав с Ярополком крепко насели на зятя. И Глеб не устоял под таким дружным напором. Однако рязанец был очень хитер и предусмотрителен, а потому, будучи не до конца уверен в своих силах, решил подстраховаться и нанял половцев.

Осенью 1177 года войска Глеба и Ростиславичей вторглись в пределы Суздальской земли. Пришли внезапно, когда их меньше всего ждали. Рязанский князь очень удачно подгадал время и место для нанесения удара, поскольку Всеволод в это время находился в Переславле-Залесском, совершенно не ожидая нападения. Исходя из этого, Глеб повел свои войска на Москву. Жители были захвачены врасплох, и городок был выжжен дотла. Окрестные села половцы превратили в дым и пепел, а все население забрали в полон. После этого Глеб увёл своё воинство к Рязани.

Узнав о набеге, Всеволод собрал всех, кто был под рукой, и выступил на врага. Однако в пути его нагнали новгородские послы и предложили помощь войсками в войне с Рязанью. Пусть князь владимирский их дождется, а уж вместе они покарают супостата. Всеволод предложение принял и вернулся в столицу, а новгородцы отбыли восвояси. Однако в свете дальнейших событий это посольство выглядит несколько странно. Дело в том, что никакие новгородские полки на помощь Всеволоду не пришли. Почему это произошло, информация в летописях отсутствует, скорее всего, новгородцы просто в очередной раз поменяли свои планы и не удосужились никого об этом поставить в известность.

Но помощь Всеволоду пришла совсем с другой стороны. Его давний союзник Святослав Всеволодович Черниговский к этому времени стал великим князем Киевским и сосредоточил в своих руках значительные ресурсы. Он вновь откликнулся на просьбу владимирского князя и отправил ему полки под командованием своих сыновей Олега и Владимира. На помощь Всеволоду спешил и его племянник Владимир Глебович, князь Переяславля-Южного. Встречу с союзниками Всеволод Юрьевич назначил у Коломны, которая принадлежала рязанскому князю. К началу зимы к ней подошла объединенная рать Владимиро-Суздальского княжества. За исключением ростовского полка, поскольку князь не доверял ростовцам и имел все основания опасаться измены с их стороны.

Дождавшись подхода войск с Южной Руси, Всеволод решил было идти на Рязань, но неожиданно резко изменилась стратегическая ситуация. Князь получил весть о том, что Глеб вместе с половецкой ордой пришел под Владимир, где и учинил беспощадный погром в окрестностях города.

Рязанский князь как с цепи сорвался, его воины жгли и грабили не только боярские вотчины и княжеские села, но и церкви с монастырями. Особенно сильно пострадал знаменитый храм Покрова на Нерли, что и было зафиксировано летописцем: *«Много бо зла створи церкви Боголюбьской»* (Лаврентьевская летопись). Тысячи людей половцы уводили в плен. Узнав обо всем этом, Всеволод спешно развернул полки и выступил на помощь столице. Князя Глеба он настиг на реке Колокше, где тот расположился лагерем с половецкой ордой и многочисленным полоном.

* * *

Стояние на Колокше длилось целый месяц. Речка не велика, поэтому воины с обеих сторон выходили на берег и вступали в перестрелку. Половецкие наездники, привстав на стременах, посылали стрелы в ратников Всеволода, стараясь подстрелить любого, забывшего об осторожности воина. Но и суздальцам было чем ответить врагу. Воткнув в снег большие миндалевидные щиты, они становились недоступны за этими импровизированными укрытиями для половецких стрел. Внимательно наблюдая за степняками, они били из луков и самострелов лихих наездников, как только те приближались к берегу. И так продолжалось изо дня в день.

Никто не хотел первым переходить реку и подвергать свои войска риску, Всеволод и Глеб просто ждали, когда лед на Колокше станет крепче, чтобы затем начать боевые действия. Но на Масленой неделе владимирский князь решил, что пришла пора воевать по-настоящему. Понимая, что потери при лобовой атаке могут быть очень велики, Всеволод решил действовать хитростью. Не день и не два обдумывал князь вместе с союзниками и воеводами этот план, благо времени для этого было достаточно. Алчность Глеба давно уже стала легендой, и именно на этом качестве рязанского князя и решил сыграть Всеволод.

…Когда Глебу Рязанскому донесли о том, что через Колокшу перешел обоз Всеволода и направился в сторону Владимира-Суздальского, он сначала не поверил своим ушам. С чего бы это владимирскому князю подставлять под удар своё добро? Но, поразмышляв, хитрый рязанец пришел к выводу, что, скорее всего, в ближайшие дни суздальцы хотят атаковать его войска и Всеволод отправляет свою казну в столицу. К тому же разведчики в один голос твердили о том, что с обозом идёт достаточно ратников, чтобы отразить возможное нападение.

И тут до Глеба дошло, что судьба представляет уникальный шанс не только пополнить свою скарбницу, но и одним ударом покончить с врагом. Ведь разделив свои войска, Всеволод вольно или невольно подставился под удар превосходящих сил

противника. Быстро взвесив все за и против, рязанский князь велел позвать своего шурина Мстислава. В этом был весь Глеб. Он прекрасно понимал, что если послать на вражеский обоз половцев, то ему лично из добычи не достанется ничего. Поэтому он и хотел получить столь щекотливое и выгодное дело родственнику, с которым было гораздо проще договориться. Выслушав Глеба, Мстислав полностью согласился с его доводами и ушёл готовить полк к бою. А рязанский князь велел поднимать половецкую орду и собирать дружинников.

Владимирские воеводы, которые вели обоз, прекрасно знали, чего от них хочет Всеволод. Отойдя на незначительное расстояние от реки, они распорядились ставить телеги в круг и сковывать их между собой. Ратники спешили, поскольку с минуты на минуту ждали появления рязанских войск. И враг долго ждать себя не заставил! Появилась конная дружина Мстислава, а за ней валом валило пешее воинство. Суздальцы залегли за телегами, натянули луки и самострелы, и приготовились отразить атаку.

Противник навалился сразу по всей линии обороны. Взяв обоз в плотное кольцо, рязанцы полезли на возы и попытались растащить телеги в разные стороны, чтобы освободить дорогу коннице. Но воины Всеволода бились отчаянно. Атакующих кололи рогатинами, рубили боевыми топорами, били тяжелыми палицами. Укрываясь за возами, лучники расстреливали идущих на штурм рязанских ратников, сами оставаясь неуязвимыми для вражеских стрел. После отчаянной сечи враг отхлынул, оставив у телег множество убитых и раненых, а суздальцы смогли перевести дух.

Но Мстислав снова погнал воинов в атаку, и битва закипела с новой силой. Видя, что сломить вражеское сопротивление не удается, Ростиславич пошел на крайнюю меру — велел спешиться свои дружинникам и лично повел их на штурм обоза. И через несколько минут отчаянной сечи княжеский стяг уже реял внутри кольца телег. Счастье улыбнулось Мстиславу, но ненадолго. Земля гудела от топота сотен копыт, ревели боевые трубы, плескали на ветру владимирские и переяславские стяги — Владимир Глебович вёл в бой переяславскую дружину и владимирских гридней.

Всё точно рассчитал сын Юрия Долгорукого. Отправив обоз за Колокшу, он призвал к себе племянника Владимира, княжившего в Переяславле-Южном, и велел ему идти следом. Дружину удалого Глебовича он усилил своими бойцами и строго-настрого наказал вступить в бой только тогда, когда вражеское воинство увязнет в битве. Что молодой переяславский князь мастерски и проделал. Полк и дружина Мстислава были смяты одним мощным ударом, закованная в доспехи конница катком прошлась по рязанским ратникам. Началось повальное бегство разбитого противника.

Видя, что всё пропало, Мстислав бросился в стан Глеба, надеясь предупредить родственника о своем поражении. Но достигнув лагеря, понял, что опоздал — половецкая орда и рязанская дружина уже перешли Колокшу и вступили в бой с полками Всеволода.

* * *

Владимирский князь внимательно следил за тем, как войска Глеба перешли по льду через речку, и, поднявшись на Прускову гору, стали разворачиваться в боевые порядки. Но Всеволод не спешил, он даже не пытался помешать противнику беспрепятственно перейти Колокшу. Ему надо было, чтобы Глеб обязательно вступил с ним в сражение, и для этого князь сознательно отдавал врагу инициативу. Пусть атакует, пусть маневрирует, лишь бы вступил в бой и увяз в битве. А там и ловушка захлопнется. Всеволод был уверен, что его племянник разгромит Мстислава и в нужный момент ударит по половцам. В том же, что этот удар окажется смертельным для воинства Глеба, сомнений не было, поскольку князья и воеводы знали о том, что степняки не были стойкими в прямом бою.

Между тем рязанский князь воспринял пассивность врага за неуверенность в своих силах и распорядился начинать атаку. Взвились рязанские стяги, затрепетали на ветру половецкие бунчуки, и вся огромная масса войск начала сползать с горы, медленно надвигаясь на полки Всеволода. Но, подойдя на расстояние полета стрелы, рать Глеба неожиданно остановилась. К князю вихрем подлетел Мстислав Ростиславич и, резко осадив коня, стал что-то быстро говорить, указывая рукой на противоположный берег Колокши. А там уже появились первые беглецы, которых становилось всё больше и больше, и наконец уже можно было разглядеть переяславские и владимирские стяги. Глеб был поражен и некоторое время пребывал в растерянности, но потом опомнился и велел войскам отступать.

Но было уже поздно. Видя, что наступил долгожданный миг, Всеволод опустил личину шлема и, вытащив из ножен меч, повел в бой дружину. За ним, под пение труб и выкрикивая боевой клич, пошли в бой конные и пешие полки. Рязанский князь, понимая, что битвы не избежать, отправил за Колокшу часть половцев, чтобы перехватить Владимира Глебовича, а остальную рать повел на Всеволода. Бой был жесток и скоротечен. Рязанцы сошлись с владимирцами щит в щит, а половцы съехались с суздальской дружиной и гриднями Олега и Владимира Святославичей.

В это время переяславский князь Владимир погнал толпы беглецов прямо на переходившую через Колокшу половецкую конницу, смешал её ряды и разбил вдребезги. После этого переяславская дружина зашла в тыл рати Глеба и атаковала половецкую орду. Не выдержав удара с двух сторон, половцы бросились в разные стороны, а следом за ними побежали и рязанцы. Глеб кинулся в гущу своих войск, пытаясь остановить беглецов, но его уже никто не слушал. Рязанский князь метался по полю боя и не заметил, как его окружили дружинники Всеволода. Один из них прямо с седла прыгнул на спину князя и стащил его с коня в снег. Придавив Глеба коленом, он заломил ему за спину руки, а затем ловко скрутил веревкой, брошенной кем-то из товарищей. Пленного повели к Всеволоду, а за спиной Глеба один за другим падали рязанские стяги да выла беспощадно избиваемая половецкая орда.

* * *

Битва на Колокше завершилась сокрушительным разгромом рязанских войск и половцев. В руки суздальцев попали сам князь Глеб, его сын Роман и шурин Мстислав Ростиславич. Множество рязанских бояр также угодило в плен, и среди них тот самый Дедилец, который во главе рязанского посольства мутил воду во Владимире. В числе полоняников оказался и Борис Жидиславич, знаменитый воевода Андрея Боголюбского, который всегда поддерживал Мстислава Ростиславича и вместе с ним убежал к Глебу. Было побито множество рязанских ратников, не меньшее количество их попало в полон. Что же касается половцев, то этих живыми не брали. Что и было зафиксировано в летописи: «**А поганых половец всехь оружием избиша**» (Пискаревский летописец). Лишь двадцати знатным степнякам оставили жизнь, чтобы в дальнейшем получить за них выкуп.

Возвращение Всеволода во Владимир-Суздальский было триумфальным. Весь город высыпал за стены встречать победителей. Первыми под сводами Золотых ворот провели свои полки Олег и Владимир Святославичи, затем протащили со скрученными за спиной руками Глеба Рязанского со всей родней и приближенными. Потом ехал Всеволод с Владимиром Глебовичем и переяславской дружиной, а остальные полки замыкали шествие. На площади у Успенского собора был совершен благодарственный молебен в честь победы над лютым врагом, после чего всех пленников развели по домам княжих мужей и посадили за крепкий караул. А затем столица погрузилась в праздничные гулянья.

*** * ***

По-разному сложилась судьба тех, кто попал в руки Всеволода в битве на Колокше. Сразу же после победы владимирский князь сведал о том, что Ярополк Ростиславич с поля боя удрал в Рязань. В город немедленно прибыли доверенные люди Всеволода и настоятельно порекомендовали рязанцам выдать беглеца. Шурин князя Глеба хотел уйти в леса, но не успел, был схвачен и доставлен в стольный город Владимир.

Однако в столице было неспокойно, поскольку на третий день после того, как Всеволод вступил в город, в нём полыхнул мятеж. Народ восстал поголовно — от знатных бояр и купцов до простых людей. А причина была одна — люди требовали смерти пленных рязанских князей, их родственников и приближенных. Для владимирцев князь Глеб был хуже бешеной собаки, которую необходимо убить, чтобы она тебя снова не покусала. Не мог народ простить рязанскому князю разорения своей земли и гибели тысяч ни в чём не повинных людей. Свои требования мятежники сформулировали очень четко: *«Княже мы тобе добра хочемъ и за тя головы свое складываемъ, а ты держишь ворогы свое просты; а се ворози твои и наши Суждалци и Ростовци, любо и казни любо слепи, али дай нам»* (Лаврентьевская летопись).

И Всеволод испугался. Игры в благородство сразу прекратились, всех пленников заковали в железо и раскидали по темницам. Однако дело на этом не закончилось, и через некоторое время владимирцы поднялись снова. На княжеский двор явилась огромная толпа с оружием в руках и потребовала, чтобы Всеволод покарал злодеев. Рассудив, что лишние проблемы ему ни к чему, Всеволод распорядился ослепить Ростиславичей, а потом выгнал их из столицы.

Правда, существует довольно интересное предположение, что ослепление был искусно разыгранной комедией, поскольку в Новгородской I летописи старшего извода содержится информация о том, что произошло чудо и братья впоследствии неожиданно обрели зрение. Придя в Смоленск и помолившись в церкви Бориса и Глеба на Смядыни, Ростиславичи *«прозреста»*. На мой взгляд, здесь можно сделать одно существенное дополнение: Всеволод мог ослепить не двоих братьев, а только одного — Мстислава как наиболее опасного и непримиримого соперника. Ярополка он, судя по всему, не боялся.

Что же касается Глеба Рязанского, то из владимирской темницы он так и не вышел, несмотря на заступничество своего зятя, новгородского князя Мстислава, и Святослава Киевского. На предложение отказаться от Рязани и уехать в Южную Русь он гордо ответил: *«Луче еде умру, не иду»* (Ипатьевская летопись). Рязанского князя не стало 30 июня 1177 года. Трудно сказать, приложил ли Всеволод руку к этой смерти, сведений об этом нет. Но в любом случае она была ему выгодна. Впрочем, сын Долгорукого не стал больше свирепствовать и выпустил из темницы сына Глеба, Романа. Поцеловав крест Всеволоду, князь уехал в Рязань. Битва за наследие Андрея Боголюбского закончилась.

4. Поход на Торжок (1178 год)

Иде князь великий Всеволод и взя город Торжек, и назад идучи, взя город Ламски.

Пискаревский летописец

Владимирский князь Всеволод Юрьевич готовился к войне против Новгорода. Причин для этого у князя было несколько. Во-первых, после того, как из Владимира изгнали Ростиславичей (ослепленных или нет, трудно сказать), их приняли на берегах Волхова. Новгородцы в силу своего менталитета просто не могли поступить иначе. В этот раз его приняли с радостью и провозгласили князем. А чтобы не было обидно и Ярополку, то его посадили княжить в Торжке. Примечательно, что в этой кампании оказался ещё один племянник Всеволода, Ярослав Мстиславич, тот самый, который готовил к обороне Переславль-Залесский в канун Липицкой битвы. Но, судя по всему, в данный момент его дороги с могущественным дядей разошлись, и он был вынужден податься в Новгород вместе со своими двоюродными братьями. Можно сказать, что не прогадал, поскольку новгородцы отправили его княжить в Волок Ламский.

Другой причиной, по которой Всеволод решил проучить Господин Великий Новгород, было то, что он так и не простил новгородцам того обмана, который они учинили перед походом суздальских войск на Рязань. Пообещав военную помощь владимирскому князю, они так и не соизволили её послать. Теперь пришла пора платить по счетам.

Однако вскоре все изменилось. В апреле 1178 года умирает Мстислав Ростиславич, один из самых непримиримых врагов Всеволода, и новгородцы сажают у себя князем его брата Ярополка. Однозначно, что такое решение Всеволода не устраивало, но в данный момент он решил с началом военных действий обождать, а пойти другим путем, тем, который ему показали отец Юрий и брат Андрей. Князь взял да и пленил всех новгородских купцов на территории княжества, самих рассадил по темницам, а товары конфисковал. Как только об этом узнали в Новгороде, то участь Ростиславича была решена: *«И показаша новгородьци путь Яропълку»* (Новгородская I летопись старшего извода). Князь снова оказался без крыши над головой и потому подался на Волок Дамский, к своему двоюродному брату Ярославу Мстиславичу.

Вот теперь Всеволод добился того, чего хотел. Новгород остался без князя, и пришло время нанести по нему удар. Но владимирский князь не хотел большого кровопролития, поэтому снова воспользовался опытом отца и брата. Суздальские полки подошли к Торжку и взяли его в осаду. О том, что этот поход был направлен именно против новгородцев, свидетельствуют многие летописные своды, к примеру, в Воскресенской летописи содержится следующее сообщение: *«Иде Всеволодъ Юръевичъ к Торжьку,* **за неисправление Новгородское**».

Жители Торжка испугались не на шутку, увидев у себя под стенами суздальскую рать. Выборные от города люди били князю челом и соглашались платить дань, лишь бы их оставили в покое. Всеволод не был любителем попусту звенеть мечом, поэтому он предложение горожан принял. Но дальше всё пошло совсем не так, как планировал владимирский князь.

Рассказывая о последующих событиях, В.Н. Татищев пишет, что после того, как стороны пришли к соглашению *«чрез три дня новоторжцы не смогли или не хотели обещание свое исполнить».* Вполне возможно, что именно эти действия горожан спровоцировали мятеж в княжеских полках. Но с другой стороны, есть большая вероятность того, что ратники увидели, что остаются без заслуженной добычи, которую могли бы взять при разграблении города, и именно это послужило причиной их недовольства. Косвенно на это указывает их обращение к Всеволоду: *«Княже!* **мы не целовати ихъ пришли**» (Воскресенская летопись). Ситуация для князя сложилась аналогичная той, которая была во Владимире накануне ослепления Ростиславичей. Там Всеволод не хотел крови племянников, но под давлением народа был вынужден уступить. А здесь на князя насело собственное войско. Взвесив все за и против, он дал добро на штурм.

8 декабря 1178 года суздальские полки пошли на приступ. Воины с ходу перемахнули через стены и, изрубив немногочисленных защитников, разбежались по улицам. Торжок был взят на щит. Всех мужчин, женщин и детей забрали в плен, а город спалили дотла. После этого Всеволод отправил полон во Владимир, а сам с войсками пошел на Волок Ламский. Посланные вперед сторожевые отряды изгоном овладели городом, захватив в плен князя Ярослава Мстиславича. Ярополку повезло больше: он сумел отбиться и уйти в леса. Волок, как и Торжок, был сожжен, а суздальцы прошлись по новгородским волостям, подвергнув их разорению. После этого Всеволод прекратил поход и возвратился в свою столицу.

5. Стояние на реке Влене (зима 1181 года)

Приде Святослав Всеволодичь с половцы и с наугородцы, и з черниговцы на Всеволода Юрьевича. Всеволод жа Юрьевич стрете его и стояше между собою на Влене на реце.

Пискаревский летописец

В 1181 году разразился масштабный военный конфликт между владимирским князем Всеволодом и Святославом Всеволодовичем Киевским. Бывшие союзники встретились на поле боя с оружием в руках. Причина была одна — возросшее политическое влияние Владимиро-Суздальского княжества после того, как там закончилась борьба за власть, и попытки Киева помешать укреплению этого влияния в соседних землях. Началось всё с Рязани.

Когда Роман Глебович был выпущен Всеволодом из поруба и вернулся в Рязань, то он решил восстановить былую мощь своего княжества. Роман был женат на дочери киевского князя Святослава, а потому вполне логично полагал, что в крайнем случае сможет рассчитывать на помощь могущественного тестя. Наибольшую проблему для князя представляли взаимоотношения с братьями — Владимиром и Всеволодом Глебовичами, княжившими в Пронске. Собрав войско, Роман выступил против братьев. Есть большая вероятность того, что действовал Роман по прямому наущению своего тестя Святослава. Недаром в обращении пронских князей к Всеволоду Юрьевичу об этом говорится открытым текстом: *«Ты господинъ, ты отецъ; брат нашю старейший Романъ унимаеть волости у наю,* **слушая тестя своего Святослава**, *а к тобе крестъ целовалъ и преступилъ»* (Лаврентьевская летопись).

В общем-то всё выглядит достаточно логично. После того как Всеволод вытащил Романа из темницы, тот поцеловал ему крест и отбыл в Рязань. Владимирский князь не хотел повторения истории с Глебом, а потому решил любыми средствами усилить свое влияние в соседнем княжестве. Для этого и поддерживал младших братьев Романа, резонно полагая, что, пока они будут в оппозиции к старшему, тому будет не до противостояния с северным соседом. Но Роман решил сделать ставку на Святослава и, презрев крестное целование Всеволоду быть послушным его воле, развязал боевые действия против младших братьев. Тем было деваться некуда, и поэтому они отправили посольство с просьбой о помощи во Владимир-Суздальский.

Перед Всеволодом встала задача огромной политической важности. Князь отдавал себе отчет в том, что, поддержав младших Глебовичей и выступив против Романа, он тем самым спровоцирует конфликт со Святославом Киевским. Бывший союзник станет врагом. Но и оставлять без внимания усиление киевского влияния в Рязани тоже было нельзя. Сегодня Рязань, завтра Новгород, а что потом? И как знать, не захочет ли тогда Святослав Всеволодович возродить былое могущество Киева и забрать себе Суздальскую землю? Сделать с городом Владимиром то, что сделал

Андрей Боголюбский с Киевом? В этом случае все труды отца и старшего брата пошли бы прахом, а этого Всеволод допустить не мог. К Роману поехали послы с предупреждением от владимирского князя, чтобы оставил братьев в покое.

Выслушав посланцев, Роман Глебович перепугался не на шутку. Скорее всего, он думал, что имя тестя защитит его от вмешательства Всеволода, а когда понял, что просчитался, немедленно послал в Киев за помощью. Святослав отреагировал мгновенно и вскоре в Коломне объявился его сын Глеб с дружиной. Коломна — ключевой пункт на пути из Владимира в Рязань, и, занимая эту крепость, Глеб Святославич пресекал вторжение суздальцев в Рязанскую землю. А в случае попытки овладеть Коломной силой Всеволод вступал в вооруженное противостояние с Киевом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Прикинув всё это и решив, что в данный момент у него развязаны руки, Роман Глебович пошел войной на братьев.

Когда об этом стало известно Всеволоду, то он уже не колебался. Решение было принято, и суздальские полки пошли на Рязань. На подходе к Коломне владимирского князя встретили младшие Глебовичи и в подробностях обрисовали обстановку. В городе нападения никто не ждет, поскольку Глеб Святославич даже дозоры не соизволил выставить. Владимирцы беспрепятственно вступили в Коломну, а когда Глеб спохватился и решил оказать сопротивление, то было уже поздно. К этому моменту повязали всех его бояр и начальных людей, и Глебу оставалось только сложить оружие. Всеволод был страшно зол на его отца, а потому велел князя отправить во Владимир за крепким караулом, а всех его приближенных развести по городам княжества и содержать под стражей.

Покончив с делами в Коломне, Всеволод Юрьевич повел полки на Рязань. К этому времени ему же стало известно о том, что Роман отступил от Пронска и ушел к своей столице. Передовые части Всеволода перешли Оку и столкнулись с ратниками Романа, которые сторожили переправы через реку. Победа суздальцев была полной, часть рязанцев они перебили в бою, часть взяли в плен, а ещё большее число загнали в Оку, где те и утонули. Когда же об этом поражении узнал рязанский князь, то он предпочёл не встречаться с врагом в открытом бою, а ушёл в степь, возложив оборону столицы на плечи своих братьев, Игоря и Святослава.

Тем временем полки Всеволода неотвратимо надвигались на Рязань. Был взят город Борисоглебск, а передовые разъезды суздальцев уже были замечены в окрестностях Рязани. И Роман не выдержал. Желая спасти свой город от разорения, он послал к владимирскому князю посольство с просьбой о мире. Глебовичи целовали Всеволоду крест по всей его воле, а князь перераспределил среди братьев уделы, исходя из принципа старшинства. Тем самым он наглядно показал Святославу, кто является истинным хозяином в Рязани и что эта земля входит в зону интересов Владимира-Суздальского. И если у Киева есть какие-либо виды на эту территорию, то пусть попробует отстоять их с мечом в руке. Святослав именно так расценил действия владимирского князя и вызов принял.

* * *

Узнав о пленении Глеба, киевский князь начал собирать полки. Н.М. Карамзин довольно точно уловил скрытый смысл похода Святослава Всеволодовича в Северо-Восточную Русь: *«Раздраженный пленением сына, хотел не только отмстить за то, но* **и присвоить себе, счастливым успехом оружия, лестное первенство между Князьями Российскими**».

Пленение Глеба было лишь предлогом для вторжения, ведь если бы Святослав был очень сильно озабочен его судьбой, то он мог бы без проблем договориться по этому вопросу с владимирским князем, не прибегая при этом к оружию. Ведь сын Долгорукого всегда предпочитал решать дело миром, по возможности избегая кровопролития. Но киевскому князю был нужен повод, который бы оправдал его действия в глазах всей Руси, и он этот повод нашел. Ипатьевская летопись донесла до нас слова, которые говорил Святослав перед походом: *«А я пойду… къ Суждалю, и възищю сына своего Глеба, да како намъ Богъ расоудитъ со Всеволодомъ».* На всю Русь князь заявил: иду спасать сына. И ведь не возразишь ничего, на святое дело идёт. Хотя подоплека у этого похода, как мы видим, была совсем другая.

По мнению Святослав, именно сейчас был самый удобный момент, чтобы нанести удар по Владимиро-Суздальскому княжеству. Всеволод ещё недостаточно крепко сидит на престоле, а ростовцы затаили на него злобу. Рязань только что замирили, и есть большая вероятность того, что Роман окажет поддержку тестю. Новгород враждебен Всеволоду, там правит сын Святослава Владимир. Всё это давало киевскому князю надежду на успех.

Но тут со Святославом Всеволодовичем случился казус.

Князь покинул Киев и отправился в свою вотчину Чернигов собирать полки. По свидетельству Ипатьевской летописи, он *«скоупи всю Черниговъскоую сторону, и дружиноу свою».* Проще говоря, Святослав поднял многочисленных родственников и мобилизовал все силы Черниговского княжества. Была нанята половецкая орда. Однако, пока он собирал полки в Чернигове, Киев захватил Рюрик Ростиславич, который спокойно въехал в город. Он сразу же послал за помощью на Волынь и в Галич, а брата Давыда отправил в Смоленск, где княжил их старший брат Роман. Но Роман вскоре умер, и Давыд стал смоленским князем. Перед Святославом Всеволодовичем встала перспектива войны даже не на два, а на три фронта. Недаром летописец отметил, что когда Святослав совещался со всей своей черниговской родней, то прозвучал закономерный вопрос: *«Кде поедемъ, Смолнескоу ли, къ Киеву ли»* (Ипатьевская летопись). Как видим, вопрос о походе в Суздальскую землю даже не стоит. Но тем не менее именно туда и поведет полки Святослав. Он выбрал самого опасного врага и определил направление главного удара.

Оставив в Чернигове часть войск под командованием своего двоюродного брата Игоря Святославича (будущего героя «Слова о полку Игореве»), чтобы в случае опасности защитить город от Рюрика с братьями, Святослав Всеволодович выступил в поход на Владимир-Суздальский. Вместе с ним шел ещё один двоюродный брат, курский князь Всеволод. Тот самый, которого автор «Слова о полку Игореве» будет называть *«Яр-Тур Всеволод».* Примечательно, что в окружении Святослава подвизался

и Ярополк Ростиславич, надеясь с помощью черниговских мечей в очередной раз занять владимирский стол.

* * *

Всеволод сразу оценил весь масштаб надвигающейся опасности. Он уже знал, что, помимо Черниговской земли, Святославу удалось поднять на войну Новгород и князь Владимир уже собирает полки, чтобы вести их на соединение с воинством отца. Суздальская земля начала готовиться к обороне.

Тем временем Святослав Всеволодович вёл своё войско на север. Согласно Новгородской I летописи старшего извода, встречу с сыном князь назначил на месте впадения реки Тверцы в Волгу.

Для этого Святославу приходилось делать солидный крюк, но он предпочёл действовать наверняка. Ставки в предстоящей борьбе были велики, и князь стремился исключить любой риск. Вряд ли он хотел пройти по маршруту киевского князя Изяслава Мстиславича, поскольку поход последнего по северным владениям Юрия Долгорукого оказался совершенно бесполезным и не решил ни одной стратегической задачи. Скорее всего, именно от устья Тверды Святослав и планировал нанести удар прямо на столицу Всеволода. А заодно разорить основу экономического процветания и житницу княжества — суздальское ополье. Вопрос заключался в том, каким путем ему вести войска. Либо через Дмитров, либо через Переславль-Залесский. Поразмышляв, Святослав остановился на втором варианте, поскольку со стратегической точки зрения Переславль представлял для него куда больший интерес, чем Дмитров. Ведь, удерживая за собой это город, Святослав Всеволодович мог угрожать как Ростову, так и Суздалю. Но что самое главное, направив в Ростов Ярополка, он мог в очередной раз поднять местное боярство на борьбу против Всеволода. Поэтому, дождавшись сына Владимира, который привел под стяги отца 3000 новгородцев, Святослав начал вторжение в центральные области Владимиро-Суздальской земли. Воины из южнорусских княжеств, новгородцы, половецкая орда — вся эта людская масса подобно волне накатывалась на Залесье, грозя захлестнуть весь край. О том, что несло жителям Северо-Восточной Руси вторжение Святослава и чем занимались его воины на тех территориях, через которые проходили, очень метко и емко написал новгородский летописец: «**И положиша всю Вългу пусту, и городы все пожьгоша**» (Новгородская I летопись младшего извода). Здесь даже добавлять ничего не надо, все и так предельно ясно.

Всё это было известно Всеволоду, и он тоже оценил значение Переславля-Залесского в грядущей войне. Собирая полки, он через разведчиков знал о каждом шаге своего врага и поэтому мог заранее предположить дальнейший маршрут Святослава. Однако большим достижением владимирского князя стало то, что он сумел переиграть своего оппонента на дипломатическом поприще. Вот что сообщает Ипатьевская летопись по поводу тех сил, с которыми Всеволод вышел навстречу

Святославу: *«Ивыиде противу ему Всеволодъ, со всими Суждалъскими полкы, и с Рязаньскими полкы и Муромьскими».* Как видим, войска рязанских и муромских князей пришли на помощь сыну Долгорукого. Это могло быть вызвано только грамотной и взвешенной политикой Всеволода в отношении своих соседей и тем, что он не позволил южнорусским князьям укрепить свои позиции в этом регионе. Надежды Святослава на помощь зятя Романа развеялись, как дым. Между тем Всеволод повел свои полки навстречу Святославу. Ему удалось перехватить врага в сорока верстах от Переславля-Залесского, на реке Влене. На одном берегу встала рать Святослава Всеволодовича, на другом раскинулся стан суздальцев и их союзников. Никто не рискнул первым пойти в атаку, и началось длительное топтание двух армий друг напротив друга.

*** * ***

Стояние на Влене отдаленно напоминает битву на реке Колокше. Как и несколько лет назад, Всеволод сумел занять выгодную позицию и тем самым сковать вражеские силы в одном месте. Святославу был нужен Переславль-Залесский, но путь к нему перекрывали суздальские полки. А переход через Влену, несмотря на зиму, представлял определенные трудности, поскольку *«бе бо река та твердо текоущи, бережиста»* (Ипатьевская летопись). Но это было проблематично именно для Святослава, а не для Всеволода. Владимирский князь не собирался атаковать врага, у него была вполне конкретная цель — не допустить вражеского вторжения в земли суздальского ополья и прикрыть дорогу на Переславль-Залесский. Он не хотел повторения вражеского нашествия времен Юрия Долгорукого, когда князь Изяслав обратил в дым и пепел северные волости Ростово-Суздальской земли. Главной целью Всеволода было парировать удары противника, а уж дальше действовать по ситуации. Поэтому, исходя из стратегии, была выбрана и соответствующая позиция. А она действительно была удобнейшая, поскольку «**суждалци же, стояху на горах. Во пропастехъ, и ломох, ако же нелзи ихъ дойти полкомъ Святославлимъ**» (Ипатьевская летопись). Как видим, лобовая атака черниговских дружин могла стоить больших жертв, а уж про половецкую конницу и говорить нечего: ей просто негде было бы развернуться среди оврагов и буераков.

Однако здесь возникает вполне закономерный вопрос: а что это за река Влена и где она вообще протекает? Ведь, как мы помним, своё наступление Святослав повел от устья реки Тверцы, а на обратном пути его войска сожгут Дмитров. На мой взгляд, здесь абсолютно прав М.Н. Тихомиров, который сделал очень интересное наблюдение: *«Под Вленой нельзя видеть какой-либо другой реки, кроме притока Дубны — Вели, текущей километрах в 25 от Дмитрова… Веля действительно течёт в обрывистых берегах, “бережиста“, на восточной её стороне подымаются холмы, разделённые оврагами. Здесь-то стояли суздальцы в “пропастях и ломах“. Память о какой-то битве на Вели до самого последнего времени сохранялась в окрестных*

деревнях». Если согласиться с данным предположением, то картина происходивших событий станет довольно ясной.

Противостояние продолжалось две недели. Иногда на льду происходили стычки дозорных, частенько лучники метали друг в друга стрелы, но дальше этого дело не шло. Боевой дух в полках Всеволода был необычайно высок, ратники так и рвались в бой. Княжеские мужи неоднократно наседали на Всеволода Юрьевича, требовали, чтобы он повел рать в сражение: *«Дружина же Всеволожа хотяхутъ крепко ехати на Святослава. Всеволод благосердъ сый, не хотя крове прольяти не еха на нь»* (Лаврентьевская летопись).

Однозначно, что владимирский князь отказывался в данной ситуации вступать в битву не из великого человеколюбия. Просто он прекрасно себя чувствовал на неприступной позиции и не видел смысла подвергать войска неоправданному риску. Время сейчас работало на него, и князь не видел смысла пока что-либо менять. К тому же Всеволод надеялся, что ему удастся спровоцировать Святослава на битву и повторить историю на Колокше. Он был мастер на такие дела и в этот раз действовал так же тонко и хитро. Правда, и Святослав Всеволодович был не Глеб Рязанский.

В этот раз решили тоже начать с обоза. Ночью дружины рязанских князей тайно перешли на другой берег Влены и обойдя вражеский лагерь, неожиданно напали на обозы Святослава. Рязанцы учинили там настоящий погром, находившихся в обозе ратников потоптали конями, иссекли мечами, а остальных повязали и погнали в плен. В разгар побоища явился со своим полком Всеволод Курский, а затем подоспел и сам Святослав. Бой вспыхнул с новой силой, уже наступал рассвет, когда в плен угодил рязанский воевода Ивор Мирославич. Видя, что ситуация стала складываться не в их пользу, рязанцы, отбиваясь от наседавшего врага, стали уходить за реку. Их не преследовали, потому что Святослав самым строжайшим образом запретил переходить Влену. Он прекрасно понял, на что рассчитывал Всеволод, затевая этот ночной рейд. Спровоцировать Ольговичей на сражение, заманить на свой берег, а затем разгромить, опираясь на свои неприступные позиции, — вот чего хотел владимирский князь. Но с другой стороны, Святослав осознал очень неприятную для себя истину — суздальцы в бой вступать не будут, они просто будут ждать, когда он перейдет реку.

Но Святослав не хотел вступать в бой на невыгодной позиции! Однако приближалась весна, и была большая вероятность того, что войско южнорусских князей просто потопнет здешних хлябях и трясинах. Или же вымрет с голоду, поскольку из-за распутицы будет невозможно подвести припасы. От отчаяния Святослав отправил к Всеволоду своего попа, и тот передал владимирскому князю слова: *«Тебе меня недалеко искать, отступи только от реки и дай мне свободный переход, я неумедлю к тебе придти. Если не хочешь меня пропустить, то я тебе даю свободу и отступлю далее, пока ты совсем не перейдешь. Тогда увидим, кого Бог оправдает»* (В.Н. Татищев). Но Всеволода подобные игры в благородство совершенно не интересовали, он уже почуял запах победы и действовал соответственно, решив довести дело до логического конца. Посланцев Святослава он

отправил под стражей во Владимир, а своему киевскому князю ничего не ответил. Святослав Всеволодович ярился и неистовствовал, но ничего поделать не мог.

В течение нескольких дней черниговские гридни и половцы прощупывали вражескую оборону, надеясь найти в ней слабое место, но везде были отбиты. С крутых откосов суздальские лучники безнаказанно расстреливали неприятеля, сами при этом оставаясь неуязвимыми. Окончательно осознав, что шансов у него никаких нет, и видя, что вот-вот наступит оттепель, Святослав велел отступать. Последняя попытка южнорусских князей подчинить себе Северо-Восточную Русь потерпела крах.

* * *

Святослав Всеволодович был в бешенстве. Все его усилия по организации этого похода оказались тщетными. Огромные средства, которые он вложил в подготовку к войне, были потрачены зря. Престиж среди князей был подорван. Войска Святослава медленно потянулись в сторону Дмитрова, они уходили, так и не скрестив по-настоящему оружие с врагом. Но Всеволод подготовил им ещё один сюрприз. Вызвав к себе наиболее опытных воевод, он велел им брать отряды легкой конницы и атаковать обозы Святослава. Но в бой с превосходящими силами противника не вступать и убегающих врагов не преследовать. В результате подобных действий Святослав Всеволодович лишился практически всего обоза, и это окончательно вывело обычно сдержанного князя из себя. Желая насолить лично Всеволоду, он велел спалить город Дмитров, который был основан Юрием Долгоруким в 1154 году и назван в честь сына Всеволода, в крещении Дмитрия. На большее Святослав оказался неспособен и, выйдя из Суздальской земли, большую часть войск, включая половцев, под командованием Всеволода Курского и сына Олега отправил в Чернигов. А с остальными ратниками и сыном Владимиром ушел в Новгород.

* * *

Пожалуй, единственным, кто хоть что-то получил от этого похода, был Ярополк Ростиславич, поскольку Святослав пристроил его князем в Торжке. Ярополк сразу же занялся вредительством, начав делать набеги вдоль Волги на земли Всеволода. Такая наглость не могла остаться безнаказанной, и в 1182 году огромная княжеская рать, куда входили полки рязанских и муромских князей, в очередной раз осадила Торжок. Верный своей тактике, владимирский князь не бросил сразу свои войска на приступ, а стал брать город измором. Осада длилась пять недель, и за это время в Торжке закончились все запасы продовольствия. Люди ели конину, но и она вскоре подошла к концу. И тогда доведенные до отчаяния жители схватили Ярополка, заковали в железо и выдали Всеволоду. Тем не менее город был опять сожжен, а его население выведено

на земли Владимиро-Суздальского княжества. Впрочем, согласно Лаврентьевской летописи, вскоре по приказу Всеволода всех жителей вернули обратно.

Через малое время новгородцы выгнали из города Владимира Святославича, и тот ушел к отцу в Киев, поскольку Святослав сумел вернуть себе великое княжение. После этого вечевики замирились с сыном Долгорукого и просили о том, чтобы он дал им князя. И тогда на берега Волхова отправился Ярослав Владимирович, свояк Всеволода.

Что же касается личных отношений между Святославом Всеволодовичем и его недавним врагом, то они неожиданно наладились. Владимирский князь после своей победы сделал широкий жест. Он освободил Глеба Святославича из темницы, где тот сидел после пленения в Коломне, и с честью отпустил к отцу в Киев. Казалось, что все вернулось на свои места. Но так только казалось. Наиболее дальновидные люди понимали, что возвращаются времена Андрея Боголюбского и на северо-востоке Руси появилась такая страшная и грозная сила, что противостоять ей вряд ли кто сумеет. Наступали новые времена.

6. На восточном рубеже (1183–1186 годы)

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол поберечь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать.

«Слово о полку Игореве»

Пока во Владимиро-Суздальской земле гремели междоусобные войны, а владимирский князь Всеволод выяснял отношения сначала с племянниками, потом с Глебом Рязанским и, наконец, со Святославом Всеволодовичем, резко обострилась ситуация на восточных границах Руси. Волжские болгары предпочитали с Русью торговать, а не воевать, но иногда им приходилось отстаивать свои интересы с мечом в руке. Так случилось и на этот раз. Воспользовавшись замятней в Северо-Восточной Руси и временным ослаблением центральной власти, в регионе резко активизировались различные преступные элементы. Разбойники и тати в большом количестве подались на Волгу и начали громить караваны болгарских купцов. Это стало настоящим бедствием для волжской торговли, поскольку грабители в буквальном смысле слова не давали прохода купеческим судам. Дошло до того, что разбойничьи шайки стали высаживаться на берег и грабить болгарские села и деревни. Волжские болгары дважды посылали к Всеволоду послов, чтобы унял лиходеев, но владимирский князь довольно вяло реагировал на эти просьбы, не до того ему было. Сначала говорил, что разбойничают муромцы и рязанцы, а он к ним никакого отношения не имеет. Затем все же велел выловить татей в своих владениях, но дружинников на Волгу для борьбы с разбойниками посылать не стал, воины ему были нужны для других дел.

В итоге серебряные болгары не выдержали. Они быстро собрали большое войско и очистили Волгу от нежелательных элементов. Но болгарские военачальники мыслили масштабно, а потому решили уничтожить самый корень проблемы. Они вторглись на русские земли и стали отлавливать разбойников. Незаметно они сами увлеклись разбоями и грабежами. Целые волости у Мурома и Городца на Волге подверглись разорению и опустошению, болгарские отряды доходили до Рязани. Но, что самое примечательное, война официально не велась, а болгарские полководцы считали происходящее в порядке вещей.

Но теперь уже возмутились русские. Однако посланные против незваных гостей войска не смогли призвать их к порядку, поскольку болгары обладали значительным численным преимуществом. В конце концов, захватив множество пленных, скота и прочего добра, болгарское воинство ушло за Волгу. Однако Всеволод не собирался оставлять этот дерзкий рейд безнаказанным и стал готовиться к большой войне с Волжской Болгарией. Готовился, как всегда, основательно, желая исключить любые

неожиданности. Согласно Лаврентьевской летописи, вместе с суздальскими полками на болгар выступили и Рязанские Глебовичи — Роман, Игорь, Всеволод и Владимир. Присоединился к походу Владимир Муромский. Пришел с дружиной племянник Всеволода Изяслав Глебович Переяславский, прибыл смоленский князь Мстислав Давыдович. Но владимирскому князю и этого показалось мало, а потому он обратился за помощью к тому, с кем недавно воевал, — киевскому князю Святославу Всеволодовичу.

Дмитровский собор во Владимире. Построен в 1194–1197 гг. Фото автора

К данному моменту отношения между бывшими врагами были превосходными. Делить им пока было нечего, а Влена четко показала, кто есть кто. Святославу и Всеволоду было выгодно вернуться к прежним дружественным отношениям. К предложению принять участие в походе киевский князь отнёсся очень доброжелательно и прислал на помощь своему бывшему врагу сына Владимира с

полками. Что же касается Всеволода, то он поднял всю Владимиро-Суздальскую землю, летопись, в частности, упоминает действия белозерского полка. Глядя на огромную рать, которую собрал владимирский князь, невольно создается впечатление, что планы Всеволода простирались гораздо шире, чем просто наказать болгар. Вполне вероятно, что он задумал решить проблему радикально. Ведь обычно суздальские князья своими силами справлялись с серебряными болгарами, а здесь…

Войска союзников подходили к Оке. Местами сбора полков Всеволод назначил Коломну, Борисов и Ростиславль, а всех князей пригласил в свою столицу. Пока во Владимире-Суздальском пировали да обсуждали грядущий поход, ратники и согнанные с окрестных сел мужики, сооружали ладьи и насады. На пятый день веселья стало известно, что суда готовы, и войска на них отплыли к месту впадения Клязьмы в Оку. После этого князья прекратили гулянья и 20 мая отправились в Городец на Волге, где были собраны суздальские полки. Оттуда Всеволод повел их к устью Оки, куда на судах подошли остальные войска союзников. Оттуда объединенная рать двинулась вниз по Волге. Пехота плыла на ладьях и насадах, а конные дружины шли берегом. Передовые полки вели Владимир Святославич и Изяслав Глебович, далее шли ратники рязанских Глебовичей, а затем двигались главные силы — муромские, смоленские и суздальские войска. При этом идущие по берегу дружины постоянно подвергались нападению мордовских отрядов, которые, по свидетельству В.Н. Татищева, *«вред делали и людей побили»*.

Василий Никитич отмечает, что 8 июня русская рать подошла к устью реки Цевцы, где находился остров под названием Сады. На этом острове и было решено оставить все суда. После этого русская рать выступила в поход на столицу Волжской Болгарии, которую летописец называет Великий город. У Тухчина городка Всеволод остановился на два дня, давая отдых войску перед решительными боями. Здесь же владимирский князь принял решение отправить на охрану ладей и насадов белозерский полк под командованием воеводы Фомы Лазковича. Как оказалось, решение это было правильным и своевременным. Но это никоим образом не ослабило русское войско, поскольку, когда на третий день продолжилось наступление на столицу Волжской Болгарии, к нему присоединилась половецкая орда хана Емяка. У половцев всегда был волчий нюх на поживу, и в этот раз он их не подвел. Когда русские дозорные обнаружили половецкую конницу, то в стан князей прибыло пять посланцев от хана, которые предложили услуги степняков в войне против болгар. На военном совете у Всеволода было принято решение принять предложение Емяка, взяв предварительно с кочевников клятву на верность.

Наступление русских продолжалось, и через землю черемисов они подошли к Великому городу. Там князья развернули полки в боевые порядки, а сами стали решать, что же делать дальше, поскольку болгары не собирались сражаться в открытом поле, а засели за крепостными стенами. Мало того, болгарские военачальники решили помешать лобовому штурму своей столицы и построили перед городом укрепленный лагерь, где сосредоточили значительные силы. Поэтому задача, которая стояла перед князьями и воеводами, была нелегкой.

Командующий передовыми полками князь Изяслав Глебович, заметив, что болгары вышли за укрепление и изготовились к бою, решил их атаковать и ворваться в лагерь на плечах разбитого врага. Русские пошли на болгарское воинство, нанесли ему поражение и погнали к укреплению. Храбрый князь Изяслав преследовал противника до самых ворот и попытался прорваться в лагерь, но в решающий момент боя был ранен. Вражеская стрела пробила доспехи и ударила князя под сердце. Изяслава телохранители на руках вытащили из битвы, а русские войска были вынуждены отступить.

Эта неудача в значительной степени подорвала боевой дух русских войск, и князья на какое-то время были вынуждены отказаться от активных действий.

* * *

Но беда не приходит одна. Болгары собрали рать из городов Собекуля, Челмата и Торцеса числом до 5000 воинов, конных и пеших. План болгарских военачальников был прост — захватить на острове ладьи и насады русских. Отрезав таким образом врагу пути отхода, можно было переходить к активным действиям и начинать атаковать противника у Великого города. И в этом случае русские оказывались в очень тяжелой ситуации, поскольку отступать им было практически некуда.

Ответственный за охрану судов на острове Сады воевода Фома Лазкович времени даром не терял. По его приказу ратники укрепили остров и были готовы в любой момент отразить вражеское нападение. Когда дозорные доложили, что по Волге на судах движется большая рать, а на берегу скапливается конница, воевода поднял по тревоге белозерский полк и велел изготовиться к бою. Укрываясь за насыпями, русские следили за тем, как болгарские суда причаливают к берегу и высаживают пехоту, а с берега начали перевозить всадников и коней. Воевода Фома принял в данной ситуации очень верное решение. Дождавшись, когда на берегу скопится множество болгар, он велел белозерцам идти в атаку. Противник не успел ещё построиться в боевой порядок, и поэтому слаженный и мощный натиск русских сразу же опрокинул его. Ратники рубили врагов направо и налево, оттесняя к реке. Бросая оружие, болгары бежали к своим судам, а белозерцы их преследовали. Пленных не брали. Болгары бросились в свои суда, но многие дощаники перевернулись от большого количества набившихся в них людей. Не считая побитых на острове, в Волге утонуло около тысячи болгарских воинов, и, потеряв более половины личного состава, вражеская рать уплыла прочь. Победа была полной и безоговорочной.

Между тем русское воинство простояло у Великого города десять дней. Трудно сказать, как развивались бы дальше события, но царь серебряных болгар отправил к Всеволоду мирное посольство. По свидетельству Лаврентьевской летописи, Всеволод согласился на мир только потому, что видел Изяслава *«изнемогающа»*. Князья получали большой откуп, а также болгары освобождали всех русских, которые

томились у них в неволе. После заключения мира великокняжеская рать ушла к Волге, где Всеволод и узнал о том разгроме, который воевода Фома учинил болгарам. Но радость победы была омрачена смертью Изяслава Глебовича, который умер на следующий день. Тело князя положили в ладью и отправили во Владимир-Суздальский, где и похоронили в Успенском соборе.

Через несколько дней отправились домой и остальные войска. Пешие полки плыли на ладьях по Волге, а конных дружинников Всеволод отправил воевать Мордовскую землю, поскольку помнил все те пакости, которые ему чинила мордва во время похода на Волжскую Болгарию. Княжеские воеводы пожгли и разорили вражеские земли вплоть до реки Цна, а также вывели в суздальскую землю большой полон. Подводя же итоги, можно сказать, что конечный результат войны не соответствовал тем возможностям, которые были у объединенной рати князей Северо-Восточной и Южной Руси. Но после ранения Изяслава Глебовича всё пошло наперекосяк, а правитель серебряных болгар верно оценил обстановку и выступил с мирными инициативами. В итоге получилось то, что получилось.

* * *

Следующий поход русских на Волжскую Болгарию случился в 1186 году. Однако это был не полномасштабный поход великокняжеской рати, а скорее набег, который организовали воеводы великого князя из Городца на Волге. Какие его вызвали причины и к каким последствиям он привел, неизвестно, Лаврентьевская летопись лишь сообщает, что русские пожгли многие села и возвратились домой с большим полоном. Но, судя по всему, и этого оказалось достаточно, потому что следующий конфликт между Владимиро-Суздальским княжеством и серебряными болгарами произошёл в 1205 году. В этот раз сам великий князь в поход не пошел, а послал против Волжской Болгарии судовую рать с воеводами. По сообщению В.Н. Татищева, русские побили много болгар, черемис и мордвы, пригнав домой большое количество пленников.

Как мы видим, после совместного похода русских князей в 1184 году на Волжскую Болгарию ситуация на восточных рубежах Руси стабилизировалась. Сведения о больших болгарских набегах в летописях не встречаются. Наоборот, теперь владимирский князь посылает свои войска на земли восточного соседа, но до полномасштабной войны дело так и не доходит.

7. Рязанская эпопея (1186–1210 годы)

Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

«Слово о полку Игореве»

В 1186 году вспыхнула новая междоусобица в Рязанском княжестве. Зачинщиком смуты опять стал Роман Глебович. Он подбил своих братьев Игоря и Владимира выступить в союзе с ним против младших, Святослава и Всеволода, княживших в Пронске. Попытка заманить их в ловушку Роману не удалась, и тогда он решил действовать грубой силой — собрал рать и повел на Пронск. Но Святослав и Всеволод укрепили город и приготовились к обороне. Когда же под Пронском появился с полками Роман, то он сразу понял, что город штурмом не возьмёшь и был вынужден перейти к осаде. Его ратники рассыпались по окрестностям и принялись жечь и грабить близлежащие деревни. Свирепствовали так, словно были не на своей земле, а в чужой.

Но подобный расклад никаким образом не устраивал великого князя Владимирского Всеволода. Он уже давно смотрел на рязанских князей как на своих вассалов, они ходили с ним в походы на врагов Суздальской земли, и поэтому смута в соседнем княжестве ему была не нужна. Но к силе Всеволод пока не собирался прибегать и послал к Глебовичам двух бояр с увещанием: *«Не дивно мне, когда иностранные неприятели, приходя, земли ваши разоряют, но весьма дивно, что вы, братья родные, в покое и любви жить, и себя от половцев и болгар общею силою защищать, и своих подданных охранять не желая, забыв закон Божий, сами брат на брата воюете и людей губите владения ради»* (В.Н. Татищев). Князь Роман дерзко ответил: *«Что Всеволод нам повелевает, или мы не таковы же князи в своей области, как он?»* (В.Н. Татищев). Рязань забурлила и начала готовиться к войне с суздальцами.

Решив, что человек, подобный Роману, понимает только силу, великий князь для начала отправил в Пронск три сотни дружинников, благо Святослав и Всеволод официально попросили у него помощи. Цель при этом сын Долгорукого преследовал достаточно простую. Он просто хотел продемонстрировать Роману, что теперь его младшие братья находятся под покровительством Всеволода и он уже не сможет безнаказанно вести против них войну. Но Роман Глебович сделал вид, что намека не понял, и повел свои войска на штурм Пронска. Младшие Глебовичи отбились, а Всеволод стал готовиться к войне. Великого князя поддержали муромские князья, и когда объединенная рать подошла к Коломне, Роман спешно снял осаду Пронска и отступил к Рязани.

Видя, что враг ушел, Всеволод Глебович отправился во Владимир-Суздальский. Проезжая через Коломну, он объявил союзникам об уходе Романа, и те распустили

полки. А зря. Потому что, как только старший Глебович об этом сведал, он вернулся и возобновил приступы к Пронску. Святослав бился отчаянно, но в итоге под давлением своих бояр и горожан, не желающих нести тяготы осады, сдал город. В руки Романа попала семья брата Всеволода, который в это время возвращался домой. Узнав об этом в пути, князь остановился в Коломне, набрал ратников и стал делать набеги на волости братьев.

Между тем Роман допустил очень большую ошибку. Захватив Пронск, он повязал и отправил в Рязань владимирских дружинников, которых прислал Всеволод. Великий князь не стал вступать в полемику с Романом, а просто велел собирать полки. К Святославу в Пронск был отправлен посол, который попенял князю за то, что тот сдал присланных ему на помощь гридней, и велел их вернуть в целости и сохранности, со всем имуществом. В противном случае Всеволод Юрьевич грозил войной всем Глебовичам, поддерживающим Романа.

Вот теперь рязанский князь испугался. Он быстренько отпустил всех пленных суздальцев со всем добром домой, а к владимирскому князю отправил знатных мужей вымаливать мир. Те каялись в грехах и посыпали голову пеплом, но Всеволод был неумолим. Мира не дал и отправил послов назад. В воздухе запахло большой войной.

Но Роман и не думал отступать, а потому обратился за помощью к черниговскому епископу Порфирию с просьбой о посредничестве в заключении мира. Епископ охотно приехал к Всеволоду в столицу и переговорил с князем в присутствии владимирского епископа Луки. Великий князь по просьбе церковных иерархов склонился к миру, и Порфирий отправился в Рязань, но там повел совсем иные речи. Извратив смысл переговоров со Всеволодом, черниговский епископ подтолкнул Глебовичей к войне с Суздальской землей. Великий князь был взбешен, когда узнал об этой подлости Порфирия, и даже хотел *«послати по немъ, и яти его»* (Лаврентьевская летопись).

А затем пришел черед держать ответ Роману Глебовичу, только за глупость и амбиции своего князя расплатился народ. В 1187 году суздальская рать и полки муромских князей подошли к Коломне, где соединились с войском Владимира Глебовича. После этого союзники перешли Оку, огнем и мечом прошлись по рязанским волостям, опустошая и разоряя деревни и села, а население, угоняя в полон: *«Землю ихъ пусту створивше и пожгоша всю»* (Лаврентьевская летопись). Князь Роман собирался было выступить навстречу, но тут в его землю вторглись ещё и половцы. В итоге он и на Всеволода не пошел, и степняков не отразил, так и простояв в бездействии. И лишь когда те и другие ушли с трофеями и пленниками, князь вернулся в Рязань. Однако жестокий урок пошел впрок, и на какое-то время в Рязанском княжестве воцарилась тишина.

Примечательно, но у В.Н. Татищева мы находим информацию о том, что когда в 1195 году Всеволод Юрьевич женил своего старшего сына Константина, то на свадьбе присутствовали в полном составе братья Глебовичи — Роман, Всеволод и Владимир. Игоря не было, поскольку он скончался в этом же году. Причем Василий Никитич отмечает, что князья были не одни, а с княгинями и боярами. Вряд ли такое было бы

возможно, если бы отношения между Рязанью и Владимиром-Суздальским оставляли желать лучшего.

* * *

27 июля 1195 года умирает киевский князь Святослав Всеволодович. По большому счёту, именно он был последним киевским князем, которому более-менее удавалось поддерживать какое-то подобие порядка в Южной Руси. Святослав был личностью яркой и неординарной, а особую популярность ему снискали успешные походы против половцев. В своё время он крепко помог Всеволоду в борьбе за власть, правда, потом пытался поставить на место своего не в меру усилившегося союзника. Но, невзирая на все многочисленные разногласия, сын Долгорукого всегда находил общий язык со Святославом. В последние годы жизни киевского князя отношения между Русью Залесской и Русью Южной были очень неплохие, достаточно вспомнить помощь Святослава Всеволоду во время похода на Волжскую Болгарию. И вот теперь киевского князя не стало.

Единственное, что мог сделать Всеволод в данной ситуации, так это поспособствовать тому, чтобы на златом киевском столе оказалась более-менее приемлемая для него кандидатура. Великий князь действовал быстро и жестко. Лаврентьевская летопись сообщает об этом так: «**И посла великыи князь Всеволодъ муже свое в Кыевъ и посади в Кыеве Рюрика Ростиславича**». Вот так буднично написал летописец о смене власти в Киеве. Это был просто закономерный результат политики нескольких поколений князей Суздальской земли. И если Долгорукий стремился закрепиться в Киеве любой ценой и положил на это свою жизнь, то его дети смотрели на это совсем иначе. Отец рассматривал Ростово-Суздальскую землю как средство достижения своих целей в Южной Руси, а для его сыновей главное — это усиление и укрепление Владимиро-Суздальского княжества. Стремление сделать его первым среди остальных княжеств Руси. И подчинить своему влиянию остальные русские земли. Андрея и Всеволода не интересует Киев, они даже не идут туда княжить, хотя и могли бы, а просто сажают на златой престол тех, кто им угоден. И это принципиально отличало политику братьев от политики их отца.

* * *

В усобицы, которые заполыхали в Южной Руси, Всеволод по возможности старался не вмешиваться, оказывая своим союзникам лишь минимальную поддержку. Больших войн не начинал, в битвы дружины не водил и чаще лишь демонстрировал свои намерения, собирая полки, но при этом не пускал их в дело. А недовольным грозил пальцем из-за лесов. Ярким примером такого подхода к делу стала ситуация, когда Рюрик Ростиславич попросил у великого князя помощи в войне против

черниговских князей. Понятно, что Всеволод согласился. Но когда Рюрик вместе с братом Давыдом и наемными половцами хотели идти под Чернигов и соединиться там с суздальскими полками, оказалось, что никто к ним на помощь не придет. Всеволод столковался с черниговским князем Ярославом, братом Святослава Всеволодовича, и Рюрик был вынужден тоже заключить перемирие с черниговцами.

Но вскоре усобица вспыхнула с новой силой. В этот раз Всеволод пообещал Рюрику выступить на Чернигов, как только узнает о том, что киевский князь начал боевые действия. Рюрик вновь поднял всю родню, снова нанял половцев и вторгся в Северскую землю. В этот раз великий князь не обманул и выступил против Ярослава. Как обычно, под владимирским стягом шли рязанские и муромские князья, а вскоре к ним присоединился Давыд Смоленский. Рать Всеволода вторглась в землю вятичей, захватила Козельск и Болохов, а саму область подвергла страшному опустошению. Видя, какому беспощадному погрому подвергаются земли на востоке его княжества, Ярослав Всеволодович махнул рукой на Рюрика и, собрав все наличные силы, выступил против Всеволода. Поскольку изгнать врага со своей территории он не мог, то решил, по крайней мере, не пропустить его дальше.

Полки Ярослава перекрыли в лесах все дороги к Чернигову, делали засеки и укрепления, надеясь дать бой врагу на заранее подготовленных позициях. Вскоре на помощь черниговцам подошли половецкие наемники. Но Ярослав не был уверен в своих силах, а потому попробовал решить дело миром и отправил к Всеволоду посольство: «**Не могуще стати противу ему, поклонишася ему**» (Лаврентьевская летопись). На княжеском совете мнения разделились — смоленский князь Давыд требовал продолжения наступления и похода на Чернигов, где великокняжеская рать должна была соединиться с полками Рюрика. Рязанские князья, наоборот, склоняли Всеволода к миру. Но владимирский князь был не тот человек, чтобы прислушиваться к чьему-то мнению, если оно шло вразрез с его собственными планами. Черниговские князья были сильно ослаблены и в данный момент угрозы Суздальской земле не представляли. Но зато резкое усиление Рюрика было теперь Всеволоду невыгодно. Поэтому он не стал добивать Ярослава, сохраняя его как противовес усилившемуся союзнику. 6 октября 1197 года великий князь вернулся в столицу *«и бысть радость велика в граде Володимери»* (Лаврентьевская летопись). Причины для веселья у владимирцев были, поскольку боевые действия закончились, так и не начавшись, а их родные и близкие вернулись домой целыми и невредимыми.

30 апреля 1199 года Всеволод Юрьевич вместе с сыном Константином выступил в поход против донских половцев. Согласно Лаврентьевской летописи, степняки бежали к морю, а русские дружины разгромили их зимние становища и дошли до реки Дон. В столицу князь вернулся только 5 июня и был восторженно встречен жителями Владимира.

* * *

В 1200 году скончался Ярослав Всеволодович, и черниговским князем становится Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве». В 1201 году владимирский князь отправляет на княжение в Переяславль-Южный своего сына Ярослава. Этот город всегда считался вотчиной Мономашичей, а поскольку Всеволод был старшим в роду, он посчитал своевременным забрать Переяславль под себя и ещё больше укрепить свое влияние в регионе. Помимо этого великий князь и Роман Мстиславич Галицкий прогнали из Киева Рюрика Ростиславича, посадив на златом столе Ингваря Ярославича. Рюрика отправили княжить в Овруч, но для того, кто был князем Киевским, это было ничтожно мало. Однако сил, чтобы бороться за свои права у Рюрика не было, и он затаился, как зверь, выжидая удобный момент для возобновления борьбы.

Однако в 1202 году умирает Игорь Святославич, и в Чернигове утверждается князь Всеволод Чермный, сын Святослава Всеволодовича. Этот сразу же окунулся в водоворот бушующей на Южной Руси очередной усобицы. Всеволод Святославич решил оказать помощь Рюрику Ростиславичу в борьбе за Киев. Рюрик воспрянул духом и, наняв половецкую орду, вместе с союзными Ольговичами пошел на мать городов русских. 2 января 1203 года Киев был захвачен и подвергнут чудовищному разгрому. «Я *створися велико зло в Русетей земли,* **якого же зла не было, отъ крщенья надъ Кыевомь**» (Лаврентьевская летопись).

Князья замирились лишь в 1204 году, но мир был непрочен, и вскоре междоусобица вспыхнула с новой силой. В 1206 году Киев захватывает Всеволод Чермный, причем летописец очень метко подметил одну-единственную причину, по которой он сумел утвердиться в городе: *«Всеволодъ Чермный седе в Кыеве,* **надеяся на свою силу**» (Лаврентьевская летопись). Однако здесь черниговский князь допустил ошибку, поскольку позарился на чужое добро и изгнал из Переяславля-Южного сына Всеволода Юрьевича, Ярослава. 22 сентября беглец объявился в Суздале, где и рассказал отцу о том, что происходит в Южной Руси. Но события там менялись с калейдоскопической быстротой.

Поднакопив сил, Рюрик вместе со своими сыновьями и смоленским князем Мстиславом Романовичем выбил Всеволода Чермного из Киева. Ростиславич в очередной раз уселся на златом престоле, а сына Владимира посадил княжить в Переяславле-Южном. В ответ черниговский князь призвал под свои стяги всех Ольговичей, нанял половцев и ринулся отбивать Киев. Война продолжилась и на следующий год, а в итоге Чермный снова захватил Киев.

То, что творилось в Южной Руси, где полыхала, не затихая, междоусобная война, горели города и села, а люди тысячами угонялись в неволю, разительно отличалось от того, что происходило в Северо-Восточной Руси. Там ни о каких войнах между князьями Суздальской земли даже речи не шло, княжество динамично развивалось, процветали ремесла и торговля, а земледельцы спокойно собирали урожай, не опасаясь набега степняков. По большому счёту, до Южной Руси Всеволоду дела не было. Там свои князья и свои порядки, но то оскорбление, которое нанес ему

Чермный, изгнав сына из Переяславля-Южного, требовало ответа. Великий князь вновь стал собирать полки.

Из Великого Новгорода сын Всеволода Константин привел большую рать, куда помимо новгородцев вошли псковичи, ладожане и жители Торжка. Всё это воинство остановилось в Москве, ожидая подхода главных сил. Братья Глебовичи привели свои полки к Оке, где и ожидали дальнейших распоряжений из Владимира-Суздальского. Подошла муромская рать. А 19 августа выступил в поход и сам Всеволод вместе с сыновьями Георгием, Ярославом и Владимиром. Суздальские полки соединились в Москве с новгородской ратью, и великий князь решил идти на соединение с рязанскими и муромскими князьями. Против военной мощи Северо-Восточной и Северо-западной Руси у Ольговичей не было никаких шансов на победу, и Чермному оставалось только молиться, чтобы Господь отвел от него беду. И Бог его молитву услышал.

* * *

Глеб Владимирович донес великому князю на своих дядей, обвинив их в измене и сговором с Ольговичами: *«Яко сложилися стрыеве ихъ со Олговичи, а пришли к нему на льсти»* (Воскресенская летопись). Трудно сказать, что было в этом доносе правдой, а что нет. Но Всеволод прекрасно знал о том, как его отец Юрий Долгорукий ходил на Чернигов и как его во время похода предали рязанские князья. Прецедент уже был. С другой стороны, к старости великий князь стал очень подозрителен, и рязанский князь запросто мог этим воспользоваться. У него были свои резоны так поступить, поскольку в Рязанском княжестве князей становилось всё больше, а волостей всё меньше. Однако нельзя упускать и такой момент, что Всеволод Юрьевич давно хотел наложить свою тяжелую руку на земли соседа, благо у него самого было полно сыновей. Недаром его прозвали Большим Гнездом. Решить проблему наделения своих детей уделами за счет других и не затрачивать при этом особых усилий было как раз в духе Всеволода. В общем, как бы там ни было, но великий князь извету поверил. Или сделал вид, что поверил, суть от этого не меняется. Новгородские и суздальские полки выступили к Оке навстречу рязанской и муромской рати.

Глебовичи и Давыд Муромский привели под своими стягами очень много ратников, и это сразу насторожило Всеволода. На противоположном берегу Оки были практически все рязанские князья: Роман Глебович и брат его Святослав с двумя сыновьями, Мстиславом и Ростиславом, два Игоревича — Ингварь и Юрий, Глеб и Олег Владимировичи. Не было лишь Кира Всеволодовича Пронского, который изначально прислал к великому князю послов с извинениями, что не может выступить против Всеволода Чермного, поскольку тот приходится ему тестем. Будет просто сидеть дома и ни во что не вмешиваться. Это его и спасло.

Тем временем владимирский князь спешно собрал совет, на котором решали, что делать. Согласно Лаврентьевской летописи, Давыд Муромский обвинил Глебовичей в предательстве. Великокняжеские бояре также усердствовали, доказывая невозможность войны с Ольговичами в подобной ситуации: *«Если с войсками далее идти, а рязанские учинят коварство, то можешь войско свое погубить. Если же их не взять, то, право или не право на них было сказано, они примут уже сие за оскорбление, и опасно, чтоб подлинно с черниговскими в согласие не вошли и твоих областей не разорили. Не объявив же подлинной причины, возвратиться стыд будет немалый»* (В.Н. Татищев). В итоге порешили призвать Романа Глебовича с родственниками на пир в стан Всеволода.

На следующий день ничего не подозревающие рязанские князья переправились на противоположный берег Оки и без всякой боязни вошли в шатер великого князя. Однако, к их удивлению, хозяина здесь не было, и они, рассевшись по лавкам, стали его поджидать. Сам Всеволод в это время находился в соседнем шатре и никуда выходить не собирался. Он просто послал к рязанским князьям Давыда Муромского и своего тысяцкого Михаила Борисовича, которые должны были предъявить им обвинение. Для Романа и его родственников оно прозвучало словно гром среди ясного неба. Сразу же начались оправдания и клятвы в верности, но Всеволод в это время отправил в шатер Глеба и Святослава Владимировичей, которые и начали уличать своих родичей в измене. Даже если Владимировичи сознательно лгали, предъявляя дядьям и двоюродным братьям фантастические обвинения в злоумышлении на Всеволода, то опровергнуть их слова Роману и иже с ним было трудно.

Вся рязанские князья, приехавшие к Всеволоду, были схвачены вместе со своими боярами и 22 сентября 1207 года под стражей отправлены во Владимир-Суздальский. На следующий день великокняжеская рать переправилась через Оку и вторглась в земли Рязанского княжества.

* * *

Рязанские полки, оставшись без командования, были совершенно деморализованы и не оказали переправляющимся через речку суздальцам никакого сопротивления, а потом и вовсе ушли к Рязани. Огромная рать Всеволода начала наступление на Пронск, один из важнейших городов княжества. Под стягом великого князя шли рязанские князья Глеб и Олег Владимировичи, в надежде получить достойные уделы, а также Давыд Муромский, которому было выгодно ослабление соседей.

Узнав о столь масштабном вражеском вторжении, Кир Всеволодович Пронский перепугался не на шутку и бежал к своему тестю Всеволоду Чермному. Но жители города не хотели сдаваться суздальцам без боя, справедливо полагая, что грабежи и погромы им по-любому обеспечены. К тому же была надежда, что находившийся в Рязани князь Роман Игоревич сумеет организовать сопротивление врагу и приведёт

полки на помощь городу. В итоге жители Пронска призвали к себе князем Изяслава Владимировича, брата Олега и Глеба. Изяслав был человеком храбрым, честным и всегда отстаивал справедливость. Рассудив, что в данной ситуации ему с братьями не по пути, князь прибыл в Пронск и стал готовить город к обороне. Пронск был крепким орешком, и врагу надо было потратить немало усилий, чтобы добраться до деревянных стен и башен крепости. Потому что с одной стороны его защищали крутые берега речки Прони, а с другой — подступы к укреплениям прикрывали глубокие овраги. Город находился примерно в 100 км к юго-востоку от Рязани, защищая столицу княжества от набегов степняков с этого направления, благо до Дикого поля было рукой подать. Народ в Пронске жил боевой, горожане не раз рубились на полях сражений с половцами, а княжеские гридни несли дозоры на границе со степью. Поэтому никто и не испугался суздальцев.

Тем временем к городу подошла великокняжеская рать, и Всеволод вместе с подручными князьями и воеводами внимательно осмотрел городские укрепления. Понимая всю сложность стоящей перед его ратниками задачи, владимирский князь решил не лить зря кровь и попробовать договориться по-хорошему. К князю Изяславу отправился владимирский тысяцкий Михаил Борисович с мирными инициативами. Но беда была в том, что Всеволоду уже не верили, считая обманщиком, и поэтому горожане единодушно решили сражаться до последнего, надеясь на неприступность Пронска. Теперь все должны были решить мечи.

Всеволод распорядился взять Пронск в плотную осаду и перекрыть все выходы из города. Напротив главных ворот встал старший сын великого князя Константин с белозерским полком и новгородцами. У других ворот стоял сын Ярослав с полком из Переславля-Залесского. За третьими воротами следил Давыд Муромский. Сам же Всеволод с сыновьями Георгием и Владимиром, а также рязанскими князьями Глебом и Олегом Владимировичами встал со стороны половецкого поля, на противоположном берегу реки Прони. Вскоре начались первые атаки на город. Под градом стрел великокняжеские ратники пробирались через глубокие овраги и тащили штурмовые лестницы под стены крепости. Прикрываясь щитами, они быстро карабкались наверх, но встречали жестокий отпор со стороны защитников. Суздальцев сбивали камнями и деревянными плахами, поливали кипятком и смолой, а тяжелые лестницы, на которых висели вражеские воины, отталкивали длинными рогатками. Яростное сражение гремело по всему периметру городских стен, но успехи атакующих были пока более чем сомнительны. Попытки разбить ворота успехом не увенчались, поскольку гридни Изяслава просто сожгли таран, а прорваться через городской вал воинству великого князя тоже не удалось. И как ни ярился Всеволод, все усилия его воевод были напрасны, защитники Пронска сражались героически.

Однако была одна проблема, которая имела для осаждённых самые тяжелые и трагические последствия. В мирное время она не ощущалась, но, как только дело дошло до осады, серьёзно осложнила жизнь горожанам. Дело в том, что в Пронске начались проблемы с водой. Постоянно вспыхивающие в городе пожары стало нечем

тушить, а осаждающие продолжали предпринимать отчаянные попытки поджечь городские стены. Защитники испытывали страшную жажду, но ещё больше от неё страдали женщины и дети. По ночам люди выходили за водой к реке, но, с одной стороны, это было смертельно опасно, а с другой — не могло удовлетворить всех потребностей осажденных. Горожане начали умирать от жажды, но о том, чтобы открыть врагу ворота и речи не было. Пронск, окутанный клубами черного дыма, продолжал борьбу, которая с каждым днем становилась всё более ожесточенной.

Прекрасно понимая, что без воды город не выстоит, князь Изяслав решил добывать её с помощью вылазок. Однажды распахнулись городские ворота, ведущие к реке, и конные гридни Изяслава на полном скаку врезались в ряды суздальцев. Следом навалились пешие воины, и совместными усилиями им удалось оттеснить врага, прорубив дорогу к воде. Толпы горожан с ведрами и кадками ринулись к Проне, спешно черпали воду и бежали обратно в город. Многие гибли от вражеских стрел, но терять людям было нечего, и страх умереть от жажды был сильнее страха смерти от железа. С каждым разом вылазки становились всё более ожесточенными и стоили воинам Изяслава всё большей крови, поскольку воеводы великого князя стянули на это опасное место свои лучшие силы. Кровопролитные бои не затихали ни днем ни ночью, осада затянулась, и вскоре Всеволод, к великому своему удивлению, обнаружил, что ему нечем кормить войско.

Был спешно собран военный совет, на котором стали решать, что же делать в сложившейся ситуации. Посовещавшись, приняли следующее решение — рязанский князь Олег Владимирович берет великокняжеский полк, сажает его на ладьи и насады и ведёт на Оку, в земли, не разорённые войной. Местность князь знает очень хорошо, вот пусть там и занимается прокормом ратников. А как только будет взят Пронск, к нему присоединятся остальные великокняжеские полки. Хотя можно предположить, что был и другой вариант решения проблемы и Олег должен был не только прокормить своих людей, но и доставить продовольствие в лагерь под Пронском. Могло быть и так. В итоге решение было принято, и судовая рать под командованием Олега Владимировича отправилась на Оку.

Вот тут князь Олег и развернулся. Его воины прошлись по селам и деревням, которые лежали вдоль реки Прони, набивая припасами суда. Они дошли до Ольгова городка, стоявшего у впадения Прони в Оку, и там решили немного отдохнуть, перед тем как продолжить рейд дальше. Однако события приняли неожиданный оборот.

Находившийся в это время в Рязани князь Роман Игоревич был лазутчиками очень хорошо извещен о том, что происходит под Пронском. Но помочь осажденным ничем не мог, поскольку выходить на бой против всей великокняжеской рати было безумием. В Рязани же, опираясь на мощнейшие укрепления, можно было дать бой Всеволоду, и князь Роман готовил свои полки к предстоящей битве. По ночам дозорные на стенах и башнях Рязани видели далёкое зарево в той стороне, где находился Пронск. Рязанский князь понимал, что осажденный город ждет от него помощи, но пока был бессилен что-либо сделать. Разве что представится подходящий случай. И тут судьба неожиданно улыбнулась Роману.

Прискакавшие от Пронска разведчики донесли о том, что в устье реки Прони остановилась судовая рать суздальцев. Роман Игоревич быстро сообразил, что у него появляется уникальный шанс разбить воинство Всеволода по частям и в случае успеха избавить от осады Пронск. Князь понимал, что удача кроется в быстроте действий, а потому погрузил на ладьи пехоту и отправил по Оке, а сам с дружиной выступил вдоль берега. Главным было застать врага врасплох, и поэтому Роман очень спешил.

Тем временем некоторую часть своих войск Олег распустил по окрестным селам собирать припасы, однако основные силы предпочел держать под рукой. Он знал, насколько обманчивым может быть это затишье, а потому велел своим людям не расслабляться и оружие держать наготове. Поскольку враг не заставил себя долго ждать. Роман, приведя свои полки к устью Прони, высадил на берег пехоту, и тут ему донесли, что множество суздальцев разбрелось по окрестностям в поисках продовольствия. Велев воеводам вести пешее воинство к вражескому стану, князь Роман развернул дружину и атаковал вражеских фуражиров. Конные гридни, как снег на голову, обрушились на великокняжеских ратников и сразу же обратили их в бегство. Кого порубили мечами, кого забрали в полон, а остальных погнали в сторону лагеря.

Однако Олег был уже извещен о внезапном нападении. Полк был поднят по тревоге и построен в боевой порядок ещё до того, как подоспела конная дружина Романа. Увидев, что враг готов к битве, рязанский князь велел своими гридням отступить и дожидаться подхода пехоты. Когда же подошла пешая рать, Роман Игоревич изготовил свои войска к битве и повел их на врага. Олег тоже не стал отсиживаться на берегу и выступил навстречу Роману. Два войска сошлись посередине поля, и началась битва, в которой решалась судьба Рязанского княжества.

Первыми бой начали лучники: они осыпали стрелами ряды противника, а затем отступили за строй тяжелой пехоты. После этого в сражение вступили главные силы. В центре сошлись пешие ратники, на флангах съехались конные дружинники. Бой был жесток и упорен, уступать не хотел никто. Однако суздальцы опрокинули в центре строй рязанской пехоты и погнали врага с поля боя. Видя поражение своих ратников, князь Роман стал выводить из битвы остатки дружины, а сторожившие ладьи рязанские воины при виде первых беглецов побросали суда и убежали в лес. Победа Олега была полная и безоговорочная.

* * *

Пленение рязанских князей, осада Пронска и битва в устье Прони явились ключевыми моментами похода Всеволода в Рязанское княжество. Невольно складывается впечатление, что эта акция была спланирована великим князем заранее.

Осада Пронска действительно была длительной и кровопролитной, об этом нам в подробностях рассказывает Лаврентьевская летопись. Город был окружен, и Всеволод

надеялся захватить его атакой с разных направлений: *«И повеле приступити ко граду со все страны».* Однако штурм успеха не достиг, и началась длительная, изматывающая осада с ежедневными приступами и ночными вылазками. Летописец указал конкретную цель этих вылазок: «**Они же бьяхутся излазящи из града не брани деля, но жажы ради водныя, измираху бо мнози людье в граде**». Как отметил В.Н. Татищев, «и *было с обоих сторон кровопролитие великое, много людей побивали».* Героизм защитников Пронска сомнений не вызывает, в данной ситуации они сделали всё что могли и даже больше того.

Судьба города была решена не под его стенами, а поражением рязанских полков у Ольгова городка. Когда князь Олег Владимирович вернулся под Пронск с судовой ратью, защитникам стало известно об этой катастрофе. Вот теперь князю Изяславу и его гридням надеяться действительно стало не на что и не на кого. Итог осады мог быть только один, и сомнений он ни у кого не вызывал. В городе собрали совет, на котором решали, как быть дальше. Ввиду невозможности дальнейшей борьбы было решено просить у Всеволода мир. Великий князь, которому самому надоела эта осада, не стал лютовать, а благосклонно выслушал просителей. 18 октября 1207 года городские ворота распахнулись, и из них вышел князь Изяслав, за ним его бояре и лучшие мужи города, далее шли дружинники и ратники, а за ними тянулись остальные жители. Три недели они доблестно сражались на стенах и валах родного города с превосходящими силами великокняжеской рати, и вот теперь все закончилось.

Всех пронских бояр Всеволод отправил во Владимир-Суздальский, туда же выслал и жену князя Кира Всеволодовича, которую муж почему-то забыл прихватить с собой во время бегства к тестю. Изяслава владимирский князь отпустил на все четыре стороны, а по всем городам Рязанской земли разослал своих посадников. Жители Пронска целовали крест на верность Всеволоду, а князем в городе стал Олег Владимирович, который получил то, что хотел. Закончив с делами в покорённом городе, великий князь повел своё воинство на Рязань. У села Добрый Сот он остановил свою рать на ночлег, а наутро запланировал форсировать реку Проню и вывести полки на прямую дорогу к стольному городу Рязанской земли. Сил сопротивляться суздальцам у Романа Игоревича уже не было, поскольку в сражении у Ольгова городка его войска понесли тяжелые потери. Поэтому было решено бить Всеволоду челом, и рязанская делегация во главе с епископом Арсением отправилась во вражеский стан.

Владимирский князь был человеком практичным и всегда предпочитал синицу в руке журавлю в небе. Он прекрасно видел, когда надо остановиться, и не страдал головокружением от успехов. Поэтому он милостиво принял посланцев и пообещал к Рязани не подходить и город на щит не брать. А со стороны рязанцев ему нужна сущая малость: пусть они всех оставшихся князей с княгинями отправят к нему во Владимир-Суздальский. А он уж там разберется, кто прав, а кто виноват, и воздаст каждому по заслугам его. Кого щедро одарит, а с кого и спросит строго. Выбора у

послов не было, и они принесли князю клятву. После этого Всеволод развернул полки и ушел к Коломне, а оттуда к своей столице, куда торжественно и вступил 21 ноября.

А вскоре в город прибыли и рязанские князья, что продемонстрировало их полную беспомощность перед могущественным северным соседом.

Удивительно, но политические дивиденды от рязанского похода Всеволода сумел получить и Рюрик Ростиславич, который, согласно Лаврентьевской летописи, воспользовался тем, что внимание Всеволода Чермного было отвлечено на восток. Пока Всеволод Святославич следил за тем, как развиваются события в Рязанской земле, Рюрик внезапно напал на Киев и изгнал оттуда своего врага, который опять убежал в Чернигов. Получилось, что свои обязательства перед Рюриком владимирский князь выполнил.

* * *

Судьбу Рязанского княжества Всеволод решил просто. Пока все князья рязанские сидели кто в порубе, а кто в хоромах мужей владимирских под крепким присмотром, он отправил в Рязань своего сына Ярослава. За чужой счет наделил сына уделом. Понятно, что не всем такое понравилось, но кто мог возразить великому князю! Ярослав обосновался в столице княжества и разослал по всем городам и весям своих наместников, а рязанцы снова целовали крест Всеволоду. Казалось, что наступила тишина, но она была недолгой.

Зачинщиком новой смуты стал Глеб Владимирович, человек подлый и коварный. Причину, почему он на это пошёл, нам называет В.Н. Татищев: *«Глеб Владимирович, недоволен будучи, что только Пронск от Всеволода в награждение своей душевредной клеветы получил, хотел и Рязанью сам с братьями всей обладать».* Если исходить из данного сообщения, то получается, что брат Глеба Олег, которому Всеволод даровал Пронское княжество, уже не правил в городе. Вполне возможно, что к этому времени он умер. Но Пронска, как видим, Глебу было мало, и он замахнулся на Рязань. Проблема заключалась в том, что в столице княжества сидел Ярослав, за спиной которого стоял его грозный отец Всеволод Большое Гнездо. Связываться с ним было для Глеба смерти подобно, великий князь раздавил бы пронского, как таракана, и даже бы не заметил. Поэтому Глеб и начал плести свою паутину, опутывая ей всех — и князей, и бояр, и народ.

Хитрый князь быстро установил контакты с черниговскими Ольговичами, договорившись о военной поддержке. А затем привлек к заговору и своего брата Изяслава, героя обороны Пронска. Сам Глеб ратными талантами не блистал, поэтому ему и нужен опытный военачальник. Честному Изяславу всё это могло преподноситься как борьба за свободу и независимость Рязани, а о конечной цели всего предприятия Глеб мог ему и не сообщать. Он постоянно твердил союзникам о том, что все силы положит на освобождение своих родственников из суздальской неволи, и оснований ему не верить у князей не было. Как же было не помочь

пронскому князю в таком богоугодном деле! Впрочем, всю свою любовь к родичам Глеб обнаружит в 1217 году, когда 20 июля на княжеском съезде в Исадах наемные половцы убьют пятерых его двоюродных братьев и брата Изяслава, того самого, с которым он сейчас собирался изгонять Ярослава.

Но это произойдёт нескоро, а сейчас люди Глеба разъезжали по Рязанской земле и мутили народ. В итоге случилось то, что и должно было случиться. По всему княжеству переловили управляющих и наместников Ярослава, заковали в цепи и покидали в темницы, «а *инехъ в пгребех засыпаете измориша»* (Лаврентьевская летопись). Проще говоря, посадили в погреб и сверху засыпали землей. Кому повезло, тот сумел удрать, и вполне возможно, что именно они и принесли Ярославу весть о том, что Рязанская земля поднялась и ему надо спасать свою жизнь. Молодой человек в полной мере оценил размер опасности и, спешно собрав дружину и преданных лично себе людей, затворился в Детинце. Во Владимир-Суздальский умчался гонец, чтобы дать знать Всеволоду о надвигающейся катастрофе. Тем временем в Рязань прибыли Глеб и Изяслав Владимировичи. Однако жители города никак не могли решить, как им захватить Ярослава и выдать мятежным братьям. Сын Всеволода накрепко засел в Детинце и носа не высовывал за его пределы, а на башнях крепости грозно поблескивало оружие владимирских гридней. По ночам дозорные жгли на стенах факелы и бочки со смолой, с тревогой вглядываясь в ночную мглу и опасаясь неожиданного приступа. Однако рязанцы пока медлили, вероятно, ожидая либо удобного момента, либо прибытия подкреплений. И дождались — к городу подошли суздальские полки во главе с Всеволодом Большое Гнездо. Вместе с отцом выручать брата пришли все сыновья старого князя, и до рязанцев наконец дошло, в какую же авантюру они ввязались. Едва только вдалеке замаячили великокняжеские стяги, и Глеба с Изяславом как корова языком слизнула. Горожане обнаружили, что защищать их некому, некому и возглавить оборону. Воспользовавшись этой растерянностью, Ярослав с дружиной выехал из Рязани и присоединился к отцу.

Следом за князем потянулись из города лучшие мужи и горожане во главе с епископом Арсением, они били Всеволоду Юрьевичу челом, винились и пытались объяснить свое поведение. Но всё было напрасно. Великий князь был в ярости, и ему было наплевать на то, что перед ним лепечут насмерть перепуганные рязанские бояре. Всеволод распорядился, чтобы из Рязани вышли все жители вместе со своим добром и скарбом: *«Всем людем изити из града и с товаром»* (Лаврентьевская летопись). Город стоял с распахнутыми воротами, двери домов и дворов были открыты настежь, и лишь ветер гулял по пустынным улицам. Всеволод взмахнул булавой, и десятки всадников с зажжёнными факелами в руках устремились к Рязани. Рассыпавшись по городу, они бросали огонь в княжеский терем и боярские дворы, в купеческие амбары и дома мастеровых. Костром занялись улицы и площади Рязани, запылал Детинец, и огонь быстро пополз по городу.

Тем временем конные дружинники и пешие ратники окружили рязанцев и стали медленно оттеснять от охваченных пламенем стен и башен. По приказу Всеволода гридни выхватывали из толпы рязанских бояр и воевод и либо заковывали в железо,

либо рубили мечами. Рязань гибла, её слава превращалась в дым и пепел. Вскоре великому князю надоело смотреть на пожар, и, хлестнув коня, он поехал прочь.

* * *

За амбиции Глеба расплатилась Рязанская земля. Всех жителей Рязани по приказу великого князя угнали в Суздальскую землю и там расселили по городам. Увели во Владимир епископа Арсения и некоторых бояр. Но гнев Всеволода Юрьевича пал не только на Рязань. Дотла был сожжен Белгород, а многие волости разграблены. И лишь после этого суздальская рать ушла за Оку, гоня перед собой тысячи пленников. Как государственное образование Рязанское княжество перестало существовать.

* * *

Однако князь Изяслав Владимирович не собирался мириться с таким положением дел. Он уже сражался против Всеволода в Пронске, и новая схватка с суздальцами его не пугала. В отличие от своего брата Глеба, который ударился в бега, он не стал складывать оружия, а решил продолжить борьбу. Неожиданного союзника он обрел в лице Кира Всеволодовича, который благополучно отсиделся у своего тестя Всеволода Чермного, пережидая грозу над Рязанским княжеством. Посовещавшись, родственники решили идти по стопам своего деда Глеба Ростиславича и совершить набег на Москву.

Надежды на успех у князей были. И связывались они прежде всего с тем, что сыновья Всеволода повели полки в поход на Новгород и сейчас находились где-то в районе Твери. А значит, Кир и Изяслав могли действовать безнаказанно. Поэтому, быстро подняв свои дружины, они выступили в поход. Однако Москву князья штурмовать не рискнули, очевидно, там было достаточно войск, чтобы отразить приступ, а потому занялись разорением волости, или, проще говоря, банальным грабежом. И так увлеклись этим делом, что забыли старинную мудрость о том, что жадность до добра не доводит. Им и в голову не могло прийти, что сыновья Всеволода уже договорились с новгородцами и возвратились с полками к отцу во Владимир-Суздальский. И что великий князь отправил против рязанцев сына Георгия с дружиной.

Безнаказанность порождает самоуверенность, и именно это случилось с Киром и Изяславом. Мало того что князья стали действовать отдельно друг от друга, так они ещё распустили свои войска по окрестным селам в поисках добычи. Обо всем этом князь Георгий сведал от разведчиков и принял вполне логичное решение бить противника по частям. Первой жертвой он наметил Изяслава, передовые части которого стояли на речке Мерске. Дружина Георгия шла всю ночь, но зато и застала

противника врасплох. На рассвете конные владимирские гридни смяли сторожевые отряды Изяслава и погнали их к главному стану на реке Дроздне. В лесу, через который удирали рязанские ратники, произошло страшное избиение беглецов, дружинники Георгия беспощадно секли пытавшихся спастись воинов.

Затем вся масса преследуемых и преследователей с ходу вломилась в лагерь Изяслава, и для рязанцев всё было кончено. Первым бросился наутек князь, он сумел переправиться через реку и успел скрыться в лесу. Гридней, которые прикрыли его бегство, владимирцы просто втоптали в землю, а остальную дружину Изяслава либо изрубили, либо повязали. Разгром был полный и катастрофический. Недаром, когда об этом побоище узнал Кир Всеволодович, он долго не раздумывал, а быстро собрал своё воинство и побежал прочь из Суздальской земли.

Князь Георгий возвратился в столицу с победой и был с великой честью принят своим отцом.

* * *

В 1210 году в Южной Руси произойдёт новое перераспределение столов и Чермный снова усядется на златой престол в Киеве, а Рюрик Ростиславич станет княжить в Чернигове. Тогда же Всеволод Чермный и вся его братия обратятся к Всеволоду Большое Гнездо с просьбой заключить с ними мир, признавая при этом его старшинство. Похоже, что владимирского князя подобный расклад совершенно устроит, и он примет предложение своего тезки. На следующий год сын великого князя Георгий, победитель на Дроздне, женится на дочери киевского князя Всеволода Чермного Агафье. Примечательно, что этот сугубо политический брак окажется счастливым для молодой пары.

В том же 1210 году великий князь совершит последнее военное мероприятие против Волжской Болгарии, отправив туда с войсками своего меченошу Кузьму Ратыиича. Ратыпич захватит городок Тепру, разорит земли серебряных болгар и с большим полоном вернется в столицу.

Великий князь Всеволод, по прозвищу Большое Гнездо, скончается 14 апреля 1212 года, оставив своим сыновьям в наследство неразрешенный конфликт с Новгородом и борьбу за власть во Владимиро-Суздальском княжестве. Но это уже совсем другая эпоха и совсем другие герои.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев С. Игорь Святославич. М.: Молодая гвардия, 2014.

Андреев А.Р. Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. М.: Русская панорама, 1998.

Вертинский А. Всеволод из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси. Алетейя, 2014.

Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985.

Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. М.: Водолей, 2007.

Воронин Н.Н. Владимир. Боголюбове Суздаль. Юрьев-Польской. М.: Искусство, 1983.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XV вв. Т. 1. М., 1961; Т. 2.М., 1962.

Георгиевский В. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Репринт с издания 1894 года. Книга по требованию. 2015.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953.

Долгов В., Савинов М. Дружинники Древней Руси. М.: Эксмо; Яуза, 2012.

Иловайский Д. История Рязанского княжества. М.: Кучково поле, 2009.

Ионина Н.А. Суздаль. История. Легенды. Предания. М.: Вече, 2009.

Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3-х т. М.: АСТ; Ермак, 2004.

Каргалов В. В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2008.

Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. II. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М. — Л.: АН СССР, 1961.

Карпов А. Андрей Боголюбский. М.: Молодая гвардия, 2014.

Карпов А.Ю. Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015.

Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М.: Молодая гвардия, 2006.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М. — Л.: Наука, 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX — XIII вв. М. — Л.: Наука, 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX — XIII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993.

Лимонов Ю. Владимиро-Суздальская Русь. Л.: Наука, 1987.

Лызлов А. Скифская история. М.: Эксмо, 2012.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000.

Ляскоронский В.Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Репринт с издания 1903 года. Книга по требованию, 2013.

Насонов А.Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.: Наука, 2006.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX — XIII веках. М.: Наука, 1981.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

Повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1983.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).

Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993.

Разин Е. История военного искусства VI–XVI вв. СПб. — М.: Полигон; АСТ, 1999.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М.: Наука, 1982.

Се повести временных лет. (Лаврентьевская летопись). Арзамас: Педагогический институт, 1993.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988.

Татищев В. История Российская. В 3-х т. М.: АСТ, 2003.

Тихомиров М. Древнерусские города. СПб.: Наука, 2008.

Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975.

Толочко П.П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1976.

Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X — XIII века. СПб.: Алетейя, 2011.

Толочко П.П. Древняя Русь. Киев: Наукова думка, 1987.

Храбрые русичи: Слово о полку Игореве. Воинские повести. Былины. Исторические песни Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1986.

Цветков С. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. М.: Центрполиграф, 2013.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект, 2001.

Янин В.Л. История и культура древнерусского города. М.: МГУ, 1989.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту… М.: МГУ, 1975.

Янин В.Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004.

Яновский А. Юрий Долгорукий. М.: Московский рабочий, 1955.

* * *

Михаил ЕЛИСЕЕВ

Войны Суздальской Руси

Войны ростово-суздальских и владимирских князей в XII веке — важнейшая и драматическая страница в истории Древней Руси. Именно эти войны оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу всего русского государства. После них Киев перестал быть главным политическим центром русских земель. Некогда единая страна разделилась на несколько частей: Русь Северо-Восточную, Русь Юго-Западную и Русь Южную. Войны и походы Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо привели к тому, что именно Владимиро-Суздальское княжество становится самым могущественным на территории некогда единой Руси. С этого времени начинает проходить глобальный разлом между Русью Южной и Русью Северо-Восточной. Разлом, последствия которого ощущаются и в наши дни.

Об этом тревожном и трагическом времени рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-4444-3518-2
9 785444 435182
Вече